

Л Ъ К А Р С Т В О
О Т Ъ С К У К И И З А Б О Т Ъ .

еженедѣльное изданіе

Федора Туманскаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

опшъ і Января по і Юля 1787 года.

ВЪ С А Н К Т П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ ,

Печатано съ дозволенія Указнаго у Шнора,

1787 года.

ЛѢКАРСТВО ОТЪ СКУКИ И ЗАБОТЪ.

№ 28. Середа. Января 6 дня 1787 года.

Двадцать пятая значить: *Мушка.*

26 Загадка.

Отъ пищи я свое

Имью бышье;

А ремесло мое

Все дѣлашь по, что умъ прикажеть,

Что сердце скажеть.

Мной въ жизни множество прославилось лю-
дей;

Боишся всякъ меня, коль я въ рукахъ Царей
Неправедныхъ и злобныхъ,

И у судей, пиранамъ симъ подобныхъ.

Велика ли я вещь; но многое шворю:

Смѣхъ, слезы, щасье, смерть; но днесъ жи-
вошъ дарю

И благоденствіе лю на миліоны,

Изобразивъ божественны законы,

Которы Царшвуютъ въ *Екатерининъ* вѣкъ,

Отъ коихъ Океанъ безцѣнныхъ благъ изшекъ.

*Письмо къ Палмиръ. **

Ты, съ копорою намѣренъ я нѣкогда соединиться; ты, копорая еще не сущеспвуешь для моего блаженства; и можешъ бышь въ далекомъ отъ меня разстоянїи пворишь невѣдомыя добродѣтели, копорыя любовь сдѣлаешъ нѣкогда полезными роду человѣческому — Любезная Палмира! прїйми перьвую мою жершву: сіе письмо по внушенїю сердца моего начертанное, будешъ тебя достойно; оно не будешъ подобно обыкновеннымъ посвященїямъ; ниже обоготворишь равной всѣмъ, ниже возропщешъ на помрачающихъ. Кому лучше могъ бы я посвятишь сію книгу, какъ не той, копорая мнѣ оную вдохнула? Любовь содѣлала меня философомъ, твои прелести явили мнѣ природу въ гораздо прїятнѣйшемъ видѣ; и твои добродѣтели предспавили оную (если по возможно) еще превозходнѣйшею. Если бы подносилъ я сіе шворенїе Царицѣ; я бы ее наименовалъ, и письмо тѣмъ бы кончилось; публикѣ бы оставалось судить, копорая знаетъ, достойна ли она похвалы, сдѣлашь ей посвященїе. Но ты, Палмира споль мало знающая людей, сколь и сами люди достойны знать тебя, я обязанъ спознакомить съ тобою философовъ и расска-

* De la philosophie de la Nature.

зашь имъ жизни твоей исторію, которая оправдаешь мое письмо, а письмо послужитъ ко оправданію моего труда. Теперь возлещю я къ тому блаженному мгновенію, въ которое мы въ перьвый еще разъ увидѣлись; мы еще не разговаривали; но тайное движеніе насъ предало; взоры наши встрѣтились, души наши себя уразумѣли, мы любимъ другъ друга. Ты меня любишь; ибо при перьвомъ твоемъ на меня возрѣніи примѣшилъ я по колебанію твоея груди спремительныя твоего сердца движенія; ты меня любишь; ибо съ молодыми моего пола людьми ты предаешься всѣмъ чувствіямъ радости, но всегда остаешься для меня. Пріятная спыдливость престань румянить лице Палмиры; ты доказываешь непорочность моей любовницы, и ты сохранишь ее еще и тогда, когда сія любовница будешь матерью. Палмира я тебя люблю съ восхищеніемъ; однако же ты несовершенная красота; Албанъ не взялъ бы тебя за образецъ, когда писалъ Грацій и тѣ Асіяшскіе Монархи, кои пользуются покупаемыми удовольствіями, въ своихъ Гаремахъ не помѣсили бы тебя съ своими Грузинками; но мнѣ какая нужда? я плѣнился толико прелестями твоими, какъ бы ничто съ оными сравниться не могло. Любовь моя ещѣ нѣчто болѣе того чувственнаго пламени, который угасаетъ послѣ наслажденія. Я могу на одинъ часъ предпо-

честь тебѣ Грузинку, но полюбивъ тебя еди-
 ножды, буду тебя любить всю мою жизнь.
 Добродѣшная Палмира возпрійми прежнюю
 твою веселость! ты первая моею душою
 овладѣла; если бы ты могла имѣть совмѣ-
 стницу, я бы никогда не полюбилъ тебя.
 Мы бесѣдуемъ теперь новымъ для насъ язы-
 комъ; тайное побужденіе вдыхаетъ намъ
 свои изображенія, и показываетъ свои из-
 гибы; сей языкъ любви есть общій для всѣхъ
 народовъ. Когда въ удивительномъ повѣ-
 ствованіи о Дидонѣ . . . Послушай Палмира,
 ты можешь быть никогда не читала Энеиды;
 но что нужды! ты любишь, и сердце твое
 къ каждое ока мгновеніе творитъ мысли Вир-
 гиліевы и пѣсни Анакреонповы. О koliko
 любовь укрѣпляетъ душу мою. Я никогда
 не чувствовалъ себя болѣе благошворитель-
 нымъ, какъ когда осмѣлился содѣлаться тебѣ
 доспойнымъ. Люди не были для меня столько
 любезны, какъ когда я приближался къ той
 минутѣ, въ кошорую долженъ былъ ихъ за-
 быть въ объятіяхъ твоихъ; ты добродѣ-
 шельна; ибо природа тебѣ таковою содѣлала
 и я добродѣшленъ, ибо всѣ тебя любящіе,
 должны быть тебѣ подобными. Палмира
 что за эпоха, первый годъ нашего соеди-
 ненія! не двадцатилѣтнимъ старикамъ, на-
 полняющимъ города наши, равновѣсиль спре-
 мительное нашихъ удовольствій теченіе;
 не плѣненными произведеніями Аршена су-

дишь о изящности Албановой кисти; любя другъ друга мы слѣдуемъ сладчайшему побужденію природы; бываютьъ такія минушы, въ кошорыя кажешся сугубитъ она бышіе наше, изпровергаетъ въ глазахъ нашихъ всю вселенную. Однакожъ возхищеніе сіе скоропечно, но добродѣшель твоя вознаграждаетъ тебя за то утѣшеніемъ; ты чувствуешь, что сіи сладострасшныя минушы суть минушы поперячныя для щаспія того, что насъ окружаетъ. Твоя добродѣшель но я самъ себѣ не прошиворѣчу; и что есть любовь безъ оной? Нѣтъ, любовники порочные не сопрягаются любовію. Пріятно для меня Палмира, приписывать тебѣ совершенства твоего пола, не приписывая другихъ; пріятно для меня мыслишь, что я тебя буду почищать еще тогда, когда воспламененная душа моя будешь слѣдовать безъ порядка чувствъ моихъ; пріятно мнѣ увѣренну бышь, что ты будешь для меня Юлією безъ ея преступленій и Клариссою безъ ея безславія. Премѣняется явленіе! Палмира, се уже ты мать! Новое печеніе должностей намъ открывається; коликими знаменованіями дѣлаешься ты для меня любезною! Я тебя буду любить съ таковымъ же возторгомъ, но степень возторга сего возрастеть; я обожалъ Палмиру по побужденію, но когда родила она мнѣ сына, я почищаю ее, и по побужденію и по признашельности. Почтенная мать,

ты должна посвятивъ на воспитаніе сего младенца тѣ пріятнѣйшія минушы, которыя обѣщаваешь тебѣ моя нѣжность. Дѣло, которое тебѣ исполнишь оспалось, есть самое важнѣйшее; да будетъ сынъ мой тебѣ подобенъ, и попомъ — — жила ты довольно. Ты воздоишь сего младенца, попому что ты его мать; ибо пагубное и зловредное обыкновеніе не предписываетъ закона прошиву природы; и лучше подвергнуть себя осмѣянію, нежели раскаянію. Любезнаго сего младенца наемникъ воспитать не можетъ; если спортишь въ немъ даръ природы, онъ не будетъ болѣе твой сынъ; если будетъ онъ тебя совершеннѣе, ты преспанешь бытъ его матерью. Ты разверзешь въ немъ благовременно зародышъ природнаго закона. Никогда не будетъ ему рано научиться почитать себя, слѣдовать сладкому побужденію влекущему его къ подобнымъ себѣ; поставятъ Бога между собою и людьми. Знаю, что младенецъ сей будетъ человеколюбивъ и чувствителенъ, ежели онъ не будетъ имѣть другихъ учителей, кромѣ Палмиры и природы; но возрѣніе на благополучныхъ людей, можетъ напоследокъ переменить въ немъ чувствованіе благоволенія; онъ можетъ бытъ щасливъ самъ въ себѣ, и содѣлать душу свою подлою и жестокою; и такъ увеличь ты предъ нимъ картину дѣяній человеческихъ; первыя слезы, которыя онъ увидѣвъ бѣд-

ныхъ людей прольетъ, послужатъ залогомъ будущей его добродѣтели и награжденіемъ своихъ трудовъ. Въ Спартѣ поили невольниковъ, дабы гражданъ содѣлать презвыми; а Палмира вразумитъ сыну своему вопль страдающихъ и кляшвы опчаянныхъ, дабы воздержатъ его отъ гордости подлыхъ душъ, и ожесточенія злыхъ сердець. Онъ никогда не станетъ учиться шѣмъ труднымъ опаснымъ пустошамъ, которыми заражается въ городахъ юношество, достигшее довольнаго щасія, если въ состояніи забыть сіи внушенія. Не менѣе того будетъ онъ просвѣщенъ; когда понятіе его разорветъ покрывающія его завѣсы; онъ будетъ имѣть справедливый разумъ въ сужденіи изящнаго, и чувствительное сердце въ сужденіи добраго. Палмира, я иногда вырвусь изъ своихъ объятій, дабы заключить въ свои сей залогъ любви твоей и добродѣтели; и сія отсутствія минута будетъ еще пріятнѣе для твоего сердца, нежели самая нѣжныя наши ласки. Палмира не будетъ имѣть невольниковъ, хотя бы мы жили и въ новомъ свѣтѣ; нѣтъ никакого могущества на земли, которое могло бы утвердить невольничество, и мы не имѣемъ права дикихъ мучить, потому что ихъ отцы убиты нашими. Но поелику мы не можемъ возставить первобышнаго равенства на земли, то мы воспользуемся услугами людей бѣдныхъ, но чест-

ныхъ, которые не будутъ повиноваться ни себѣ самымъ, ниже своимъ господамъ, но порядку; и которые почтутъ себя щастливѣйшими въ служеніи Палмиры, нежели въ независимости. Супругъ, дѣши, домъ, вотъ цѣлой свѣшъ для Палмиры; ты рѣдко увидишь прочихъ людей; какая тебѣ нужда въ шолыкомъ скопищѣ пришворщиковъ названныхъ общесшвомъ, которые безпрестанно и жестоко мучатся, что бы ничего не дѣлать; которые перемѣняютъ свои личины, для перемѣненія своихъ удовольствій, и которыхъ бышіе престаешъ, коль скоро нѣшъ пиши для ихъ киченія; для тебя же, всѣ твои минушы заняшы, ты машъ. Хотя твои добродѣтели не будутъ блиспашъ, и не будутъ ни Плинія для прославленія оныхъ, ни Траяна для награжденія; однако же потому не менѣ онъ будетъ величешвенны. Сладкое содроганіе производимое добрымъ дѣшшвїемъ въ благородномъ сердцѣ, больше спощъ, нежели одобренія вселенной. Природа привела меня во объятія Палмиры, а Палмира опшводитъ меня къ природѣ; книга, которую осмѣливаюсь я ей посвятишь, есть шочно живое изображеніе ея чувствованій; мы иногда будемъ разговаривать о той высочайшей связѣ, которая соединяетъ великій домъ вселенныя; и если бы сіе сочиненіе не было написано, то бы мы исполнили оное въ нашихъ разговорахъ. Я увѣренъ объ

одобреніи Палмиры, спокойно и безъ негодованія буду ожидашь суда людей; одобренія нѣкоторыхъ добрыхъ сердецъ, приведуть въ содроганіе чувствительную мою душу; слезы ихъ еще больше меня льспить будутъ. Если какой ни есть непріятель рода человѣческаго, изрыгаешъ на сіе сочиненіе ядъ кроющійся въ душѣ его, о Палмира! я брошусь въ твои объятія, и обнимая тебя, скажу; природа неуязвлена; будутъ можешъ быть меня обвиняшь въ высокомеріи, но съ чувствованіями сопровождающими меня, есть шакія минушы, въ которыя осмѣливаюсь себя льспить, что я не имѣю другихъ непріятелей, кромѣ непріятелей природѣ. Если бы ея непріятели показались предо мною, я бы отъ встрѣчи ихъ не бѣжалъ, но говорилъ бы съ ними о Палмирѣ, и укореніе сапиры исчезло бы изъ ихъ уснѣ; и въ то время они былибъ безоружены. Должно всегда оканчивать слѣдуя природѣ, и почиая Палмиру.

Вечеръ Декабря 31.

На канунъ Новаго года пріѣхавъ домой ранѣе обыкновеннаго не зналъ я за что приняться. Музы заглушенныя зовомъ голодныхъ спяхошворцевъ, напягивающихъ силы свои для риѣмошканія нѣсколькихъ поздрав-

шельныхъ къ новому году пустословіи, не внимали моленію моему; лишенный вдохновенія ихъ, щещно принимался я за пѣро; Морфей, получившій свыше приказаніе дать волю суешнымъ смертнымъ шапаніемъ своимъ небесныхъ жителей смѣшавшимъ, на опрѣзъ служишь мнѣ опказался — что бѣдному мнѣ начашь? — Тутъ то къ спаши вспомнилъ я о зеркальцѣ, которое подарилъ мнѣ незнакомый шарикъ — спасибо тебѣ дѣдушка, сей вечеръ почувствовалъ совершенно цѣну твоего одолженія. Я кинулся къ чудному сему зеркалу и началъ смотрѣть — о Боже, что за смяшеніе во всемъ городѣ! — прелесныя дѣвушки, щеголеватые молодцы, старые кричи, беззубыя бабушки, вдовы и замужнія всѣ стоятъ около очаговъ и распускаютъ нѣкіе мешаллы — — въ томъ мнѣніи что всѣ они принялись за алхимію, и подобно г. Самблину ищутъ способа ко умноженію золота, устремилъ я взоры мои на дѣянія ихъ прилѣжно — смотрѣлъ и туда и сюда, но у всѣхъ нашелъ единообразіе; всѣ распланный мешаллъ лили въ воду и весьма приспально смотрѣли, какое изъ того выйдеть изображеніе — дѣвушки, которыя поблагороднѣе, и помазавшія Французскимъ въпромъ губки свои кричали: ахъ топ соеиг сесприца, regardez какъ прекрасно мнѣ вылилось; та foi я буду въ слѣдующемъ году имѣть мужа; да какого же богатаго; вонъ сколько около него денегъ, — — ахъ! ахъ!

прервала другая, мой въ леншѣ, я буду за Генераломъ, вошъ почно, почнохенько звѣзда Кавалерская — Вершопраховъ любуясь своимъ кускомъ вылишаго мешалла возхищался духомъ и хвасшалъ предъ своею брашьею, что изъ разныхъ изображеній не ложно онъ доказашъ можешъ, коль великое предуготовано ему въ будущій новый годъ счастіе; новый чинъ, новое мѣсто, множество денегъ, шьма любовницъ — — Мотовъ вертясь на одной ногѣ клялся предъ своею богинею, что изъ прямо доказательныхъ шишекъ видитъ онъ, что съ началомъ новаго года сорветъ онъ всѣ банки, накопитъ безчисленныя суммы денегъ и содѣлався богачемъ успроишъ жизнь свою весьма порядочно — — Старый хрычъ кашей проповѣдывалъ милосердіе небесъ, что съ новымъ годомъ вмѣсто пяти проценшовъ веляшъ драшъ по двадсяти, ибо на кускѣ его ровно двадсять холмиковъ вылилось — — Беззубая Шаханоара улыбалась и необинуясь увѣряла близъ споявшаго молодого челоука, что ей отъ роду шесшьнадсять лѣшъ и что безъ всякаго сомнѣнія онъ на ней женишся можешъ, и показывала на мешаллѣ изображеніе числа 16 и буквы Л — — — вдовы безшолковое положеніе часпицъ полковали въ свою пользу и мыслили бышъ уже въ обьяпіяхъ новыхъ мужей, превозходнѣйшихъ чемъ были покойники — — замужнія (но не всѣ) непримѣшивъ на опливкахъ своихъ никакого изо-

браженія заключили вообще, что въ слѣдующемъ году мужья ихъ лишатся зрѣнія, и бывъ совершенно слѣпы не узнаютъ о ихъ невѣрности — — уввы! таковыя зрѣлища мнѣ спали несносны, я спросилъ, что за металлъ имѣющей предсказательную силу; кричали мнѣ, олово, свинецъ и вдругъ видѣлъ я, какъ дочь у отца, слуга у барина, жена у мужа воровали шарѣлки, блюда, и прочіе домашніе припасы и ломая безъ пощады распускали на несчастномъ пламени — я содрогнулся, видя суевѣріе мнимыхъ просвѣщенныхъ, отъвернулъ очи мои не видѣши суешы, и обративъ зеркальцо на другую сторону вздумалъ поглядѣть по улицамъ, что не пусты ли онѣ, когда споль много работы въ кухняхъ — — Сперва? препрѣятный видъ, Нимфа за Нимфой, дѣвушка за дѣвушкой какъ лебеди плывутъ, какъ павлины идутъ; куда милыя мои, осмѣлился я ихъ спросить — — какъ васъ зовутъ? — Иванъ! — ха! ха! ха! — другая: какъ ваше имя? — — Петръ! — ха! ха! ха! — — прешья: скажите мнѣ ваше имя? — — Андрей, Тома, Елисей — — ха! ха! ха! вопшь у меня мужъ съ прѣмя именами — всѣ одна за другой дѣлали мнѣ одни вопросы, и наконецъ принудили меня называться Каракаллою, Геліогабаломъ, и самъ не знаю кѣмъ? — наконецъ срѣшилъ я одну, кошорая казалась мнѣ поучивше, бѣла, румяна, умна, та на вопросъ мой ошвѣчала, что мужъ ея будешъ

такъ называться, какъ перьвый ее срѣшвившій — — видя глупости прешедшія всѣ предѣлы, я мыслилъ что наступающіе шесть дни и закрылъ зеркало; больше томъ вечеръ ничего не видалъ. — —

Отъ 1 до 5 Января.

Спустя дни чешыре, вставъ рано, взялъ я мое зеркальцо и любопытствовалъ, сбылось ли такъ, какъ все перепорченныя шарѣлки и блюда предсказывали, и вошъ что видѣлъ, въ томъ свидѣтель Жоржъ: дѣвушка мнившая выйши за богатаго мужа, обвинчалась втораго Января съ Мотовымъ, смотри ниже. Воображавшая бытъ за Генераломъ, бракосочеталась съ Вершопраховымъ. Вершопраховъ перьваго Января за ненаблюденіе своѣй должности и неразумнѣе законовъ удаленъ отъ мѣста. Мотовъ игралъ въ Лондонѣ въ фарао не токмо деньги и часы, но кафтанъ, камзолъ и шляпу проигралъ, и сидитъ безъ препишанія. Кащей за неумѣренный росшъ посаженъ въ шюрьму. Беззубая не токмо жениха но и зрѣнія лишася лежитъ при послѣднемъ издыханіи. Вдовъ никшо не свашаетъ и свашать не намѣренъ. Мужья слава Богу, всѣ еще зрящіе, и уже два или три словили волокишъ въ спальняхъ своихъ любезныхъ супруговъ. Дѣвушки вопрошавшіе меня объ имени всѣ ошиблись: ша, кошорой я сказался Пе-

шромъ, вышла за Авпонома, другая за Илію, а большая ихъ часть ни за кого. — —

Вотъ вамъ испинна преисполненные суевѣрїя; долго ли еще сами себя обманывать спанете. Кто сказалъ вамъ, что можете узнать будущее посредствомъ самыхъ мѣлкихъ и ничего незначащихъ вещей?

Изъ нововышедшихъ книгъ заслуживаютъ чтеніе:

Подражаніе Шакеслиру историческое представленіе безъ сохраненія театральныхъ обыкновенныхъ правилъ, изъ жизни Рюрика. Цѣна безъ переплеса 40 коп.

Новгородской Богатырь Боеславичъ, опера комическая, составленная изъ сказки, пѣсней Рускихъ и иныхъ сочиненій. Цѣна безъ переплеса 35 коп.

Объ печатаны въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ въ 8.

ЛѢКАРСТВО ОТЪ СКУКИ И ЗАБОТЪ.

№ 29. Середа. Января 13 дня 1787 года.

Двадцать шестая значить: *Пѣро.*

27 Загадка.

Нѣма, но говоришь умѣю.
Меня кшо хочешь спросить,
Попущу всю испинну открытъ:
Скажу покойники въ чемъ упражнялись
Съ кѣмъ въ Римѣ дѣвки забавлялись,
Когда священный огонь спрегли;
Открою ложь и правду безъ завѣсы
И назову кшо были шѣ повѣсы,
Чшо блага Царствѣй не брегли.
Мной вѣдомы дѣла съ начала свѣша.

Б ы л ь

Къ А. Г.

На Геликонѣ межъ богами,
Какъ шо бываетъ и межъ нами
Случился странный споръ.

Часть II.

Б

Минерва разумомъ гордясь,
Венера красотой превозносясь,
Пошли къ Зевесу на разборъ.

Зевесъ богинь обѣихъ уважая,
Что дѣлать самъ не зналъ

И ссору ихъ скорѣй пресѣчь желая
Совѣтъ боговъ созвалъ.

Богинь обѣихъ боги почитали

И долго межъ собой разсуждали,

Котору предпочесть?

Амуръ тогда рѣзвился

Ко мнѣ во спальню удалился

Лизешинъ силуетъ укралъ,

Плѣнясь, въ совѣтъ боговъ предсталъ

И образъ сей имъ показалъ.

Всѣ боги пылко на чершы смошрѣли

И разумъ съ красотой совмѣстны зрѣли.

Венера въ восхищенъ,

Мня видѣть шутъ свое изображенъе,

Пріятны взоры бросила ко всѣмъ

И красоту признала тѣмъ. —

Соперницѣ въ досаду

Минерва снала говоритъ

И качества Лизешины хвалятъ;

Лизешу боги, всѣ плѣненны зная

И всѣ любовію къ ней пылая,

Хвалами вдругъ превознесли;

Одни цвѣты на силуетъ бросали,

Другіе спрасшно оный лобызали

И въ жертву ей сердца несли.

Къ ней самъ Зевесъ почувствовалъ любовь —

Кто зрѣтъ ея, кипитъ вся кровь —
 Но кончишь ужь пора смятенье
 И объявишь рѣшенье;

Зевесъ судей-глава

Прорекъ сїи слова:

„Богини ссору вы прервите

„И роду смертныхъ покажите,

„Что вы собой умѣете владѣть;

„Доколь Лизета процвѣтаетъ

„И васъ сїаньемъ помрачаетъ

„Почто вамъ споръ имѣть?

О нескромности въ любви.

Пѣсня гласитъ: *невѣрнаго извиняютъ, но никогда нескромнаго*; и женщины не преминули примолвить, что пѣсня говоритъ справедливо: но справедливо ли говорятъ онѣ сами? Вотъ что разсмотрѣть надобно.

Невѣрный не устоиваетъ въ своемъ обещаніи; ибо онъ клялся любить вѣчно. *Первая обида*. Невѣрный обманываетъ часто двухъ женщинъ вдругъ. *Вторая обида*, но болѣе прощительная. На послѣдокъ, невѣрный оставляетъ часто женщину въ недѣлительности, или лишаетъ ее нѣкоторой части любовныхъ выгодъ. *Третья обида и всѣхъ несноснѣйшая*. Напрошивъ того нескромный толико возхищается превозходствомъ своего завоеванія, имѣетъ толь высокое мнѣніе о

своемъ благополучіи, что не можешь болѣе хранить его въ своемъ сердцѣ; тайна обнаруживается, — но сія самая поступка служишь похвалою для его обладапельницы; ибо любовникъ нелѣпой простофили рѣдко хвастать покушается. За что же неблагодарныя порицаете вы споль милой пороки! — Какъ! хвастать! — Но развѣ государыни мои, ни во что вы вмѣняете бытъ предметомъ гордости мушинъ? Въ дѣлѣ щеславія вамъ бы надлежало бытъ по снисходительнѣе. Благосклонный взоръ, поцѣлуй, пожапая рука сушь для насъ не меньше какъ удачное сраженіе, взяпый присупомъ городъ, шоржество! а вы на ето жалуешесь. Такъ прочь ошъ насъ, неблагодарныя души, вы недостойны измѣнъ нашихъ, и дай небо, что бы всѣ ваши любовники, дабы васъ взбѣсиль, осуждены были вѣчно на скромность!

Но позволимъ говорить женщинѣ: „чудовищи, возклицаешь она, такъ по етому вы шупите нашими нещастіями. Вѣроломныя виновники нашихъ слабостей, перьвое ваше попеченіе бываетъ обнаруживъ оныя; шо, что къ спыду нашему служишь, составляетъ вашу славу. Вы воспѣваете ваше щасіе, и ваши пѣсни краснѣшь насъ заставають. Вы щаспливы, а мы обезславлены. Жестокіе мушины! когдабъ вы хотя нѣсколько ушѣшили насъ въ уничиженіи, въ кое ввергаютъ насъ ваши киченія! но вы не уме-

длише согласоватьъ мыслейъ вашихъ съ голо-
сомъ публики, копорая васъ прошиву насъ
вооружаетъ, и часто причиною непостоян-
ства вашего представляете вы худую обѣ
насъ поголоску, бывъ сами виновниками без-
славія нашего.

Бѣда! какое краснорѣчіе! однакожъ сему
дивишься нѣчего: извѣстно, что въ сей ма-
теріи вы еще неумолимѣе, нежели въ иномъ
чемъ. Но разсмотримъ подружески, боязнь
ли мнимаго безчестія есть едино побужденіе
вдыхающее вамъ шоль горячую любовь къ
молчаливости? Что до меня касается, я ду-
маю, что нащелъ иную причину, и вошѣ
она.

Немногія изъ васъ, государыни мои, сполько
умѣренны, что бы держаться одного любо-
вника. Рѣшився однажды словишь одного,
часто ошѣ одного доходите вы до неопре-
дѣленнаго числа. Слѣдственна надлежитъ со-
гласишь благоприспойность съ жадностію;
а что бы сіе сдѣлашь, вы успроеваете сте-
пени по заслугамъ своихъ обожашелей, на-
чиная ошѣ прямо любимаго любовника, даже
до послѣдняго спенающаго, и въ самомъ дѣлѣ
вы увѣряя, что имѣете одного любовника,
въ тоже время владычествуете надъ шол-
пою обожашелей, а наипаче услужниковъ.
Первый, то есть другъ сердца и души,
шотъ молодой Рыцарь, или нѣжный паспухъ
недавно изъ возраста юноши вышедшій; его

Боязливость, его откровенность и самая глупость или неопытность придають свѣжему цвѣту лица его и пріятному его взору не знаю какую то прелесть, кошорая льститъ сердцу больше еще, нежели чувствамъ. Сей прекрасный паспушокъ именовашься будешь Гиласомъ.

Гиласъ очень молодъ, онъ умѣетъ только угождать; ежели его не приласкають, онъ никогда самъ начать не вздумаетъ: и для того обидашь ему единственнo въ сердцѣ.

Второй есть нѣкто славный боець, ко-его стройные здоровые члены, гласъ оспрой, волосы густые и кудрявые, ухо красное, громкій голосъ и борода мужественная представляють страшнымъ непріателемъ, кошорому съ самаго начала покоришья считаємъ себя обязанными.

Сей боець именуешья Геркулесомъ. Мы не прибавляемъ къ нему никакого прилагательнаго, въ надеждѣ, что сіе знаменитое имя само по себѣ довольно значить. Всякъ догадается и самъ собою, какая будешь его должность.

По семъ являешья любовникъ оспроумный, кошорый обыкновенно бываешь Аббатъ или сочинитель мѣлочныхъ книжекъ: онъ почти обыкновенно приходишь въ уборную комнату, или при концѣ ужина.

Не позабудемъ при томъ и о любовникѣ на показъ. Сей не любимъ, но вмѣсто того

весьма почитаемъ; онъ бываетъ какойнибудь щеголь, богашый Маркизь: свиданіе съ нимъ назначается токмо въ публикѣ, въ обѣднѣ, въ комедіи, на набережной.

Къ симъ четверемъ господамъ, кой составляютъ четыре столпа любовнаго храма присовокупимъ, или лучше сказать, вы сами, государыни мой, прибавите премногихъ шѣхъ любовниковъ, кой не успѣвъ явиться опять исчезающъ, и всѣхъ оныхъ мѣлкоправчетыхъ воздыхателей послѣдняго класса, кой душатъ васъ куреніемъ своего ѳиміама въ почтительномъ отъ васъ разстояніи.

Но какое сходство можешь имѣть сіе вычисленіе со скромностію любовниковъ? Вотъ оно.

Было бы кащейство или подлая скупость принимать обѣщанія, ладанъ, споны, воздыханія безъ уплаты за все то; а какъ мягкосердья красавицы великое къ сему пороку имѣютъ омерзѣніе и бываютъ благодарны или въ щедрости великодушны, то онѣ употребляютъ всѣ тонкіе и замысловатые способы къ воздаянію своимъ любовникамъ, стараясь не быть имъ должными.

Любовники, имѣющіе одно сходьбище, вздумали бы показывать другъ другу подарки, полученные въ награду, а сіе могло бы возбуждать зависть по мѣрѣ подозрѣнія, въ отношеніи къ собственному ихъ удовольствію. Отъ сего бы произошли премногія непрі-

лпности вѣ раздѣленіи ласки отъ сего жа-
 лобы, реченія, *а ежели бы, а еслибѣ нѣтъ,*
 ссоры, соблазны. И по сей то самой при-
 чинѣ вы сударыни взяли нѣкопорыя предо-
 спорожности; снисходя намѣ вы пребуете
 молчаливисти, и мы обѣщаемѣ наблюдашь
 оную. Чшо же изѣ шого слѣдуешѣ, когда
 данный обѣшѣ сохраняешся свято? Влюблен-
 ная и щаспливая толпа скрываетѣ свои про-
 феи и свою славу. Одинѣ показываетѣ дру-
 тому видѣ человека презрѣннаго, неудачнаго,
 а другій и всѣ принимая за испинну вѣ своемѣ
 совмѣспникѣ шо, чшо вѣ немѣ есть пришвор-
 сшво, кичатся мнѣніемѣ, чшо каждый одинѣ,
 изключая совмѣспниковѣ, обладаетѣ ласками
 и дружбою; и всѣ бывають довольны.

Теперь признайшесь господа, чшо однѣ
 шолько женщины все вѣ согласіи содержатѣ;
 признайшесь такѣ же, чшо я имѣю причину
 отказатья отъ прежняго мнѣнія, и сказать,
 чшо всякій нескромный любовникѣ есть не-
 пріятель порядка, тишины вѣ обществѣ и
 благополучія; и чшо женщины не безѣ при-
 чины поють:

*Прощается другѣ вѣроломный,
 Но не прощается нескромный.*

ЛѢКАРСТВО ОТЪ СКУКИ И ЗАБОТЪ.

№. 30. Середа. Января 20 дня 1787 года.

Двадцать седьмая загадка значить *Исторія.*

28 Загадка.

Мы тварь неодушевленная, но вещь дѣло рукъ человеческихъ, однакожъ нами вся движется вселенная; мы составляемъ важность царей; нами цвѣтутъ государства; мы управляемъ миромъ и войною; правосудіе мы преклоняемъ, безъ насъ и невинность виновна; съ нами низкая степень занимаетъ вездѣ первенство, а безъ насъ человекъ заслуженный и достигши великаго чина, упослѣженъ.

Стихи къ двѣцѣ К. . . .

Съ тѣхъ поръ какъ я швоей плѣненъ сталъ
красотой
Сокрылся отъ меня на вѣки весь покой.
Минушы радости, веселья, улешѣли,
Печаль, тоска, моей душою овладѣли.

Противно, скучно все на свѣпѣ для меня,
 Когда не вижу я дражайшая тебя.
 Ничто не веселитъ, ничто не утѣшаетъ,
 И все въ лютейшую печаль меня ввергаетъ.
 Любя тебя, горя, спрадаю, мучусь, рвусь,
 Колеблусь мыслями, печалюсь и крушусь.
 Вездѣ твою я тѣнь дражайшую встрѣчаю,
 И мысленно тебя всегда я лобызаю.
 И время я тобой и дни свои гублю,
 Но только веселюсь, что я тебя люблю.
 Пріятнѣйшій твой видъ и скромны разговоры
 Влекутъ мои къ тебѣ ежеминутно взоры.
 Хошь вижу я тебя, хошь нѣтъ тебя со
 мной,
 Душа моя всякъ часъ находится съ тобой
 И гдѣ бы я ни былъ, мой духъ къ тебѣ
 спремится,
 Тобою онъ живетъ, тобою веселится.
 Душа моя твоей на вѣки плененна,
 Скажи мой свѣпѣ, скажи: и я къ тебѣ склонна.
 Н. Я.

*Тяжба удивительнымъ образомъ рѣ-
 шенная.*

Бываютъ несчастныя обстоятельство погружающія въ безпорядокъ тѣхъ, коихъ склонности казались предохранить ихъ отъ опасности. Худое воспитаніе, неумѣренная крошость и суровость родителей, бѣдность, вѣ-

роломство измѣнника: koliko открытыхъ вратъ для низверженія въ преступленіе дѣвицы слабой и легковѣрной? — Дочь одного живописца испытала все сіе пагубнымъ опытомъ. Оставшись безъ матери въ незрѣлой еще юности подъ управленіемъ отца koliko развратнаго, тоliko и жестокаго, никогда съ нимъ безъ того не видалась, что бы не получишь отъ него какихъ либо со словіемъ соединенныхъ укоризнъ. Онъ распочалъ малый свой доходъ зарабатываемый имъ для жизни, а его несчастная дочь не рѣдко бывала доводима лишаться нужнаго. Состояніе ея, которое ни отъ кого не было скрыто, возродило въ одномъ человѣкѣ лишенномъ честности, надежду ее обольстись. Не смотря на худое воспитаніе, каковое получила Тонтона, (такъ называлась дочь) имѣла она однакожъ чувствованіе честности; а прелестникъ предвидѣвшій совершенно, что онъ ее приведетъ въ смятеніе, какъ скоро откроются ей пагубныя его намѣренія, взявъ предосторожность и облекся внѣшно въ одежду честнаго человѣка. Сперва соблазновалъ о ней, общался изъ чистаго великодушія ей помогать, нашелъ тысячу средствъ принудишь ее, принявъ прошиву воли ея маленькіе подарки, которые дѣлалъ ей, какъ сказывалъ онъ, безъ всякаго намѣренія и слѣдствій. Продолженіе его благошвореній, а наипаче видъ великодушія и

безкорыстія, каковымъ онѣ были сопровождаемы, возродили въ Тоншонѣ благодарность. Колико несчастна молодая особа, когда она увидѣвъ возраждающееся въ себѣ сіе чувствованіе, оказываетъ онос для человека довольно любезнаго, дабы ему нравиться, и довольно несчастнаго, дабы ее обмануть; отъ благодарности до любви одинъ токмо шагъ, и сей шагъ колико удобно содѣлать! или лучше надобно бытъ чуду, дабы удержаться на спезѣ толико скользкой! но сего чуда ожидать не надобно, поелику оно не собылось для пользы Тоншоны. Она любила спраспно, не имѣя въ помѣ ни малѣйшаго подозрѣнія; но когда примѣшила успѣхъ, каковой учинила ея спраспъ, то и не имѣла уже мужества оной прошивоборствовать. Я не стану за нею слѣдовать во всѣхъ ея шествіяхъ, какія она дѣлала для доспихенія къ совершенной своей гибели: онѣ непоспихимы. Проходятъ съ скоростію безмѣрное пространство находящееся между преступленіемъ и невинностію, и открываютъ глаза въ то только время, когда уже нѣтъ болѣе средства. Дорога сія усыяна цвѣтами. Опчаяніе или окамененіе есть предметъ оной. Тоншона испытала первое изъ сихъ состояній, хошя она еще надѣялась, что любовникъ ея, начальникъ ея проспука, оный загладитъ. Но рѣдко бываетъ, что бы любовникъ удовольствованный содѣлался супругомъ: изъ тысячи обнадежи-

вающихъ дѣвицу выгоднымъ супружесствомъ, найдется девять сотъ девяносто такихъ, кои приняли твердое намѣреніе не соблюдать того, что они обѣщали; да и между оставившимися десятью, обѣщавшимися вѣрностію, едва ли сыщется одинъ, который бы могъ преодолѣть отвращеніе чувствуемое имъ къ храненію своего слова? Тонсона тогда же часъ была оставлена какъ скоро любовникъ ея не имѣлъ ничего уже болѣе желать, да и сколько былъ безсовѣстенъ, что не успѣдилъ рассказать многимъ о ея къ нему безчестной любви. Что дошедъ до ушей ея родителея, принудило его согнать ее со двора. Она не имѣла ни къ какому рукодѣлію дарованія, и желая вступитъ въ какой нибудь домъ въ должностъ горничной дѣвушки, съ негодованіемъ была отгоняема, получая при томъ упреканія самыя жесточайшія. Девять часовъ уже било, какъ она еще находилась на площади, не вѣдая гдѣ провести ночь. Сидя на камнѣ она дакивала горчайшими слезами безразсудную свою легковѣрностъ; какъ вдругъ нечаянный случай привелъ на то мѣсто гдѣ она сидѣла, одного богатаго купца ей знакомаго. Онъ ей обѣщаль убѣжище, которое принять считала она себя съ излишкомъ счастливою. Она жила съ симъ купцемъ шесть лѣтъ, и вела себя прошиву обыкновенія подобныхъ ей, столь хорошо; что принудила и самихъ тѣхъ ее почитать,

кои не доброжелательствовали ей. Она имѣла отъ него трехъ дѣшей, о хорошемъ воспитаніи которыхъ прилагала усиленное стараніе. Никто ни въ какомъ публичномъ собраніи ее не видалъ, и упражняясь непрерывно въ домашнихъ дѣлахъ, заслужила то, что большая часть мужей желали видѣть въ своихъ супругахъ подобный ей разумъ въ домохозяйствѣ, кротости и воздержаніи. Когда она подвергла себя первому проступку, тогда ей было не болѣе пятнадцати лѣтъ, и по сему разумъ ея не довольно еще былъ образованъ, что бы она могла быть въ состояніи разсуждать о ужасѣ вторичнаго паденія, которое она почитала за неизбежное въ разсужденіи ея состояніи. Но пришедши въ возмужалой разумъ, испытала тысячу раскаяній. Любовникъ ея не безъ печали примѣшилъ, что сокровенная нѣкая грусть съѣдала ея сердце. Онъ усугубилъ къ ней свою горячность и благошворенія; но видя что все сіе было бесполезно, усиленно просилъ ее открытъ ему свое сердце. Тонтона долго сопротивлялась, на конецъ въ одинъ день когда онъ къ ней присупилъ прощиву обыкновеннаго съ принужденіемъ, она пала къ его ногамъ и оросивъ ихъ слезами своими, призналась ему, что она не можетъ снести своего раскаянія. Долго прощивоборствовала я оному, говорила она ему, любовь моя къ тебѣ, приверженность къ несчастнымъ моимъ дѣ-

шамъ удерживала меня. Прости сомнѣнію моему о ихъ жребіи, прибавила она. Мнѣ довольно извѣстна доброта твоего сердца что бы опасаться чего нибудь въ разсужденіи ихъ. Ты богашъ: извѣстно мнѣ и то, что предлагають тебѣ выгодное супружество, отъ котораго ты отказываешься единственно для меня. Позволь чтобъ я подъ именемъ чужимъ удалилась въ другую провинцію, и тамъ бы по милости твоей утвердила свое жилище съ моими дѣтьми. Преспанемъ живи въ безпорядочной жизни, которая сдѣлаетъ совершенную нашу гибель. Я шрепещу, помышляя о неизвѣстности жизни; да даруетъ небо, что бы ты раздѣлилъ мой страхъ, и что бы онъ тебя склонилъ взойти на путь добродѣтели! Любовникъ Тонсоны увѣдалъ съ печалію о непреклонной ея рѣшимости его оставить, и не предвидя ни малѣйшаго успѣха, могущаго ее отъ того отвраштить, согласился на требуемое ею, и купилъ небольшую землю, опспоявшую на двадцать миль отъ того города, въ которомъ онъ жилъ. Она довольно имѣла силъ прошившись его слезамъ и опчаянію, и давъ свое согласіе на предлагаемое ему супружество, опправилась немедленно съ своими дѣтьми въ новое свое жилище. Любовникъ Тонсоны называющійся господинъ де ла Вареннъ, ласкалъ себя что онъ позабудетъ свою любовницу въ виду дѣвицы любезной, съ которою

онъ намѣревалъ содружиться. Онъ усиленно старался въ нее влюбиться, но сердце его всегда отвергало то, чего требовалъ его разумъ. Онъ жестоко вздыхалъ о томъ, что не остался онъ одинъ любовникомъ любезная своя Тоншоны и желалъ по крайней мѣрѣ, что бы хотя первое его приключеніе было тайное, дабы свободно было ему на ней женишься. Но сколь спрасъ его ни сильна, однако онъ почипалъ разумное предразсужденіе, и опасаясь что бы не быть обманушу собственнымъ своимъ сердцемъ поспѣшалъ къ приуготовленію свадьбы. Волнованіе мыслей, кое онъ принужденъ былъ сносить ежеминутно повреждало его здоровье. Будущая его супруга, хотѣла непременно знать тому причину. Сія дѣвица была примѣрной честности. Она обнявъ предизбраннаго себѣ супруга, говорила ему: колико я нахожу тебя почтеннымъ, что ты соболѣзнуешь столь о несчастной твоей Тоншонѣ! поди, государь мой, послѣдуй движеніямъ твоего сердца; я тебѣ возвращаю всѣ данныя мнѣ тобою слова. Ты долженъ стараться о благосостояніи несчастныхъ твоихъ дѣшей.

(Продолженіе вѣредь.)

ЛѢКАРСТВО ОТЪ СКУКИ И ЗАБОТЪ.

№ 31. Середа. Января 27 дня 1787 года.

Двадцать осмая загадка значить: *Деньги.*

29 Загадка.

Я холода терпѣть не могу, свойство мое жаръ — — огонь меня питаетъ — людей въ одеждѣ я не терплю — пользу и вредъ произвожу по мѣрѣ. — —

Продолженіе къ страницѣ 32.

Порядочное поведеніе ихъ матери чрезъ все шестилѣтнее время, что она съ тобою жила, великодушная жертва ею учиненная, заглаживаетъ перьвый ея проступокъ и всѣ честные люди опдадутъ тебѣ честь за то, что ты для пользы ея сдѣлаешь. Господинъ де ла Вареннѣ не имѣлъ нужды бытъ къ сему принуждаемъ. Сердце его представляло ему сей самый совѣтъ, которому онъ неукоснительно и послѣдовалъ. Онъ отправилъ нарочнаго къ любезной своей Тоншонѣ, и просилъ ее усиленно возвратиться къ нему

пошчасъ съ своими дѣтьми. Онъ ее ожидалъ съ неизобразимою нетерпѣливостію, и ласкалъ уже себя напередъ наслажденіемъ благополучія тѣмъ болѣе совершеннаго, что оно основывалось на добродѣтели. Но небо расположило иначе. На канунъ того дня, въ который она прибыла, занемогъ онъ сильною лихорадкою. Какая печаль для Тоншоны увидѣвшей его при смерти! Онъ лежалъ двѣ недѣли въ крайней опасности и не смотря на искусство врачей, лихорадка повергла его въ такую слабость, которая совершенно предполагала приближающійся ему конецъ. Покоряясь усшаву провидѣнія признавалъ онъ смерть за справедливое наказаніе безпорядочно проведенной имъ жизни. Онъ считалъ нѣсколько то исправить объявивъ своихъ дѣтей законными, и приказавши опнести себя въ церковь женился публично на Тоншонѣ, которую я впредъ буду называть госпожею де ла Варенъ. Не болѣе недѣли проживъ по совершеніи сея церемоніи, оставилъ супругу свою въ крайнее погруженную отчаяніе. Однакъ смерть сія была только началомъ ея несчастія. Фамилія господина де ла Вареннѣ отказалась признавать ее за оставшуюся его вдову. Пошомъ согнала ее со двора съ дѣтьми и запретила ей называться его именемъ. Почему нашла она себя принужденною начать искъ. Сперва производилось дѣло въ уѣздѣ, гдѣ госпожа де ла Вареннѣ

была осуждена, послѣ закону законы не приняли законнымъ супружество сдѣланное на смертной посшелѣ. Она принесла жалобу въ Парламентъ и всѣ дома брали участіе въ ея пользѣ, и ревностно спарались просить за нее судей. Дѣло ея казалось занимать весь городъ, такъ что судейская палата была наполнена множествомъ любопытныхъ.

Въ тотъ самый день, когда дѣло приходило къ окончанію, и должно было рѣшиться, служители судей собрались въ одну изъ залъ правленія, которая была пустая, и смѣжна съ тою, въ которой производилось дѣло. Слуга перваго Президента занялъ съ важнымъ видомъ мѣсто своего господина, а прочіе слуги сѣли каждый по чину того, у кого они служили. Назначены были адвокаты и писарь, и такимъ образомъ спараясь надъ симъ дѣломъ, не худо сбиграли свою ролю:

Адвокатъ со стороны фамиліи кричалъ изо всей силы, что законы не принимаютъ супружествъ *in extremis*. Ты разсуждаешь какъ безумной, сказалъ адвокатъ госпожи дела Вареннъ: правда, что сіе супружество заключено *in extremis*, или *in extremitas*, не знаю какое, но сіе ничего не значитъ, но то важнѣе всего, что онъ господинъ де ла Вареннъ положилъ намѣреніе, будучи еще въ совершенномъ здоровьѣ, и что однимъ только отсутствіемъ дѣвицы оное умедленно, безъ

чего лихорадка послѣдовавшая на канунѣ не случилась бы какъ на другой день.

Первый Президентъ новой фабрики нашелъ сіе заключеніе превозходнымъ. Вдругъ всѣ подали голоса, и госпожа де ла Вареннѣ получила все одногласно. Одинъ шутникъ слышавъ причину, на кошорой основывался приговоръ, объявилъ оную адвокату госпожи де ла Вареннѣ. Сіе примѣчаніе показалось ему разсудительнымъ, которое онъ такъ хорошо умѣлъ употребить въ пользу, что судъ рѣшилъ точно тѣми же самыми словами, какъ и нижній трибуналъ. Судьи выходя изъ своего мѣста не могли со всею важностію надивиться происшедшему дѣйствію, которое споль хорошо было сьиграно. А госпожа де ла Вареннѣ удовольствованная подарила служителямъ ее судившимъ пятьдесятъ луидоровъ, кои они употребили для общей радости праздную подтвержденіе супружества.

Н. Яновс. —

И д и л л і я.

Въ прекрасный лѣтній день, но знойный,
Я въ рощицѣ шамъ ягоды срывалъ,
Гдѣ близь меня ручей спокойный
Между кусточковъ прошекалъ.

Отъ жару весь ослабѣвая
 Вошще прохлады ждалъ въ тѣни;
 Лучь солнца раскаляя
 Вездѣ бросалъ свои огни.
 Чемъ мнѣ спасти себя ошъ зною?
 Я вздумалъ изъ ручья водою
 Себя хошъ мало прохладить:
 Но шолько лишъ совсемъ раздѣлся
 Успѣлъ чупъ ногу омочить
 Вдругъ не примѣшно оглядѣлся;
 И что же я увидѣлъ тамъ?
 Водой того прошока ясна
 Паспушка мылася прекрасна
 Подобна чистымъ облакамъ.

Однако я не испугался,
 Узря нагую красоту,
 Я къ плашьюцу ея подкрался
 Унесъ и спрятался въ кусту.
 Какое было возхищенье!
 Какое сильное волненье
 Родилося въ моей крови!
 Я видя всѣ нѣжнѣйши часши
 Толь скорыя къ возженью спрасши,
 Какъ въ пламени горѣлъ въ любви,

Паспушка ничего не зная,
 По всѣмъ плескалася мѣсшамъ;
 А я заразы изчисляя,
 Свободу далъ моимъ глазамъ.
 Пошомъ я съ мѣсша подымался
 И къ ней приближисься хошѣлъ,

Отъ страсти спотыкался;
Но дерзость оказать не смѣлъ.

Межъ тѣмъ паспушка отдыкала,
Умывшись съ ногъ до головы
И плашья своего искала,
Вставая съ мягкой муравы.
Нѣтъ плашья твоего паспушка!
Теперь твоя пропала душка.
Кому бы кажется укрась?
Случись же еспака вишь напась!
Небойсь, всю горе то минюшся,
Еще бѣда твоя мала;
Пусть плашье вору достанюшся,
Была бы только ты цѣла
Да слышно то прокляты воры
Такой уже имѣють нравъ,
Что вышаривъ всѣ углы, норы
И до послѣдняго раскравъ,
Для братской дружбы и любви
Еще алкають нашей крови.
Ахъ! берегися свѣшикъ мой,
Чтобъ не было шовожъ съ тобой. —

Моя паспушка поблѣднѣла
Не видя плашья своего,
И какъ опослѣ покраснѣла,
Увидя хищника его. —
Паспушка! вонъ проклятой воръ,
Смотри! въ рукахъ его шопоръ,
Онъ близко ужъ къ тебѣ подходитъ,
Бѣги, вишь онъ тебя уходитъ.

Не воръ; любовникъ твой идюшъ
И плащнице твое несюшъ. —

Я чшобъ въ любви ей изъяснишься,
Она ударилась бѣжать;
Но гдѣ тебѣ, голубка скрышься?
Вездѣ могу тебя догнать.
Вообще невинность защищаешь,
И слезы горьки проливаешь:
Повѣрь, никакъ ты не уйдешь,
И плащя даромъ не возьмешь.

Паспушка мнѣ за то пеняешь,
Меня безсовѣстнымъ зовюшъ,
Ручей невинный проклинаешь —
Однако даромъ не уйдешь:
Кой какъ ни жмюшся, ни вершишся,
А вишь ужъ должно совласишся. —
„Добрѣ, сказала, такъ и бышь!
„Коль съ жаромъ мнѣ нелицемѣрнымъ
„Ты кляшву дашь оспашься вѣрнымъ;
„И я кленусь тебя любить.

Вошъ былъ какой конецъ пропажъ!
Когда бы всякой воръ въ покражъ,
Какъ я, умѣлъ искуснымъ бышь;
Не стали бы за это бишь.

Всему причиной былъ ручей!
Я кляшву далъ и плащье ей;
Потомъ успѣлъ еще умышься
И до свиданья проспишься.

Отрывокъ о привязанности.

Вы спрашиваете меня о различіи между дружествомъ и любовію. Пусть мудрствующіе утверждаютъ, что имъ угодно, пусть дадутъ симъ словамъ значенія, каковы имъ взбредутъ на мысль, я чувствую, а чувства въ каждомъ случаѣ превосходятъ умствованіе, я чувствую, что дружество безъ любви и любовь истинная безъ дружества существовать не могутъ. Я говорю любовь истинная, ибо не хочу слѣдовать испорченнымъ нравамъ тѣхъ вертопраховъ, которые противно здравому разуму мгновенную свою привязанность именуютъ несправедливо священнымъ словомъ дружества и любви. Летая изъ обѣщій въ обѣщія своихъ Лаисъ, продающихъ приверженность первому кто встрѣшится, твердятъ они имъ о любви, которой не чувствуютъ. Ища изъ корысти знакомства людей бродятъ нѣкоторые изъ дома въ домъ и увѣряютъ вездѣ о своей дружбѣ, забывая свое обѣщаніе при первомъ отсутствіи, или видя ненадобность въ знакомствѣ. Но гдѣ дружество тамъ и любовь — на сіе чашатели дайте свое разрѣшеніе.

ЛѢКАРСТВО ОТЪ СКУКИ И ЗАБОТЪ.

№ 32. Середа. Февр. 3 дня 1787 года.

Двадцать девятая загадка значить: *Баня.*

30 Загадка.

Я превышаю самыя пышныя сданія, глава моя выше самыхъ величайшихъ домовъ, къ набоженству я не очень привязана, и хощя за то многіе негодують, однакожь я рѣдко въ церквахъ бываю. Не подвергаясь слабости земныхъ шварей, я прошивоборствую жесточайшей зимѣ; въ семъ состоить мое торжество, и самая лучшая бесѣда тогда меня обожаетъ, надобно однакожь признаться, что иногда обращаются ко мнѣ спиной; въ полуденныхъ справахъ меня принимаютъ не учтиво, и обыкновенно даютъ мнѣ жилище въ поварняхъ. Но увы злобнымъ нѣтъ предѣловъ, есть люди, копорые вооружаясь желѣзными орудіями раздираютъ мою ушробу, и превышая меня на воздухѣ воспѣваютъ свою побѣду.

Е л и г р а м м ы .

I.

Тиманшѣ премудростью и мужествомъ владе-
дѣешь,
Тиманшѣ и красоту великую имѣешь.
Я больше бы его хвалилѣ и уважалѣ,
Когда бы самъ себя онѣ меньше почиталѣ.

2.

Почто Діаною красотку называешь,
Во услуженіи ты коей пребываешь,
Діана оленей, ты вѣдаешь, брала,
А госпожа швоя, Дамисѣ, взяла осла.

3.

Красавицу жену, старикѣ ты хочешь взять,
Но прежде я хочу тебѣ мой другѣ сказать.
О камень многіе сей часпо-прешыкались,
И рѣдкіе весьма отѣ онаго спасались.

*О происхожденіи Ромула, почитаемаго
первымъ основателемъ города Рима.*

Что умѣ человѣческой шѣсными ограни-
ченѣ предѣлами доказываютѣ здравый рассу-
докѣ и ежедневные опыты; паче всего оп-
крывается немощь человѣческая изѣ шого,

что сколько ни стараемся приобрести совершеннейшія знанія, тѣмъ больше узнаемъ оныхъ неосновательность и недостатковъ силъ нашихъ достигнуть желаемой степени. Общее всѣхъ мнѣніе, что ни въ которое время просвѣщеніе не достигало до такого совершенства, до какого оно дошло въ нашемъ вѣкѣ, и мы нынѣ удостоверены, что большая часть древнихъ мудрецовъ, такъ какъ и многіе онымъ послѣдовавшіе нашихъ временъ писатели, кичатся напрасно, внушая свои высокія воображенія, мысленныя положенія и безпольныя умствованія, которыя въ своемъ родѣ мало основаны на истиннѣ и существѣ самыхъ дѣлъ. Описаніе народовъ, ихъ первобышія, происхожденія, распространенія, такъ какъ исторія о разныхъ ихъ приключеніяхъ, сему же подвержены жребію, ибо чемъ болѣе мы спудимся въ изслѣдованіи древностей и чѣмъ рачительнѣе вникаемъ въ исторію, тѣмъ больше находимъ въ ней невѣрности, а меньше точности и исправности въ описаніи самыхъ важнѣйшихъ дѣлъ и достопамятныхъ дѣяній. Между многими городами воздвигнутыми въ Италіи отъ народовъ бродящихъ и предприимчивыхъ возноситъ выше прочихъ главу свою Римъ, построенный на берегахъ рѣки Тибра, составляющей родъ острова. Сіе самое служило безопасностію для сего новаго селенія, защищаемаго отъ наводненій холмами, по которымъ оно расположено: окрест-

ность его составляютъ плодородныя нивы, которыя трудолюбіемъ безпримѣрнымъ и раченіемъ Римскихъ домостроишелей приведены были до возможнаго совершенства; казалось, что сему гордому граду опредѣлено было владычествовать и надъ самыми земли произращеніями. Многіе писатели шрудившіеся изыскашь, кто былъ основатель сего города, владыки всѣхъ тогда извѣстныхъ странъ по вселенной, и покорившаго почти всю Европу, единогласно приписываютъ сію честь Ромулу внуку Короля Албійскаго, присовокупляя, что Албійскіе Цари производящъ отъ Іюла или Асканія сына Энея Троянскаго, пришедшаго въ Лацію по окончаніи Троянской войны лишь за чешыреста до начала города. Таковое преданіе о началѣ Римлянъ, ввели они сами; побуждаемы къ тому гордостью и производя свое колѣно отъ знаменитаго рода, дабы чрезъ то дать нѣкоторую цѣну неизвѣстности о ихъ происхожденіи. Писатели опечесшвенные старались преданіе сіе ввести въ число неоспоримыхъ истиннѣ, повторяли свои сказанія неоднократно и шѣмъ завели потомковъ въришь гаданію ихъ безпрекословно. Любовь къ опечесшву была къ тому поводомъ, и въ семъ случаѣ родъ обмана нѣкоторымъ образомъ просшишеленъ; но вникающему въ глубину мракомъ покровенныя древности нѣшъ нужды схватываешь вершки, но надлежишь ошкрышь

завѣсу и доспигнуть прямыхъ доказательствъ. Всѣ, или большая часть новыхъ писателей, столь сильно защищаютъ происхожденіе Римлянъ, что по ихъ мнѣнію никогда не было прошивомыслящаго сочинителя о семъ дѣлѣ, и старающаго доказать, будто бы весьма безразсудно приступить къ прошивному доказательству паче по тому что сомнѣнія бышь не можешъ. Не взирая на предразсужденія знаменитости и большинсво голосовъ надлежишь откровенно признашся, что начало Рима и жишелей онаго запутано баснословными сказаніями древнихъ, которые повѣствуя о дѣянїяхъ своихъ праотцевъ, вмѣшивали совершенно невѣрояшныя приключенія, стараясь шѣмъ или возвысиль мнимую славу или дашь образъ чудодѣйсвія. Цицеронъ будучи просвѣщеннѣе прочихъ мудрецовъ вѣка своего презрѣль прозьбы многихъ вельможъ и опрехся писать исторію о началѣ опечесва и первобышномъ состояніи. Благоразуміе и осторожность вѣ томъ ему руководсвовали; онъ зналь ослѣпленіе народа вѣрющаго древнимъ преданіямъ о бездоказательныхъ истиннахъ, зналь, что соблюдая должность историка порядочнаго, долженсвовалъ онъ рушишь огромное древностей Римскихъ сданіе, прошиворѣчишь ложнымъ мнѣніямъ, а шѣмъ иногда навлечь негодованіе непросвѣщенныхъ, къ предубѣжденіямъ склонныхъ чловѣковъ. Предпославъ всѣ сіи обстояшества, заключимъ,

если повѣсти о первобытїи и произхожденїи Римлянъ почестъ иносказательными, то скоро опкроется источникъ всѣхъ прошедшихъ заблужденїй, и непременно торжеспвовать будетъ несомнѣнная истинна, которой уже и въ наши времена многіе ученые люди доискивались. Зофиръ Византїйскїй говоритъ, что Филомона дочь Никшима, родивъ ошъ Марса двухъ близнецовъ, бросила ихъ въ рѣку Эрманѳъ, что вода принесла сихъ двухъ младенцовъ къ нѣкоторому дереву, въ дуплѣ котораго львица ихъ вскормила: что насхухъ увидя сіе, пронупъ былъ челоѳколюбїемъ и взявъ ихъ ошпуду, старался о воспитанїи, и что наконецъ сіи дѣши содѣлались Царями въ Аркадіи. Изъ новѣйшихъ писателей Гроновїй, не смотря на многообразныя повѣспвованїя о произхожденїи Ромула, началъ опровергать таковыя свидѣтельсва всѣхъ чрезъ 2600 лѣтъ предъ нимъ писавшихъ историковъ и утверждалъ: что Грекъ Дїоклесъ пришедши въ Римъ, первый разсѣялъ сію басню, вперя народу, что львица кормила Ромула и Рема выброшенныхъ по повелѣнїю Амулія, и что они были дѣши Марса и Веспальской дѣвицы Рси Силвїи. Греки ошъ природы къ баснословію склонные и имѣвшїе нужду льспить Римлянамъ, предупреждали ихъ своими иносказанїями, а народъ мечтаю о своей знаменипости, клонился легковѣрно къ прїятїю хипросплетаемыхъ ему похвалъ.

Сіе баснословное расказаніе Гроновій полагаєть, что Ромуль родился не въ Италіи, а пришель изъ другихъ странъ. Кромъ прочихъ разсужденій приводитъ онъ въ доказательство мнѣнія своего сіе, что ни одинъ изъ окрестныхъ народовъ не соглашался отдать своихъ дочерей въ супружество первымъ обитателямъ Рима, ибо совсемъ не вѣроятно, говоритъ онъ, что бы въ семь кто либо отказалъ, если бы Ромуль былъ признанъ внукомъ Нумипора, низвергнувшимъ похищеннаго Амулія, возставившимъ паки своего дѣда на Албійской престолю; съ шакowymъ великимъ и храбрымъ мужемъ, кто бы не согласился вступишь въ союзъ? и зная его свойства, кто бы отказался собираемому имъ народу отпустишь нѣсколько дѣвиць? но когда всѣ ему въ томъ отказали, принужденъ онъ былъ прибѣгнуть къ хищности, и обманувъ Сабинцовъ отнять у нихъ насильно женщинъ. Надобно, продолжаетъ Гроновій, чтобы въ тогдашніе вѣки женщины были или очень рѣдки, или отмѣнно упрямы, когда изъ такового множества Римлянъ не могли избрать себѣ любовниковъ? Весьма должно бышь легковѣрну, что бы повѣришь сплетенію сея басни, кольми паче помыслишь, что бы Ромуль, бывъ, по словамъ Римлянъ, знатный Государь, знатнаго колѣна отродіе, не нашель для себя невѣсты у сосѣдъ, у пріятелей родишельскаго дома или въ соб-

сшвенномъ отечествѣ. Нѣкоторые таковымъ
 разсужденіемъ влекомы и опровергая мнѣніе о
 рожденіи Ромула въ Италіи, сочли его Гре-
 комъ, основываясь на словопроизведеніи его
 имени; но Гроновій нарыцає мысли сіи од-
 ними догадками, удосповѣришельно полагаєтъ,
 что онъ родомъ изъ Сиріи и выводитъ, какъ
 изъ духовнаго закона, установленнаго въ Римѣ
 до Царствованія Нумы Помпилія, такъ и изъ
 производствъ нѣкоторыхъ именъ въ перво-
 начальномъ Римскомъ языкѣ употребитель-
 ныхъ, какъ то: Паприціусъ, Трибунусъ и
 проч. Онъ присовокупляетъ, что имя Рому-
 лово не совсемъ было безвѣстно въ Си-
 ріи, ибо Іосифъ Іудейскій и Никифоръ Гре-
 ческій писатели полкуютъ *Ιησὺς Ρομιλλο*,
 то есть сынъ Ромелія или Ромулія, о ко-
 торомъ упоминается въ священномъ писаніи.
 Равному неизвѣстности жребію подвержена
 вся исторія первыхъ прехъ вѣковъ отъ со-
 зданія Рима, въ чемъ и *Титъ Ливій* не спо-
 ритъ. Славное сраженіе Гораціевъ и Кура-
 ціевъ въ исторіи весьма знаменито, но мы
 не знаемъ, равно какъ и Римляне не вѣдали,
 на чьей сторонѣ осталась побѣда? Умолчалъ
 ли бы исправнѣйшій прочихъ писатель Діо-
 нисій Галикарнасскій о славномъ поступкѣ
 Муція Сцевола? и пр. и пр. А. Б. Д.

ЛѢКАРСТВО ОТЪ СКУКИ И ЗАБОТЪ.

№ 33. Середа. Февр. 10 дня 1787 года.

Тридцатая загадка значить: *Пѣчная труба.*

31 Загадка.

Среди шума трубъ и лишавръ бышѣе мое начинаю — радости, плески и пловущихъ волокишь происки прекрашивъ, навожу скуку шумной шолпѣ — но я вещь самая полезная; усшановленіе мое священно — разсѣянныя мысли людей собираю я во едино, привожу ихъ самихъ въ себя, даю чувспвовашь цѣну добродѣтели и раскаянія о порокахъ. Для поправленія здоровья и домоспроишельсшва, я первый врачъ!

Уборный столкъ.

Апрѣль увѣнчанный цвѣтами и зеленью десять кратъ прогонялъ лѣнивую зиму, и десять кратъ усыпалъ наши поля розами и фіолами съ шѣхъ поръ, какъ Деспина, *обязанная благодарить удачному обману премоногихъ мазей*, казалась бышъ шридешилѣшнею.

Но тщетно старается она питать себя ложнымъ мечтаніемъ; тщетно уповаетъ обмануть глаза другихъ людей; безжалостное ея зеркало, какъ кажется, кричитъ ей повсечасно: *Деслина! Деслина! прекрасные твои дни миновали.*

Она примѣчаетъ изъ взоровъ въпренаго юношества, что ея взоры потеряли уже прежнюю силу вдыхать жизнь и любовь.

Увы! теперь она одна и никѣмъ не примѣчаема возходитъ на шумную лѣсницу театра; одна, и при томъ удрученная смертельною скукою тщетно кажется себя въ своей запусѣлой ложѣ. Проходя мимо толпы юношей не видитъ она болѣе глазъ усстремившихся съ жадностію на ея прелести и ищущихъ у нея оплечивельнаго взгляда или улыбки милосливой.

Щеголи въ упренемъ плащѣ не бѣгаютъ болѣе къ ней, что бы заспать ее за уборнымъ столикомъ. Долгіе ряды блистающихъ фаэтоновъ не беспокоятъ уже предѣловъ ея дому. Въмѣсто леснаго шума, который прежде раздавался въ ея покояхъ набиныхъ обожашелями, повсюду царствуетъ теперь шумное и глубокое безмолвіе, повсюду распространяющіяся холодныя закоснѣлости шишины непріятныя.

Лежа небрежно на своемъ канапе въ задумчивоспи и печали провождаетъ она въ уединеніи медлѣнно текущіе дни свои.

Толпа любовниковъ прежде сего сколько старавшихся угадывать повелительныя ея произволенія замѣняется обезьяною и попугаемъ. У ногъ ея лежишь собачка; сей другъ, который, увы! одинъ только остался ей вѣренъ.

Деспина обращаетъ по временамъ свои взгляды на малый свой звѣринецъ, и съ нѣжною чувствительностію раздѣляетъ иному небольшія ласки, иному полуулыбку, а всѣмъ но нѣсколько пріятныхъ словъ. Говорливая птица и кривляющійся звѣрокъ, стараясь ревностно развеселишь ее, мучатся рвеніемъ, кому удался лучше въ томъ успѣть. Обезьяна перенимаетъ ухвачки Пешиметра, гладитъ прелестныя ея руки, или прохлаждаетъ шоску ея развернувшимъ опахаломъ прекраснаго Зербина перваго ея пріятеля. Важновидный попугай сипкимъ голосомъ повторяетъ любовныя объявленія и кляшвы послѣдняго любовника Деспины.

Она смотритъ на него неподвижно пристальнымъ окомъ, и между тѣмъ какъ его слушаетъ, трепещущее ея сердце испускаетъ жалкіе вздохи. Премногія горестныя размы-

шленія ея тревожатъ; слезы точатся быспрыми ручьями изъ глазъ ея, и льются по румянымъ ея щекамъ. Преисполнена болѣзненныхъ воспоминаній воображаетъ она себѣ пріяшныя ушѣхи скоропротекшей своей младости; обвиняетъ всѣхъ любовниковъ въ невѣрности, и въ крайнемъ своемъ мученіи многократно восклицаетъ: что мнѣ дѣлать? любовь! любовь! подай мнѣ совѣтъ.

Если возвращусь въ полныя любовныхъ происковъ бесѣды, въ которыхъ толпяшся молодые наши вершопрахи, возмогу ли я снести шальные ихъ разговоры, презорчивые виды? я, которая прежде блистала въ сихъ сходьбищахъ, я, которую всѣ окружали, о которой всѣ съ восхищеніемъ твердили, и за кою всѣ кучами слѣдовали; я ли возмогу видѣть себя осшавленною? я ли усилюсь держать у себя какого мушину, которому можешь быть покажусь я бѣдною, и которой и самъ окажется послѣ совершеннымъ безумцемъ?

Если предстану въ сообществѣ престарѣлыхъ, содержащихъ домоспроишельство, тамъ услышу ихъ (какое наказаніе!) похваляющихъ ежеминутно добрый смыслъ, здравый разумъ, зрѣлый возрастъ, и вооружающихся прошивъ сего любезнаго юношества, которое онѣ съ зависти и злости называютъ

сумазброднымъ или глупымъ. О koliko скуки изображается на всѣхъ сихъ наморщенныхъ челахъ! koliko путь безумствують со своею нравіемъ! koliko зѣвають! Мнѣ зѣвается уже отъ единого о томъ воспоминанія; голова моя кружится.

Ахъ! не уже ли должна я лишиться своихъ прежнихъ нарядовъ? не уже ли обязана я одежды по вкусу сдѣланныя, лены и богатыя кружева перемѣнить на мрачныя ризы суетнаго богомолія? Спану ли я, имѣя лобъ прикрытый печальнымъ крепомъ, глаза въ землю пошупленные, ухо сторожевое, спану ли я влачишь дни свои упрямъ въ церквѣ, а вечеромъ съ таинственнымъ наставникомъ.

Такимъ то образомъ Деспина опираясь челомъ на руку, а глаза пошупивъ въ землю говорила сама съ собою. Слабая ея душа пребывая въ нерѣшимости волнуется между сими мыслями, и ни къ одной прилѣпиться не можетъ. Въ такомъ состояніи бываетъ въ бурномъ сраженіи двухъ прошивоборствующихъ вътровъ младое деревцо стоящее на краю развалины; оно изгибается, наклоняется во всѣ стороны, и то къ землѣ прикасается, то опяшь возноситъ въшвы свои въ верхъ.

Когда облегла внутренняя буря и наступило время садиться за уборный столикъ,

рачительная Нерина, держа въ рукахъ чудотворный ящикъ произраспила на лицѣ своей госпожи новыя розы и лилеи. Деспина была шоль искусно намалевана, что могла опважиться на все; никакая краска, никакая нечаянная блѣдность не въ соспоянїи были обнаружись ея тайну, или помрачиль обманчивыя ея прїятности.

Уже наступилъ потъ часъ, въ который полезная рода человѣческаго часъ, хошя и мало почитаема, то ешь люди, устроивающіе свое отдохновеніе и свои пиршества по печенію солнца, покоишя отъ своихъ трудовъ, сидя вокругъ умѣреннаго стола; часъ сей между въпреными Тунеядцами почитается начинающимся днемъ. Деспина будучи неушѣшна и терзаема скукою уединенія провождала въ уничижительномъ отъ всѣхъ забвенїи то время, въ которое она прежде своими прелестными поржесшвовала.

Вдругъ, о щасшіе! ей докладывають о посѣтителѣ; дверь отворяется; ея сердце трепещетъ отъ радости. Она видитъ входящаго Валерїя; Валерїя еще въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ, вида благороднаго, плѣняющаго. Валерїй назвалъ ее *любезною сестрицею*.

Валерїй и въ самомъ дѣлѣ имѣлъ, какъ сказываютъ, родшвенниковъ близкихъ Де-

спинѣ. Вышедъ недавно изъ училищъ онъ по обыкновенію благородновоспитанныхъ пришелъ, какъ бы давно знаемый, но въ большой свѣтъ лишь только вступающій, свидѣтельствовать почтеніе своей сестрѣ. По не искусной его походкѣ, которая въ прочемъ была не безъ пріятности, по его безприторному и застенчивому виду, и по легкому расположенію къ стыдливому румянцу, видно было, что онъ въ любовныхъ обращеніяхъ еще малосвѣдуецъ и не проворенъ; на челѣ его блиспалъ еще тотъ драгоценный цвѣтъ невинности, который подобныя Деспинѣ женщины столь много почищаютъ.

Видѣлиль вы, читатели, когда либо въ воздухѣ плавающего ястреба съ кривымъ носомъ и острыми когтями? Онъ паритъ и ищетъ добычи. Ежели пронзательный его глазъ откроетъ вдали на поляхъ молодого голубя, удалившагося изъ своего гнѣзда и напрягающаго силы свои, чтобы возлестъ хотя слабымъ и ненадежнымъ полетомъ: хищная пища бросается на него и поражаетъ.

Подобно сему Деспина отъ давнихъ временъ искусна въ наукѣ удерживать любовниковъ въ сѣтяхъ своихъ, готовишь уже всѣ свои стрѣлы ловишвы. Она разглаживаетъ лице свое, щадательно устремляетъ взоры,

спройно располагаетъ свою осанку, свои движенія, и силился въ полномъ торжествѣ привязать къ своей колесницѣ еще неопытную и простодушную невинность. Коль легкое торжество для ея замашерѣлыхъ уже знаній!

Валерій, который до сего мгновенія ничего не зналъ кромѣ старыхъ своихъ книгъ, никого не видывалъ кромѣ наморщенныхъ лбовъ, жеспокихъ и вспылчивыхъ педантовъ своего училища, и который не имѣвъ никакого сообщенія съ женщинами, познакомился только съ Лезбією и Неерою, древними любовницами въ старинныхъ Латинскихъ Елегіяхъ упоминаемыми; бѣдный Валерій увязъ въ любовныхъ сѣтяхъ. Да и могъ ли онъ противоспоянть прелестямъ розоподобнаго лица? Могъ ли пропивишься сему пріятному виду, приманчивымъ уловкамъ, прелестнымъ бездѣлкамъ, и сей улыбкѣ хитрѣя кокетки, о которой еще не подозрѣваешь? Съ моей стороны признаюсь, что и я бы всемъ симъ прельснись толико же, какъ и нашъ школьникъ.

(Продолженіе впредь.)

ЛѢКАРСТВО ОТЪ СКУКИ И ЗАБОТЪ.

№ 34. Середа. Февр. 17 дня 1787 года.

Тридцать первая загадка значить: *Постъ.*

32 Загадка.

Я существо дѣло рукъ человеческихъ —
больнымъ сотовариществу повсюду; иногда
служу знакомъ печали. Бываю свидѣтелемъ
всѣхъ удачныхъ дѣяній, и наперстникомъ не-
вѣрности, когда ты, оставя ложе нѣжныя
супруги, стремишься въ объятія горничныхъ
дѣвушекъ. Новому супругу увѣнчанному мир-
тами Амура, кажусь я лучше Діадимы. Если
случишься споръ у хозяина съ хозяйкою, я бы-
ваю свидѣтелемъ ихъ мирошворенія. Я вездѣ
присутствую, но никогда никакія не открою
тайны, ибо ни глазъ, ни усь не имѣю.
Упомленный художникъ чувствуетъ великое
удовольствіе, бывая подъ вечеръ со мною:
Читайшь, ты хочешь узнать: кто я? — поди,
ложишь спать, — по упру къ первому мнѣ про-
спрешь свою руку.

Продолженіе о убожномъ столѣ къ стр. 56.

Равно какъ торгошъ, нечаянными ошибками лишенный общія доверенности, изъ объятій роскоши и обилія прешедшій въ плачевное положеніе нищеты; вдругъ возвращается въ первобытное удовольствіе и такъ сказать новую получаетъ жизнь, когда случайно доставшееся наслѣдство, возвратитъ ему богатство; и приведетъ его въ состояніе начать паки съ благоразуміемъ прибыточныя свои предпріятія: такъ Деспина прилагаетъ съ сей самой минуты всѣ свои старанія, употребляетъ все искусство къ сохраненію вождельной добычи, которую ей доставляетъ случай.

Она щадитъ или расточаетъ свои приманки смотря пошому, какъ то или другое бываетъ къ спашу. Иногда хвалитъ новаго своего Сигизбея съ плѣняющимъ возторгомъ; иногда приводитъ его въ уныніе томнымъ безмолвіемъ; узда и шпоры служатъ ей попеременно къ достиженію ея цѣли. Паче всего (сіе то есть искусство, самое важное) она умѣетъ запечатлѣвать подъ завѣсою непроницаемаго тайнства чудное искусство, способствующее ей къ сокрытію недоспашковъ отъ долготія происшедшихъ.

Деспина зная совершенно, что непрерывное согласіе усыпляетъ чувства, и что

факель любви померкаетъ и угасаетъ, если не пособствуютъ пламени его дыханіемъ ссоры (подобно какъ угли на очагахъ нашихъ разгараются, когда пыланіе ихъ возбуждается шумнымъ мѣховъ дуновеніемъ); на сей конецъ и пожилая наша любовница при малѣйшемъ просипукѣ не упускаетъ сердиться. Она грѣшитъ, шумитъ, бѣсится: а дрожащій ея плѣнникъ обожаетъ ея своенравіе и лобызаетъ свои оковы.

Въ одинъ день, несчастный Валерій содѣлався по невѣденію весьма виновнымъ, прѣзжаетъ къ Деспинѣ, она пользуется симъ случаемъ и поступаетъ съ нимъ такъ строго, что приводитъ его въ отчаяніе. Онъ изумляется, приноситъ извиненіе, но его не хотятъ слушать. Онъ выходитъ, бродитъ перзаемъ страхомъ и не надѣясь получить прощенія въ глазахъ огорченнаго своею Венеры, на послѣдокъ непримѣнно приходитъ въ свой домъ и предается тоскѣ, спенанію и разнымъ мученіямъ.

Добросердечный сей юноша по простотѣ считая сіе пресупленіе непрощительнымъ и гнѣвъ своей красавицы вѣчнымъ, препроводилъ ночь, Богъ знаетъ въ какомъ смятеніи. О ночь! ночь злощасная, коль ты была продолжительна для сего любовника грызюмаго печальными воображеніями!

Коль скоро утренняя заря обагрила возшокъ, онъ вспалъ; блѣденъ, смушенъ, трепещущъ, выходитъ изъ дому и спремится къ Десницѣ. Ворота, окна все еще было заперто. Онъ удаляется прочь, но опять возвращается; посматриваетъ на часы, сердится на свѣтила небесныя; спократно проходитъ въ задъ и въ передъ мимо храма своего идола. Минуты часами, а часы въками ему кажутся. Спрахъ и надежда раздираютъ его сердце. Онъ выдумываетъ новыя извиненія, изощряетъ свои взоры, изыщитъ всю свою наружность, и готовится къ шягостной роли, которую ему предсавлять должно.

Послѣ долговременнаго ожиданія наконецъ ворота, неумолимыя ворота опверзаются, скрипя на шяжкихъ петляхъ. Гора любовію, порываемъ нещербливостію Валерій бѣжитъ въ домъ, возшекаетъ по лѣспницѣ съ непонятною скоростію, подобною быспрошѣ въспровъ; въ слѣпой своей щороцливости забываетъ, что солнце на перьвой еще трети своего печенія позволило царспвовать ночи въ веселой и багряновидной полашѣ, служащей вмѣсто шапра прекрасной Десницѣ.

По щастію, когда вступилъ онъ въ перьвую комнапу, никто его не примѣшилъ. Сердце его бьется, кровь кипитъ, все его

возмущаетъ, все ужасаетъ. Да и возможно ли бытъ сему инако? Ибо все имъ зримое имѣетъ честь, принадлежать и нравиться Деспинѣ. Но вдругъ останавливается онъ неподвижно. Безвременность его поражаетъ. Слѣдовать ли ему далѣе? показываться ли? или лучше скрыться? Онъ не знаетъ, что начать. Какой шумъ вспааетъ! . . . Онъ блѣднѣетъ . . . но се нѣчто маловажное . . . , однакъ онъ цѣпенѣетъ отъ ужаса; онъ задыхается; и въ несносномъ возмущеніи спремился во внутренность одной побочной и темной комнашы, коея нѣсколько приотворенная дверь по щасію ему попалась.

Сей мрачный кабинетъ (примѣчайте со вниманіемъ) служилъ въ древнія времена проходомъ провождавшимъ невидимо изъ передней въ уборную Госпожи Деспины комнашу. Стекляная и корошкою шафшаною зеленаго цвѣща занавѣсою прикрытая дверь отдѣляетъ сію темницу отъ священнаго кабинета женскихъ тайствъ. Судите же теперь, позволиленъ ли былъ входъ во оную непосвященнымъ для таковыхъ тайствъ людямъ. Въ сіе по измѣнническое мѣсто зашелъ лишенный хозяйкиной милоспи Валерій. Онъ увидитъ . . . чего по онъ шущъ не увидитъ!

Уже Фебъ капился на огненной своей колесницѣ по самой вершинѣ Еѳирнаго свода:

свѣтъ шоками разливался по долинамъ небеснымъ; возвышенные надъ землею предметы не кидали уже отъ себя тѣни... или безъ обиняковъ по Русски сказать, наступилъ полдень.

Въ сіе время услужливый сонъ повергъ Валерія къ ногамъ Деспины. Деспина удосшоила поднятъ младаго своего пріятедя, и расположилась приниматъ отъ него нѣжнѣйшія ласки. Но увы! Морфей отъемлетъ прочь маковые цвѣты, а Купидонъ, сей коварный мальчикъ смѣясь улешаетъ отъ Деспины,

Деспина пробудилась въ веселомъ расположеніи; рѣсницы ея приоткрываются къ пріяпному сіянію протекающей слабо сквозь призывъщанныя окошки зари; она проперши глаза и позъвавъ прекратно звономъ колокольчика гласитъ служанокъ, и вспаетъ со своей кровати облеченная въ легкой нарядъ, который грубой прозаикъ отважилъ бы наименоватъ *рубашкою*.

Деспина! куда бѣжишь? куда бѣжишь въ семъ смѣщномъ нарядѣ? постой несчастная! постой... о Боги! когда бы ты знала, что за дерзновенный смертный кроется въ сей храмѣ, ты бы конечно испрашила казашься его взорамъ изуродована во многихъ мѣспахъ Люциною и временемъ. — Но она

меня не слушаетъ. Я вижу, се подходитъ она къ мастерской Грацій; Жрицы поставляютъ волшебный жершвенникъ! уже позволено дневному свѣшлу осіяшь ея покои — и что же? зри Деспину безъ краски, безъ лаку, безъ палисмановъ, и таковою, какъ она бываетъ до принятія на себя личины.

Волоса въ безпорядкѣ, часпю разпущенныя, часпю завившыя падають на морщинами изваянное чело ея и пожелтѣлую шею, замаранную пощочками чрезъ ночь распаявшихъ цвѣшныхъ помадъ, которыми она себя въ день умащиваетъ. Дневный цвѣтъ лица ея усупилъ мѣсто самымъ грубѣйшимъ пятнамъ; длинныя бразды изрыпы по ея челу и щекамъ; багровые шары окружають ея упалыя и посинѣлыя очи; снятыя мушки открываютъ взору зришеля страшные шрамы, словомъ сказашь, все представляетъ въ ней изображеніе дряхлости и увялости — а ето есть надежное средство противу козней любви.

Подобно трудолюбивому селянину, который по утишеніи бури бѣжитъ спремительно на свои поля и нашедъ оныя опустошенными, — плетни свои изпорженными, деревья изломанными, безплодный пѣсокъ разбросанный по зеленымъ лугамъ: увы! не знаетъ онъ болѣе межи своего достоянія; и

обтекая оныя не вѣдаешъ въ своихъ ли находится спяжаніяхъ: шoliko видѣ оныхъ измѣнился! — Такъ точно юный Валерій озирая представшій ему невѣдомый призракъ осматриваетъ его не безъ изумленія съ головы до ногъ, и не признаетъ въ немъ ни единой черты своея Деспины, Томный видѣ, померкшій цвѣтъ лица, рѣдкіе и просѣдѣвшіе волосы, все кажется увѣряетъ его, что вмѣсто вставшей своея красавицы онъ видитъ поднявшуюсь какую нибудь заматерѣлую старуху. Останусь здѣсь, говоритъ онъ самому себѣ: пошерплю еще немного; когда сія старуха удалится, я конечно обрадованъ буду пришестьемъ *моей пастушки.*

(Продолженіе впредь.)

ЛѢКАРСТВО ОТЪ СКУКИ И ЗАБОТЪ.

№ 35. Середа. Февр. 24 дня 1787 года.

Тридцать вторая загадка значить: *Коллакъ.*

33 Загадка.

Священнѣе меня нѣтъ: я предпочитаюсь любви, но существую въ свѣтѣ весьма рѣдко. Между вельможами бытъ не могу — я дѣлю двухъ сердець благополучіе, и доставляю великое имъ облегченіе. Соединенными силами преоборю препятствія.

Продолженіе къ страницѣ 65.

Между тѣмъ приносятъ таинственный жертвенникъ суетности; и на ономъ поставляютъ безчеловѣчное, но правдивое зеркало. Раскладываютъ шуть же всѣ припасы; опверзаютъ ящики съ пудрами и благовонными мазями. Въ сихъ коробочкахъ хранятся краски всякихъ цвѣтовъ: одними бѣлятъ шею, другими румянятъ губы; иными можно поддѣлать тѣ пріятныя лазоревыя длинныя съшочки, которыя колебась возвышаютъ цвѣтъ

лица. Сими то соснавами искусство волшебства передѣлываетъ Деспину въ первобытную красавицу, и помощію ихъ превращается она въ изряднаго слѣпленнаго болванчика.

Госпожа садитѣя передъ зеркаломъ. Валерій свидѣтель всему, стоитъ неподвижно прошивъ ее. Вѣрная Нерина, наперсница всѣхъ тайствъ и жертвоприношеній, стоитъ близъ ея. Дѣйствіе начинается. Волшебство производитъ чудеса. Ревность усугубляется. Щеки усыпаются розами; грудь мало по малу укрывается лилеями. Лице начинаетъ возвращать свой дневный цвѣтъ: — — Равно сему при движеніи кисти искуснаго живописца зримъ мы глаза одинъ за другимъ открывающіеся, цвѣтъ лица оживляющійся, волосы желтѣющія и блестящія.

Сокрывшійся зритель стоя непоколебимъ въ своемъ мѣстѣ, подобно звѣздочету при-смащивался долгое время; и обзрѣвъ все прилѣжно начиналъ наконецъ узнавать нѣкоторыя черты своея Деспины. Онъ примѣчаетъ прилѣжно разверзая всѣ глаза; но усумняется; напоследокъ каждая минуша ничтожитъ его сомнѣніе. Прилѣпляются двѣ или три мушки; вспавляются нѣсколько поддѣланныхъ зубовъ, и се предстоитъ Деспина; Деспина молодоподобная, бѣлокурая. Она пригвозждаетъ на головѣ накладные волосы; и

связываютъ баншами дѣлныя поддерживающія шею. Теперь все дѣло сдѣлано. Валерій не можетъ болѣе ошибаться; онъ узнаетъ въ ней женщину, коея прелестями доселѣ занимался.

Такимъ образомъ торгующій Банавіанецъ, ожидающій съ дорогими товарами плывущаго корабля, котораго благополучное возвращеніе рѣшитъ ѣщасплавый или несчастный его жребій, выходитъ часто на берега морскіе. Раздѣляя безпокоющееся сердце между страхомъ и надеждою ищетъ онъ своего корабля на синѣющихъ волнахъ, и варяя его чрезъ долгое время тщетно, наконецъ усматриваетъ, или мнитъ его видѣть. Онъ не ошибся. Мачты начинаютъ показываться, онъ изходятъ изъ середины ревущихъ волнъ. Уже распознаетъ онъ развѣвающіеся флаги своего опечесва подобно шляпкамъ на шляпахъ нашихъ дамъ: онъ видитъ спремьщееся судно, парусы всѣ распущенные, и узнаетъ съ радостію кормило прекрасно росписанное и изображающее либо Химеру, или какуюнибудь славную Сирену.

Но кто въ соспоянїи выразитъ удивленіе, гнѣвъ и стыдъ Валерія, когда узналъ о себѣ, какою смѣшною харею шоль безумно нальнился? Презрительныя горшечки съ помадами, пудрами и красками замыкали въ себѣ шѣ прелести, кои онъ обожалъ.

Негодованіе имѢ овладѢло. ОнѢ выскакиваетѢ шоропливо изѢ задверей, не боязливѢ и уничиженѢ, какѢ прежде сего, но съ видомѢ насмѢшливымѢ, исполненѢ бодрости, и совершенно уврачеванѢ ошѢ постыдныя любви своя; и не смотря на Деспину, обращаетѢ къ любовному арсеналу слѢдующую язвительную рѢчь:

„Священные сосуды! пудры, благовонія, краски, съ благоговѢніемѢ изѢявляю я вамѢ мое почтеніе. ЗапечатлѢйте воспоминаніе забавныя простоты моя. (Я къ вамѢ только говорю: ибо я васѢ только и любилѢ.) Ежели впредѢ какой нибудѢ невѢжествующій любовникѢ обманутѢ будетѢ полико же, какѢ и я, блистательными вашими обольщеніями, если онѢ почтетѢ васѢ за одно съ красотою, то не допускайте по крайней мѢрѢ видѢть всего шого, что я видѢлѢ. Я освободился уже отѢ очарованія; благодарю васѢ; прощайте. „

Искусство соспоитѢ вѢ томѢ, что бы скрывать искусство. Оно можетѢ шоржесствовывать подражая природѢ. — Но когда на крылахѢ времени улетишѢ юность купно со прелестями, что дѢлать, дабы нравиться? Быть крошкими и добродушными. О женщины, восклицаетѢ нѢкій мудрецѢ, добродѢтель и кротость отличаютѢ васѢ гораздо превозходящими образомѢ, нежели красота. *Improvius ades; deprendes tutus inermem. Ovid.*

Благородный невѣжа.

Такимъ, какъ я, людямъ
 Къ чему ученье намъ?
 Отъ знашныхъ я рожденъ,
 Красою одаренъ,
 Богатствами снабденъ,
 Въ чины произведенъ.
 Такъ вошь я и ученъ.

Такъ благородный нашъ Горшансѣ говорилъ,
 Которую весьма онъ горячо любилъ.
 Разумно сказано, она ему въ отвѣтъ.
 Тебя, любезный мой, умнѣй на свѣтъ нѣтъ.
 Конечно такъ судилъ покойный швой и дѣдъ.

Сказка.

Дворянчикъ молодой,
 Недурненкѣй собой
 Журимъ своею былъ сестрой,
 Которая ему покою не давала,
 И безпрестанно лишь его ругала.

Скажи же намъ, за что?

А вошь за то.

Что все имѣнїе онъ въ карты проигралъ.
 Однако же играшь онъ все не преспавалъ.
 Наскучася сими упреками ея,
 Дворянчикъ отвѣчалъ: сестрица ты моя!
 Пожалуй умягчись, и не ругай меня.
 Преспану, я клянусь, играшь и веселишься,
 Когда преспанешь ты, сестра моя, любишься,

Ахъ ты безщастный братъ!

Она ему сказала:

На вѣки я пропала.

По етому тебѣ, пока ты живъ, играешь.

Китайскіе Анекдоты.

Покорность къ родителямъ награжденная.

1. Жившій въ Кипаѣ земледѣлецъ по имени *Кюнъ*, полико прославился своимъ благочестіемъ и совершенною покорностію къ родителямъ, отъ которыхъ онъ много терпѣлъ, что Императоръ *Гоа* удосповѣрившись о его сыновнемъ почтеніи и рѣдкихъ дарованіяхъ, сдѣлалъ его наследникомъ Имперіи, исключивъ собственныхъ дѣшей, въ коихъ онъ не находилъ довольно добродѣтели.

2. При владѣніи *Гана* нѣкто юноша нареченный *Гоанъ* лишившись на девятомъ году отъ рожденія своея матери чуть не умеръ съ печали, но усугубилъ любовь къ своему отцу. Въ лѣтнее время, что бы прохолодитъ, держалъ онъ долго на вѣтрѣ изголовье его постели и рогожку, на которой отцу его надобно было опочивать; а зимою ложился для согрѣшія мѣста, которое по томъ уснулъ отцу. Мандаринъ области шоя свѣдавъ о преисполненномъ нѣжности раченіи молодого отрока, полико былъ къ оному признателенъ, что воздвигъ на народной площади

памятникъ сего сыновняго почтенія, дабы чрезъ то поощришь юношество къ подражанію.

3. *Минзюнъ* лишился своей матери будучи еще весьма молодъ; отецъ его женился на другой; и отъ нея вторыя жены имѣлъ двухъ дѣтей. Мачиха поступала весьма худо съ *Минзюномъ*; но онъ на нее никогда своему отцу не жаловался. Въ одинъ день палецъ онъ безъ чувствъ у ногъ своего отца; который узнавъ пому причину, хотѣлъ было выгнать жестокою мачиху. *Минзюнъ* преисполненный благороднѣйшихъ чувствъ въ томъ ему воспрепятствовалъ; говоря: „бабушка, насъ только трое въ домъ, и я одинъ спражду; а ежели вы изгоните нашу мать, то мы будемъ страдать всѣ.„ Таковъ разговоръ извлекъ слезы изъ очей отца признавшаго сыновнюю добродѣтель; а мачиха услышавъ о произшествіи исправилась, и содѣлалась истинною матерью *Минзюна*.

*Богатый презирающій нужды бѣдныхъ
стыдящихся.*

Уангинъ правнукъ славнаго *Уена-и* былъ человекъ весьма богатый деньгами и деревнями; по причинѣ великаго его имущества прозвали его *Поанома Сени*, что значитъ половина провинціи. Но чемъ болѣе онъ былъ

богатъ, тѣмъ менѣе имѣлъ приверженности къ своему богатству. Онъ употреблялъ оное благородно по состоянію своему, дѣлалъ великіе подарки, и оказывалъ сожалѣніе къ бѣднымъ. Когда находилъ въ своей части, гдѣ жилъ, скудныя семейства, то за удовольствіе поспавлялъ имъ вспомошествовать; если сіи семейства были знашнаго рода, и стыдились своея бѣдности, онъ приносилъ съ собою въ кошелькѣ деньги и выходя изъ своего дому вечеромъ подъ какимъ нибудь предлогомъ избиралъ такое время для доставленія сихъ денегъ въ ихъ домъ, что бы его никто не видалъ. Такимъ образомъ вспомошествовалъ онъ многимъ семействамъ, изъ коихъ большая часть не знали, откуда текла сія мало ожидаемая помощь, а щипали ее за милость непосредственно съ небесъ низпосылаемую. Другіе же догадываясь, что щедроты сіи лѣются на нихъ изъ десницы Уановой, ходили для засвидѣтельствованія ему за то своея благодарности, но онъ имъ всегда отвѣщивалъ такими изреченіями, копорыя могли опвесити ихъ мысли, что онъ ихъ благошворитель, и съ постояннымъ видомъ отказывался принимать ихъ благодарность.

ЛѢКАРСТВО ОТЪ СКУКИ И ЗАБОТЪ.

№ 36. Середа. Марша 3 дня 1787 года.

Тридцать третья загадка значить: *Друже-
ство.*

34 Загадка.

Гласъ умирающій на свѣтъ меня рождаетъ,
И вдругъ же бышье мое уничтожаетъ.
Спокойство я люблю, и съ нимъ живу всегда,
И я не говорю ни слова никогда.
Въ игрѣ и на пиру не можно мнѣ казаться,
Мной мудрый ошъ глупца не можеть распо-
знасться.
Любезна мнѣ лишь ночь, а дня я не терплю,
И только у больныхъ всегда я жить люблю.
Совѣшовъ никому я не могу даватьъ.
Такъ что же я шаково? изволь шы отгадашь.

Е л и г р а м м а.

Въ какой, не помню день, мнѣ сказывалъ Да-
монъ:
Что дома никогда неужинаетъ онъ.

Онъ правду говорилъ, и самымъ дѣломъ такъ,
Кого ни спросите, сіе докажетъ всякъ.

Понеже какъ живешь

И Дамономъ слыветъ,

Онъ дома не ѣдалъ,

Но у того, къ себѣ его кто приласкалъ.

С и л а ч е с т и.

Колико сердце человѣческое слабо! Кто въ состояніи познашь онаго своенравіе, неравенства? Премудрость, которая кажется на недвижимомъ основаніи камнѣ, и та, (стоитъ часто одной шокмо опасной минушы,) поколеблется и уступитъ. Но добродѣтель, хотя иногда и зыблющаясь, не имѣетъ нужды, кромѣ въ одномъ шакомъ благопріятствующемъ обстоятельствѣ для возвращенія назадъ своего права. Что яснѣе видно будетъ изъ слѣдующія повѣсти:

Два знаменистаго поколенія юноши заключили между собою съ перьвыхъ лѣтъ дружбу, основанную на соупрасіи. Они назывались *Клеантъ* и *Лисидоръ*. По окончаніи вмѣстѣ наукъ, родители взирающіе со удовольствіемъ на сей союзъ рѣшились не разлучать ихъ другъ отъ друга и въ путешествіяхъ. Они вмѣстѣ видѣли главнѣйшіе города Европейскіе; но когда отецъ Клеантовъ умеръ, то сей былъ принужденъ отсшпашъ отъ своего

друга, и ошашьяся въ домѣ для приведенія въ порядокъ своихъ дѣлъ. Мало спустя послѣ того времени, бракосочетался онъ въ томъ же городѣ, въ которомъ онъ жилъ, съ доспойнѣйшею любви дѣвицею.

Хотя онъ имѣлъ великую любовь къ своей супругѣ; однако дружество его нечувствовало отъ того никакого умаленія, и другъ его окончавъ свои путешествія, и желая больше наслаждаться удовольствіемъ изъ сожитія съ нимъ вмѣстѣ, пріѣхалъ къ нему, и былъ имъ принятъ съ восторгомъ. Клеантъ представивъ своей супругѣ поoliko любимаго своего друга, просилъ ее, что бы она приняла его третьимъ въ ихъ союзѣ.

Лисидоръ имѣлъ нѣжное сердце. Сперва почишалъ онъ, что любовь его къ Исабеллѣ была такъ какъ къ другу; но вскорѣ увидѣлъ, что она ему внушила нѣжнѣйшія чувствованія. Онъ былъ добродѣтеленъ, по чему и старался прошивоборствовать спраси при самомъ ея началѣ для друга своего оскорбительной. Онъ не зналъ, что не можно иначе торжествовать надъ любовію, какъ убѣгая прочь отъ оной. Всякой разъ, когда онъ видѣлъ Исабеллу, любовь его новую получала силу.

Лисидоръ видя, что онъ не въ состояніи былъ побѣдить свою спрась, вознамѣрился привестъ ее въ порядокъ, и наложилъ себѣ вѣчное молчаніе. Видѣть Исабеллу, обо-

жашь ее въ шайнѣ не есть пресшупленіе. Для чего, говорилъ онъ самъ въ себѣ, буду я силиться изшребить невинную склонность, соспавляющую все благополучіе моего жизни? Такъ говорятъ любовники, когда любятъ начинаютъ. Они воображаютъ себѣ, что имѣютъ добродѣтельную нѣжность, которая не можетъ быть, какъ только между существами разумными, но немедленно испытываютъ, что любовь есть невѣрный пугевоодитель, который провождаетъ къ гибели тѣхъ, кои сколько безразсудны, что поручаютъ себя ея управленію.

Упражненіе въ любви Плапонической, о которой онъ сдѣлалъ себѣ столько прекрасное понятіе въ умозрѣніи, показалось ему въ самомъ веществѣ химерою. Онъ заставилъ говорить глаза свои, но вскорѣ наскучась симъ разговоромъ, котораго Исабелла понимаетъ не хотѣла, сдѣлалъ объявленіе порядкомъ; однакожь случилось имѣть ему покушеніе къ такой женѣ, которая спрасшна была къ своему мужу. Ему было отказано, и Исабелла обезпокоенная его доуками, угрожала увѣдомить о семъ своего супруга, ежели онъ еще дерзнетъ повпорять свои усилія. Тогда Лисидоръ уразумѣлъ, что одинъ только побѣгъ можетъ его отвратить отъ той спрасши, ко удовлетворенію котораго не имѣлъ онъ ни малѣйшя надежды. Онъ удалился на нѣсколько времени отъ мѣста своего рожденія, и при

окончаніи двухъ лѣтъ возвращаясь и не повѣряясь на собственныя еще свои силы, поссорился съ своимъ другомъ, и совсемъ прервалъ съ нимъ дружбу.

Во всемъ городѣ только и говорили о худомъ поступкѣ Лисидора. Клеантъ приведенный болѣе всѣхъ во удивленіе, не зналъ, чему такую поступку приписать; и будучи вѣренъ его дружбѣ, не взирая на перемену своего друга, не упускалъ ничего, что только могло служить къ его оправданію. Въ одно время, какъ не похваляли въ присутствіи его супруги непостояннаго Лисидора, Клеантъ изъявилъ всю свою печаль, причиненную переменою его друга, и воспоминавая различныя обстоятельствова, въ которыхъ онъ его испыталъ, нашелъ себя принужденнымъ объявить собранію все, что ни случилось съ нимъ въ его путешествіяхъ.

Лисидоръ любилъ, и могъ почестся за образецъ постоянныхъ любовниковъ. Исабелла, которая не была пронута всемъ тѣмъ, что онъ ни дѣлалъ ко изъявленію своего страсти, тогда о томъ вспомнила со снисхожденіемъ. Она сама себя упрекала въ строгости, съ каковою принимала любовника только достойнаго быть любимымъ: и съ сего часа вознамѣрилась награждать постоянство, которому ничто не могло наскучить. Она утвердилась въ своей рѣшимости, и почувство-

вала столько же любви къ Лисидору, сколько одной ему сама вдохнула. Я позабылъ объявить, что Исабелла была Италіянка; а у госпожъ сея спраны любишь любовника, ему о томъ изъяснишься, и заключишь Романъ, есть почти тоже самое.

Она избрала такое время, когда супругъ ее долженъ былъ ночевать въ деревнѣ, и написавъ письмецо къ Лисидору, просила его, что бы онъ пришелъ около десяти часовъ въ ея садъ заднею дверью, которая по старательству ее будетъ опперта. Восхищенія сего любовника были неудобопонятны. Онъ считалъ, что никогда не придетъ часъ такого свиданія. Исабелла ожидала его въ грошъ. Она ничего того не упустила, что только могло придать ей больше пріятностей; а Лисидоръ не видѣвъ никогда ее столь прекрасною повергъ себя къ ея ногамъ для изъявленія всея своея любви и благодарности. Одна только горничная дѣвка была съ Исабеллою. Она пріуготовила симъ любовникамъ ужинъ, на которомъ ничего не недоѣдало для вкуса. Лисидоръ приведенный въ великое удивленіе о своемъ благополучіи, спрашивалъ у своей любовницы, кто ее могъ склонить къ сошвѣствованію его нѣжности? Исабелла непредвидѣвшая дѣйствія, какое долженъ произвестъ ея разговоръ въ разумъ ея любовника, открылась ему, что любовь вкралась въ ея сердце чрезъ уши, и

рассказала ему разговоръ, которой имѣлъ ея супругъ при ней.

Между тѣмъ, какъ она говорила, Лисидоръ испытывалъ наисильнѣйшіе удары. Могъ ли онъ рѣшиться упустишь случай, котораго искалъ, и желалъ съ толикою горячностью? Но могъ ли такъ же и измѣнить другу, котораго споль мало того заслуживалъ? Наконецъ честь одержала побѣду надъ любовью. Онъ вспалъ скоропостижно, и поцѣловавъ руку Исабеллы, сказалъ ей: милостивая государыня, я беру небо во свидѣтели, что вы никогда не были мнѣ споль любезны. Я бы отдалъ жизнь свою за то шолько, что бы быть вашимъ незаконно. Но вы мнѣ открыли глаза въ чрезмѣрномъ преступленіи, въ которомъ я хотѣлъ сдѣлаться виновнымъ. Я пойду во удаленіи опъ васъ влачить несчастную жизнь. Живите искренно съ супругомъ найдостойнѣйшимъ вашей любви. — По окончаніи сихъ словъ Лисидоръ сдѣлавъ глубокое почтеніе, поспѣшилъ утвердить свою побѣду бѣгствомъ.

Не знаю, каковы были чувствованія Исабеллы; но любовникъ ея для избѣжанія вшоричнаго паденія удалился безвозвратно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ она жишельствовала. А небо, какъ бы желая награждать его за то, что онъ пожертвовалъ честью любовью, сдѣлало такъ, что онъ въ сообществѣ добродѣшельныхъ соопруги, позабылъ совсемъ о той

спрашивая, которая чуть было не понудила его изменить нежнейшему из друзей.

Н. Я.

А н е к д о т ъ .

Графъ де *** лишась своей жены побжалъ къ доктору, который лечилъ ее во время болѣзни, и просилъ его, что бы онъ объявилъ возмездіе, котораго онъ мнилъ имѣть право отъ него требовать. Докторъ отвѣчалъ, что никогда не установлялъ ни для кого имен- ной платы, и что онъ не начнетъ сего дѣ- лать для человѣка столь знашнаго, каковъ есть Графъ. Отговаривавшись долгое время такимъ образомъ, на конецъ спросилъ: не много ли будетъ, если онъ потребуетъ пяти-десяти луидоровъ? *вы очень совѣстны*, ска- залъ Графъ, *извѣстный уже неплатежемъ* долговъ, *я запишу въ списокъ моихъ замо- давцевъ, что я долженъ вамъ сто луидоровъ.*

ЛЪКАРСТВО ОТЪ СКУКИ И ЗАБОТЪ.

№. 37. Середа. Марша 10 дня 1787 года.

Тридцать четвертая загадка значить: *Молчаніе.*

35 Загадка.

Много нужно времени, что бы узнать мою цѣну, но я учу людей какъ меня почитать. Я служу орудіемъ спыда и цѣною чести. — Я подкрѣпляю дурака, равно какъ и мудреца. Бездѣльникъ меня спрашится, Ирой мною обладашь желаетъ. Странное во мнѣ свойство величія и ничтожества! Когда я дѣлаю славу великаго человека, меня чшущь. — Вельможѣ дающь меня въ знакъ величія; бездѣльнику опредѣляющь въ награду содѣянныхъ золъ.

*О вкусѣ древнихъ въ разсужденіи красоты,
и о славной стихотворицѣ Сафѣ.*

Въ стихотвореніяхъ Анакреонша и Сафы
въ двадцать осмой пѣснѣ описана красота Ана-

креоншовой любовницы. Изъ того узнать можно, сколь странной былъ древнихъ вкусъ о красотѣ въ противоположеніи нынѣшнему. Они почитали опличносцію, если у которой красавицы брови наморщенные или соединенныя. Сіе явствуетъ не только изъ упомянутой пѣсни Анакреонта, но даже въ разныхъ мѣстахъ Теокриповыхъ сочиненій; Петронія, Овидія, и многихъ другихъ писателей о томъ довольно есть доказательства. Овидій упоминаетъ, что женщины такимъ преимуществомъ отъ природы не одаренныя прибѣгали къ искусству, чтобъ получить сію красоту. *Arte supercilii confinia pudæ repletis.* Изъ чего видно, каковъ былъ вкусъ древнихъ. Напроставъ того Аристопель и многіе другіе свидѣтельствуютъ, что сошедшіяся или сросшіяся брови были знакомъ досады и скуки, или лучше сказать, суровости и угрюмости: а всѣмъ извѣстно, что суровый и угрюмый видъ мало приличенъ красавицамъ. Въ послѣдующія времена по спашьямъ фисіономіи таковыя брови считались знакомъ худаго предзнаменованія, и сказывали, что обыкновенно показывающъ злонаравіе челоуѣка, и худыя его качества.

У древнихъ былъ такъ же вкусъ для насъ очень чудной въ разсужденіи лба; они почитали самой меньшей лобъ прекраснымъ. Сіе доказать можно изъ Гораціевыхъ, Лукіановыхъ и Петроніевыхъ сочиненій. По тому

заклучишь должно, что красота есть игра нашего воображенія переменяющаяся по временамъ, странамъ, и народамъ.

Весьма трудно бытъ двумъ сочиненіямъ столь между собою сходственнымъ, какъ Анакреонта и Сафы. Первый былъ самый любовспрастнѣйшій человекъ: а послѣдняя была женщина въ любовной спрасти самая нѣжнѣйшая и чувствительнѣйшая своего времени. Она употребляла всевозможныя способы воспользоваться успѣхами любви и сладоспращія, и кажется, что не осталось ни одно средство, каково токмо въ естество существующее, которое бы ей не было извѣстно, или бы она онаго не употребила; толпа любовниковъ не могла никогда уполишь ея ревненія. Въ прочемъ стихотворенія Анакреонта и Сафы столь много сходствуютъ между собою, что почти можно ихъ почести за одно. Сожалительно, что они не были современники, какъ дѣвица Скудери сочла нужнымъ сіе соединеніе для украшенія своего Романа.

Надобно было ихъ соединить бракомъ, чтобъ усовершить природу, и узнать дѣйствія двухъ столь спрастныхъ сложеній и столь нѣжныхъ чувствованій; но къ сожалѣнію Сафо жила за сто или за сто двадцать лѣтъ до Анакреонта.

Госпожа Дассіеръ по скромности своей и чувствительности силилась оправдать Сафу въ чрезмѣрной ея спрасти, которую ей въ

порокъ приписываютъ. Не лѣзя сомнѣваться, что по своимъ дарованіямъ и достоинствамъ имѣла она и много враговъ, коихъ зависть заставила наводить на нее клевету къ ея безславію.

Естественнo, что несчастіе сіе постигашъ обыкновенно женщину чрезвычайно отличавшуюся своимъ разумомъ, просвѣщеніемъ, знаніемъ, и которая въ самой вещи много была подвержена злословію. Она осталась вдовою въ цвѣтущихъ лѣтахъ своея молодости; не хотѣла вступишь во впорой бракъ; но любила шоль спраспно и горячо молодого Фаона, что когда сей молодой человекъ отправился въ Сицилію, дабы избѣгнутьъ гоненія, она за нимъ же слѣдовала, и не упустила никакого способа преклонить и паки на свою сторону сего вѣроломнаго любовника; всѣ ея хитрости, лести, и нѣжныя стихотворенія были тщетны; она видя въ томъ свою неудачу бросилась въ море.

По поводу шoliko несчастныя кончины зависѣвшей отъ ея рѣшимости сія славная и остроумная женщина, какъ нѣкоторые мыслятъ, заслужила себѣ имя *mafcula Sapho*, *мужественная Сафо*; а другіе думаютъ, что сіе названіе приписано ей по причинѣ неограниченной ея страсти къ дѣламъ любовнымъ, въ которыхъ она упошребляла пошѣхи въ наши времена однимъ мужчинамъ приличныя.

А. Б. Д.

С и л а л ю б в и.

Любовь имѣетъ такую силу въ чело-
вѣкѣ, что приводитъ его очень не рѣдко въ
забвеніе самаго себя. Еліодоръ говоритъ, что
спраданіе любимаго предмета, мучитъ больше
любящаго, нежели его собственное. Одинъ
отецъ съ сыномъ изобличены въ нѣкоемъ ва-
жномъ преступленіи, должны были понести
жестокую пышку. Будучи чрезъ долгое время
въ заключеніи, отецъ ободрялъ сына, беспре-
спанно напоминая, что надобно имъ молча-
ніемъ и чрезъ претерпѣніе короткаго спра-
данія освободить жизнь свою отъ лютой и
поноснѣйшей смерти. Пришло время мучи-
тельныхъ пышекъ, въ перенесеніи кошорой до-
брой отецъ пребылъ весьма постояненъ; а
когда должно было взять сына на шуже са-
мую пышку, то прозорливый судья приказалъ
что бы освободившійся уже отъ оной отецъ
при томъ присутствовалъ; отецъ коль скоро
увидѣлъ сына мучимаго тѣми же самими пыш-
ками, вдругъ началъ блѣднѣть и чувствовалъ
въ сердцѣ своемъ такую боль, что не могъ
удержаться, что бы не закричать къ судьи:
прося его свободить сына отъ той мучитель-
ной пышки, и что онъ рѣшился уже объя-
вить о своемъ преступленіи подробно; что
и учинилъ тогда же часъ. А какъ спросилъ
его судья, по чему бы онъ будучи самъ на
пышкѣ не сказалъ ничего, а послѣ увидѣвъ на

оной сына, признавался во всемъ? Онъ отвѣчалъ: послыку во мнѣ было на пышкѣ мое одно только шѣло, а въ сынѣ моемъ и шѣло и душа вмѣстѣ.

Примѣръ подписыванія.

Великія дѣлають погрѣшности тѣ, которые не чистая и неразсмотрѣ дѣлѣ порядочно, подписываютъ оныя. У Зонара находится весьма достопамятный примѣръ великія оныя Пулхеріи сестры Θεодосіа меньшаго Императора Греческаго, которая видя брата своего о семъ весьма нерадящаго, и что онъ будучи отъ нея многожды за то упрекаемъ, не только не исправлялся, но еще всегда подписывалъ даже и не смотря на то, что подписывалъ, утверждая однако же, что все то конечно было порядочно, и говаривалъ, что онъ всегда хорошо разсмаприваетъ: вздумала сдѣлать надъ нимъ преизрядную шутку. Она приказала написать письмо таковаго содержания, будто бы Императоръ продавалъ ей свою жену, которую онъ любилъ весьма горячо; послала къ нему для подписанія, такъ какъ бы оно было совсемъ въ иной силѣ, и тогда же получила оное обратно подписанное. Императоръ не много спустя послѣ того, посылаетъ звать къ себѣ Императрицу находившуюся въ другой чертоговъ половинѣ.

Пулхерія удержала ее, и дала ему знать, что она уже ему не принадлежишь больше, когда онъ ее продалъ; и такъ показавъ оное письмо увѣрила его о истиннѣ, что онъ подписывалъ многія дѣла совсемъ не зная, каковы онъ были, и отъ чего могъ бы случиться ему не малой вредъ со стыдомъ.

Злыхъ должно наказывать за первое ихъ преступленіе.

Одинъ дворянинъ въ Парижѣ убилъ другаго дворянина, за что и взятъ былъ для наказанія; но понеже Король очень его любилъ, то и простилъ ему. Спустя чешыре года убилъ онъ и другаго; и хотя посадили было его въ шюръму, однако, то чрезъ прозьбы, то другими средствами былъ онъ и вдругоредь освобожденъ. Не по многомъ времени послѣ сего сдѣлалъ онъ третіе убійство, и былъ отданъ въ руки правосудія. Когда дѣло шло уже къ тому, что бы казнить его смертію, то Король послѣ обѣда оборотясь къ одному своему придворному, который иногда было подшучиваетъ, спросилъ его: какъ вамъ кажется, что бы вы сдѣлали съ нимъ, если бы вы имѣли его подъ своимъ судомъ? Государь, вѣжливо отвѣчалъ придворный, по моему мнѣнію онъ кажется достоинъ прощенія, ибо онъ не больше убилъ, какъ одного

шолько человека. Какъ, сказалъ Король, вишь онъ убилъ шрехъ? Никакъ, повшорилъ шутъ, онъ убилъ шолько одного, кошорый былъ перьвый; а вшораго и шрешьяго убили вы, по шому, что вамъ должно было наказашъ его за перьвымъ разомъ.

Жена соболъзнующая о своемъ мужѣ.

Одинъ чесшой и доброй человекъ будучи по случаю смертельно раненъ, былъ опнесенъ отъ своихъ прятелей домой. Жена увидѣвши такое мужа нещасшье, начала драшь лице и рвашъ на себѣ волосы подѣвима вoплъ до самыхъ небесъ. Между шѣмъ пришолъ лѣкаръ и спросилъ у нее, имѣешъ ли она шрепицы для обвипшя ранъ? Она съ крайнею прискорбноспшю и плачемъ опвѣчала: о! имѣлъ бы онъ лишь шолько ранъ, сколько имѣю я шрепиць.

ЛѢКАРСТВО ОТЪ СКУКИ И ЗАБОТЪ.

№ 38. Середа. Марша 17 дня 1787 года.

Тридцать пятая загадка значить: *Палка.*

36 Загадка.

Служа украшеніемъ великолѣпнѣйшихъ чер-
шоговъ, служу иногда переводчикомъ чело-
вѣческихъ спраспей. Глазъ не имѣю, но все
вижу и дѣянїя предсоящихъ повторяю тѣми
же самыми движенїями. Ни самъ Апеллесъ, по-
добно мнѣ, не въ состоянїи подражать при-
родѣ. Преимущество являя, не скрываю по-
роковъ; что естъ, то кажу необинуясь. По-
мощїю моею умѣютъ шарухи скрывать свои
недоспапки и заглаживають ископанныя на
ланишахъ своихъ бразды. Красавицы меня
почишають и любяють бышь со мною, да
узрять свои прелесши.

Нравоучительное письмо молодому въ свѣтъ вступающему чловѣку.

Любезный другъ!

Отпуская васъ отъ себя изъ смотрѣнія моего въ великій свѣтъ, въ которомъ будете играть новую жизни ваша роль, и любя васъ искренно оставляю вамъ для памяти нѣкопорыя пріятельскія наставленія, коимъ слѣдуя, надѣюсь видѣть васъ со временемъ благополучнымъ и опечесива вашего достойнымъ членомъ.

Убѣгайте во первыхъ, ахъ! убѣгайте худыхъ сообществъ; онѣ по сущь первый камень прешыканія молодаго чловѣка: онѣ приводятъ юношу въ забвеніе Божесивенныхъ и гражданскихъ законовъ: онѣ опвлекаютъ насъ отъ добродѣтели и повергаютъ во глубину пороковъ: онѣ удерживаютъ насъ отъ исполненія нашихъ должностей и лишаютъ шѣмъ не токмо временнаго но и вѣчнаго благополучія.

Ограничьте ваше по нынѣ доброе сердце отъ шѣхъ сильныхъ спрасшей, которыя обыкновенно обладаютъ мыслями молодаго и самому себѣ оставленнаго чловѣка, изъ копорыхъ первѣйшая есть любовь. Правда, чистая любовь есть одна изъ значнѣйшихъ добродѣтелей, когда говоритъ о любви къ ближнему, и о любви въ супружествѣ. Перв-

вую старайтесь исполнить во всякихъ слу-
чаяхъ, ибо сіе повелѣваетъ законъ Божій: а
поелику вамъ о другой думать еще ни лѣша,
ни должностъ ваша не позволяетъ, то бере-
гитесь сея любви, она въ вашихъ лѣшахъ есть
первѣйшимъ порокомъ, она есть камень, объ
которой миліоны юношей ударившись пре-
терпѣвали кораблекрушенія своея невинно-
ности, своея чести, своего здоровья и сво-
его счастья. Благополученъ тотъ, который
убыткомъ другихъ дѣлается разумнымъ. Въ
томъ городѣ, гдѣ вы будете жить, вы уви-
дите тысячу печальныхъ примѣровъ впадшихъ
въ сію превредную спрасъ людей; лучше и
легче прежде остерегаться, чѣмъ послѣ и по-
здо оплакивать свое несчастіе. Сіе неблаго-
получіе обыкновенно есть плодомъ худыхъ
и превращенныхъ сообществъ.

Я по нынѣ не примѣшилъ въ васъ осо-
бливыя склонности къ каршежеой игрѣ. Ху-
дые поварищи и скука скоро сему научатъ,
особливо въ такихъ мѣстахъ, гдѣ карты счи-
тающся первою забавою. Молодой человекъ
подъ видомъ сея невинныя забавы мало по
малу привыкаетъ къ сему препровожденію вре-
мени, но мало по малу же возрасшаетъ спрасъ
въ сердцѣ. Корыстолюбіе побуждаетъ искать
каршежные столы, ошъ которыхъ большею
частію вспають потерявши имѣніе, честь,
и не рѣдко съ опасностію жизни. Для соб-
ственнаго вашего благополучія прошу васъ
удаляйтесь отъ сего порока.

Пьяница не рождается, но делается, умеренное употребленіе крѣпкихъ напитковъ ободряетъ духъ и пособствуетъ здоровью, но излишнее лишаетъ разума и ввергаетъ человека въ такія подлости, которыя свойственны однимъ безумнымъ животнымъ. Рѣдко кто самъ собою упивается, а находясь въ такихъ обществахъ, гдѣ товарищи просятъ, ободряютъ и принуждаютъ. Молодой человекъ тѣмъ болѣе долженъ убѣгать сего порока, поелику удерживаетъ его отъ исполненія своей должности, упущеніе которой лишаетъ его чести и благороднаго имени. Будьте, любезный другъ, покорнымъ прошиву вашихъ начальниковъ. Многіе не имѣя другихъ шансовъ, тѣмъ однимъ сыскали великое щастіе, а другіе съ наилучшими качествами оспались въ забвеніи и презрѣніи. Никогда хорошимъ начальникомъ шотъ не будешь, кто не научился повиноваться. — Часто искушается шолько характеръ молодого человека, не давайтесь въ обманъ безвременнымъ прошиворѣчіемъ и упорствомъ. Вамъ шолько одному изъ шого причиняется невозвратимой вредъ.

Исполненіе вашей должности да будетъ перьвымъ вашимъ предметомъ. Призывая Всевышняго на помощь въ состояніи будете преодолевать всякія трудности; служба какъ служба, иногда горька, иногда пріятна. Первую должно снести а въ послѣдней невозгор-

дишься. Человѣкъ трудами долженъ по степенямъ доходить до высочайшей степени чести и благополучія. Кто трудовъ убѣгаетъ, тотъ не имѣетъ права къ такому награжденію.

Но чтобы исполнить свою должность, надобно ее разумѣть во всей обширности. Къ сему разумѣнію способствуетъ вамъ уже не мало то, чему вы до селѣ научились; но оно весьма еще мало въ разсужденіи того, что еще впереди осталось. Пріятельской мой совѣтъ соспоитъ въ томъ, дабы вы, повторяя выученное, старались ежедневно помощію хорошихъ книгъ и разумныхъ людей распространить пріобрѣтенное уже знаніе. Сіе то будетъ вамъ наилучшимъ и полезнѣйшимъ препровожденіемъ времени.

Въ обхожденіи съ хорошими людьми не высокоумствуйте и не почитайте себя лучшимъ другихъ. Часно тѣ, коихъ пренебрегали, подымаются щастіемъ выше насъ, и тогда то они стараются намъ опмспитъ. Науками предъ незнающими не хвалитесь. Всякой человѣкъ имѣетъ особый даръ; одинъ другаго превозходитъ разумомъ, а тотъ перваго проворствомъ, храбростью или другими добродѣтелями: но когда того требуетъ ошъ васъ должность, тогда старайтесь всѣми силами доказать, что вы вѣрный слуга предержащей власти и полезный членъ вашего общества.

Возмите себѣ примѣръ отъ честныхъ и добродѣтельныхъ людей. Дѣла ихъ подобны хорошимъ кушаньямъ въ золотыхъ блюдахъ, запахъ одинъ приманиваетъ отвѣдашь, и когда разъ только съ прямымъ желаніемъ отвѣдали, то увидимъ, что безъ добродѣтели нѣсть блага на свѣшѣ; не забывайте при томъ читать всякой день по нѣскольку спрочекъ изъ хорошей нравоучительной книги. Сдѣлайте себѣ въ томъ законъ, котораго бы преступить не могли; продолжайте такое ежедневное чтеніе со вниманіемъ и увидите сколь много чрезъ короткое время и сердце и нравы ваши нечувствительно исправлены будутъ.

Что наконецъ касается до истинной политики, (ибо о ложной говорить нѣчего) то довольно можно ей научиться изъ чтенія же хорошихъ книгъ и обхожденія съ хорошими и обращавшимися въ свѣшѣ людьми. А я для того только о ней напомнилъ, что бы въ короткомъ моемъ наставленіи не упустилъ ничего, что къ пользѣ вашей служить можетъ.

Наблюдайте наконецъ, любезный другъ, сіи малыя, но весьма великую обширность въ себѣ заключающія правила предбудущаго поведенія вашего, и со временемъ сами увидите что съ искреннымъ и откровеннымъ сердцемъ говорилъ томъ, который желая вашего благоденствія; есть и будетъ

Вѣрнымъ вашимъ другомъ.

О тюрмахъ и наказаніяхъ въ Даніи.

Никакого злодѣя не заключающъ здѣсь въ желѣза, прежде его осужденія, выключая въ такомъ случаѣ, когда онъ какое ужасное безчеловѣчїе учинитъ. Судъ производится чрезъ переносъ въ Сенатъ, который или облегчаетъ оный, или подтверждаетъ.

Наказаніе, мечь улицы, и изгнаніе изъ Государства, есть самое употребительнѣйшее въ Копенгагенѣ. Если же преступленіе учинено людьми низкаго сословія, отъ коихъ общая безопасность зависитъ, напримѣръ: отъ сторожей, отъ извозчиковъ и проч., то водятъ ихъ по горсду въ Гишпанскомъ плащѣ. Сіе тяжелое одѣяніе есть на подобіе открытаго съ обѣихъ концовъ сосуда, куда спавятъ преступника, и къ которому его цепью за шею прикрѣпляютъ. Сіе наказаніе употребляется также и въ Германіи. Я мѣрлялъ такое желѣзное одѣяніе въ Берлинѣ, которое имѣетъ 1 футъ и 8 дюймовъ въ окружности сверху, 1 футъ на срединѣ, и 2 фута 6 дюймовъ вышины. Особливое сіе наказаніе есть столь страшно, что рѣдко бывающъ таковыя преступленія, за кои единственно оно определено.

Вѣшаютъ внѣ Копенгагена. Въ Даніи владычествуетъ предразсужденіе, что голову опрубить шпагою есть честнѣе, нежели попоромъ. Обыкновенное наказаніе есть вѣшать.

Колесо не употребляется иначе, какъ только въ самыхъ ужасныхъ преступленіяхъ, и въ семъ случаѣ опрубливають злодѣю во первыхъ правую руку. Когда приговоръ сдѣланъ, то дають преступнику времени на восемь или на 14 дней для пріугошвленія себя къ смерти. Ночью запирають его въ тѣсную тюрьму, а днемъ выпускають его въ свѣтлую и просторную горницу.

Въ Даніи вообще рѣдко приговаривають къ вѣселицѣ. Женщины изобличенныя въ смертоубійствѣ дѣшей, осуждаются на всю жизнь къ прадильной работѣ въ опредѣленныхъ для сего домахъ, сверхъ сего должны онѣ каждый годъ въ пошѣ день, въ копорой онѣ учинили преступленіе, месши улицы. Сіе наказаніе, копорое для женщинъ гораздо страшнѣе самой смерти, воздержало ихъ такъ, что со времени установленія онаго, число дѣшоубійцъ очень уменьшилось. Въ началѣ 1771 года уничтожилъ несчастный Спруве смертную казнь за воровство, бывающее чрезъ нападеніе; онъ ввелъ на мѣсто того, месши улицы и вѣчную тюрьму.

ЛѢКАРСТВО ОТЪ СКУКИ И ЗАБОТЪ.

№ 39. Середа. Марша 24 дня 1787 года.

Тридцать шестая загадка значить: *Зеркало.*

37 Загадка.

Ногъ не имѣю, но бѣгу съ стремленіемъ, кошорому соравнишься можешъ одно теченіе времени. Никогда не покоюсь, и начавъ бѣгъ свой отъ перьваго моего существованія, стремлюсь не останавливаясь. Есть у меня сестры, кои родились купно съ сотвореніемъ вселенныя и существуя отъ начала вѣка, существовать будутъ до позднѣйшихъ вѣковъ и дондеже угодно міра Создателю. Изпробиты быше мое не въ силахъ человекъ. Младшихъ и слабосильнѣйшихъ сестеръ моихъ удерживаюиъ иногда, и даюиъ новое жилище, но съ трудомъ и великимъ изживеніемъ. Рукъ не имѣя ношу огромныя на себѣ сданія и тяжести ихъ не чувствую. Когда развѣрюсь, да не дерзаетъ никто силъ моей пропиво-борствовати: низрину сданія, разрушу сады, погложу людей, потрясу камни и наведу ужасъ смертныхъ роду. Польза отъ меня безконечна.

Продолженіе къ страницѣ 96.

Полишическая шюрма въ Копенгагенѣ есть въ крѣпости. Сѹба состоитъ изъ пяти или шести комнатъ, изъ которыхъ каждая пространствомъ занимаетъ окружности 15 футовъ, а 14 футовъ имѣетъ вышины, съ однимъ окошкомъ и однимъ *алкофаномъ* вмѣсто постели. Сіи комнаты свѣшлы, чисты и убраны. Я видѣлъ тамъ арестанта, котораго берегли Уншеръ офицеръ съ однимъ рядовымъ солдатомъ внутри комнаты, и одинъ сторожъ у дверей, хотя главный караулъ былъ внизу. Жаръ былъ чрезвычайно великъ, термометръ показывалъ 77 градусовъ. По сей причинѣ позволено ему было открыть свое окошко; и сіе только одно доставляло ему свѣжій воздухъ, которымъ ему пользоваться дозволяли, ибо полишическіе арестанты никогда не выходятъ изъ своего заключенія. Король платилъ значную сумму для ихъ содержанія; чшобъ ихъ не совсемъ исключитъ отъ Богослуженія, отворяютъ тюремныя двери, и помощію одного отверзшія, сдѣланнаго въ сводѣ церковныя стѣны проходитъ къ нимъ голосъ проповѣдника и пѣніе.

Я видѣлъ придѣланныя къ полу камеры цепи, которыми Графы Стрензе и Брандъ прикованы были. Первый изъ нихъ провелъ три мѣсяца въ оныхъ. Когда онъ ихъ оставя, шелъ на судебную площадь, казалось, что

позабылъ ожидаемую участь, и для показанія своихъ чувствованій, родившихся отъ явленія солнца и наслажденія свѣжимъ воздухомъ, онъ вскричалъ: Великій Боже! какое удовольствіе наслаждаешься свѣжимъ воздухомъ! Находясь шуть нѣкопорыя камеры для солдатъ, учинившихъ ужасныя пресупленія. — Голубая башня принадлежащая къ замковому суду состоишь изъ четырехъ вѣверху и изъ трехъ вѣнизу чулановъ; шеперь восемь мушинъ и двѣ женщины находились вѣ оныхъ, и на каждый день получали по два шилинга для препитанія, которое имъ доставляетъ приславъ по ихъ требованію.

Темница близко валу назначенна для преступниковъ гарнизонныхъ и для различной степени просныхъ людей, которые отдаются вѣ рабство. На одной споронѣ внутренняго двора ихъ шюрмы находится двѣ камеры подъ валомъ, изъ коихъ каждая имѣеть вышины шолько 10 фушовъ, изъ копорыхъ $\frac{2}{3}$ мѣста и пространства заняты двумя кроватями поставленными одна надъ другою. Сверхъ сихъ еще находится двѣ порядочныя горницы для больныхъ, и одна часовня безъ галлерей по причинѣ низкости верхняго яруса. Тамъ видѣлъ я 143 человекъ арестаншовъ, копорые имѣли сѣрые кафшаны съ красными обшлагами и двуцвѣшныя шшаны. Имъ запрещено ночью раздѣваться, и посліку они каждые три года изъ лоскушковъ шого же плашья уже

сношеннаго получають новое, то многіе изъ сихъ ссылочныхъ ходящъ совѣмъ раздранныя и нагіе; нѣкоторыя носятъ легкую цепь на ногѣ, другіе шяжелыя желѣза на обѣихъ ногахъ; третій родъ, кольцо на шеѣ изъ того же металла; я видѣлъ одного, копорый за руку прикованъ былъ къ своей телѣжкѣ. Сіе наказаніе опредѣлено для тѣхъ пресшупниковъ, которые во время ихъ заключенія погрѣшили въ чемъ нибудь, или бѣжашъ хотѣли. На другой сторонѣ двора ходящъ въ низъ по лѣспницѣ о десяти ступеняхъ въ сдѣланную сводомъ шюрьму, имѣющую окружности 15 футовъ, 7 фушовъ вышины, и одно опшверзшїе 18 дюймовъ окружности, въ которой нашелъ я многихъ арешаншовъ лежащихъ на соломѣ. Мое сердце шрепешало взирая на сихъ бѣдняковъ, на лицѣ коихъ изображалась болѣзнь и опчаяніе. Во время втораго моего посѣщенія, былъ я при Богослуженіи въ часовнѣ. Арешанты сидѣли на скамейкахъ, окруженны солдатами, изъ коихъ двое у дверей съ ружьями и шпыками; послѣ Богослуженія возвратился сей печальный спрой въ свое жилище, куда и я за ними слѣдовалъ. Большая часть оныхъ бросились въ свои соломяныя логовища, копорыхъ заразительной нечистоты описашъ я не могу, и тогдашнее мое посѣщеніе сихъ шюрешщжковъ причинило мнѣ сильную головную болѣзнь. Лѣшомъ должны они рабо-

пашь въ крѣпости отъ 5 до 11 часовъ предъ полуднемъ, и отъ 1 до 6 часовъ по полудни; они получающь въ каждые 5 дней 7 фуншовъ хлѣба; лѣшомъ въ день $1\frac{1}{2}$ шилинга, а зимою по 1 шилингу. Во время работы берегущь ихъ 20 человекъ солдатъ. При возвращеніи ихъ домой я видѣлъ, что нѣкоторые были скованы по двое, и сѣи называлися безчестными, которые были въ рукахъ палача и заклеены. Къ сему классу принадлежало 59 человекъ, а 85 къ первому. - - Прядильный домъ содержишь отъ 300 до 400 преступницъ, которыя для Королевскихъ мануфактуръ въ Копенгагенѣ волну прясъ и раздериивашъ должны. Хотя шѣ горницы были пространны, однако сыры и не здоровы, и окошка ошвсюду были законопачены. На дворѣ примѣшилъ я различные малые сараи, и въ каждомъ изъ оныхъ одного арестанта, который рубилъ дрова; въ другой залъ нашелъ я 66 женщинъ заключенныхъ навсю жизнь, которыя пряли и дергали волну.

Въ крѣпости Кроненбургъ въ шамошнемъ замкѣ находилась въ заключеніи несчастная Королева Машильда. Она жила въ комнатахъ Губернаторскихъ и имѣла позволеніе ходишь на валъ для прогулки. Ея предбудущая участь не была ей извѣсна, и она должна была бояшь, что бы мяшежъ причинившій ей заключеніе, не принялъ еще спржайшихъ прошиву ея мѣръ. Когда Англинской Посланникъ въ Копенгагенѣ принесть ей

извѣстіе о ея освобожденіи, которое доставлено ей благоразуміемъ его, то сіе привело ее въ такое восхищеніе, что она обливаясь слезами обнимала Лорда, и называла его своимъ избавителемъ. По краткомъ разговорѣ совѣтовалъ ей Министръ немедленно садиться на приготовленный для нея корабль, определенный вывезти ея изъ Государства, гдѣ она столь великія несчастія претерпѣла; чемъ больше шумъ спѣшила она съ своимъ отъѣздомъ, тѣмъ больше оной дѣлалъ для нея затрудненій по нѣкоторымъ обстоятельствомъ. За нѣсколько мѣсяцовъ предъ ея заключеніемъ родила она Принцессу, которую сама кормила. Попеченіе о семъ дитяшѣ было единственнымъ ея утѣшеніемъ, и какъ во время ея несчастія никто не дѣлалъ ей посѣщенія, то имѣла она чрезвычайную склонность къ дитяшѣ; едва могла она перенести мысль, что ей надобно разлучиться съ младую Принцессою. И какъ Принцесса нѣсколько уже подрастать начинала, то желала Королева по крайней мѣрѣ до своего освобожденія имѣть объ ней попеченіе. Все сдѣлано, что бы ее учинить любезнѣе Королевѣ въ заключеніи, нежели какъ бы она была ей при всемъ великолѣпнн двора, гдѣ она не всегда имѣла бы ее подъ своимъ смотрѣніемъ въ своихъ объятіяхъ. Повелѣніе оставиши дитя, причинило ей еще большую печаль, нежели извѣстіе о ея освобо-

божденіи радость. Она не могла себя преодолѣть, что бы не пойти и не проститься съ нею. Она чувствовала, что это было въ послѣдній разъ, и что она уже ее никогда не увидитъ. Надобно было ее нѣкоторымъ образомъ принудить, что бы взять отъ нея малолѣтнюю Принцессу, съ кошкою она наконецъ распалася съ превеликимъ рыданіемъ. Взшедши на корабль оставила она шюрму, въ которой ея дочь пребывала безъ всякаго прирѣнія; взоры ея были шуда обращены до тѣхъ поръ, пока она ее со всемъ изъ виду не потеряла; наконецъ уговорили ее сойти въ низъ въ свою каюшу.

Извѣстно, что сія несчастная Королева поѣхала въ Целле, гдѣ она нѣсколько времени прожила, и наконецъ умерла отъ лихорадки. Королева Машильда была бодрого и веселаго нрава до тѣхъ поръ, пока не окружили ее несчастія и не погрузили въ глубокую задумчивость, въ кошкою она пребыла до самой смерти. Когда она имѣла какихъ у себя гостей, то принуждала себя насильно забывать мысли своея печали, и принимая на себя веселый видъ, что весьма чуждо было ея сердцу. Тщешно старалась она пришеваряться, всякъ видѣлъ ея принужденіе, и присутствующіе были шѣмъ всегда столь пронушы, что хопя они приходили разбивать мысли, и приводить ея несчастія въ забвеніе, однако же принуждены чувствовали, что

они должны были въ присушствіи ея раздѣлять оныя съ нею. Она сокрушалась, когда видѣла около себя людей; уединеніе, въ которомъ она безъ принужденія могла шужить и плакать, было ея единымъ ушѣшеніемъ. Даже до послѣдняго мгновенія ея бышя имѣла она величайшую нѣжность къ своимъ въ Даніи оставшимся дѣтямъ; она съ горячностію и ревностію нѣжныхъ матерей искала извѣстія объ оныхъ; и въ томъ одномъ находила свое удовольствіе; самыя малѣйшія извѣстія были успокоеніемъ ея сердца, она извѣщалась о ихъ здоровьѣ, воспитаніи, успѣхахъ, и самыя малѣйшія обстоятельства были для нея важны. Она получила ихъ порицешы, написанные по повелѣнію Дацкаго двора, поставила ихъ въ своемъ кабинетѣ, въ которомъ она для сего единственно по большей части и жила. Въ свободное время брала ихъ въ руки, разсматривала прилѣжно, и говорила къ нимъ со внутреннею горячностію, шакъ, какъ бы онѣ дѣйствительно были ея дѣши, которыхъ она себя въ мысляхъ представляла.

Въ прошедшемъ N. на страницѣ 96 напечатано *несчастный Струве*, а должно бышь: *несчастный Стрензе*.

ЛБКАРСТВО ОТЪ СКУКИ И ЗАБОТЪ.

№ 40. Середа. Марша 31 дня 1787 года.

Тридцать седмая загадка значить: *Рѣка.*

33 Загадка.

Прообразовали мною нѣкогда древнѣе тройственное существо. — Получивъ бышѣе отъ матери, даю бышѣе ея дѣшамъ. Коль нужно, да произведу шварь, шребую жару и согрѣшїя. Любовь есть началомъ моего существованїя. Часто служу пицею. Жизнь моя весьма крашка, но ешествоиспытатели умѣли изыскашь способъ превращашь часпи мои въ родъ прїятнаго камня. Чйшашель, коль хочешъ узнашь кто я? вспомни нынѣшнюю недѣлю: теперь разпещряютьъ меня цвѣшами, и мѣняються въ знакъ любви.

Д л я з д о р о в ь я.

Жизнь съ излишкомъ сидячая не можетъ ли вредишь сосшоянїю беременности и успѣхамъ дѣшорожденїя? Запросъ сей касаетсѣя наиболѣе до общества, которому одному полько и остаесться онаго рѣшенїе. Я поступлю

весьма осторожно во изслѣдованіи мнимыхъ причинъ, всегда способныхъ къ заблужденію, а буду придерживаюсь наипаче описанія примѣченныхъ дѣйствій.

Вотъ Римлянки или Спартанки выходящія олятъ на Театръ, скажутъ съ презрѣніемъ нѣкоторыя изъ вашихъ единомышленницъ! Не хотятъ ли насъ принудить, что бы мы укрепили силы свои упражненіемъ воинскимъ по правилу Ликурга? Позвольте мнѣ ободрить сихъ госпожъ, которыя весьма скоры встревожишь себя. Я пишу на берегахъ Невы, а не Эропы. Я не считаю нужнымъ упражняться въ борбѣ и ходишь съ ружьемъ, для того, дабы имѣть благополучные роды и произвешь на свѣтъ крѣпкихъ дѣшей. Женщины, питающіеся вольнымъ воздухомъ нашихъ деревень и предавшіяся шягоспнымъ и въ движеніе приводящимъ прудамъ хозяйства, не имѣютъ вообще причины ни въ чемъ завидовать супругамъ древнихъ Спартанцевъ, въ разсужденіи періодическаго печенія и плодородія благопоспѣшнаго.

Знаменишый *Гюнтеръ*, копорый былъ Докторъ повивальнаго искусства, и копораго наиболее употребляли въ Лондонѣ, дѣлалъ въ своемъ публичномъ ученіи весьма благо-разумныя примѣчанія о преждевременныхъ родахъ, происходящихъ отъ слабости сложенія шѣлеснаго. Онъ не рѣдко видалъ женщинъ нѣжнаго сложенія рождавшихъ прежде времени

нашурою опредѣленнаго, кошорыя жили среди шумящихъ удовольствій, и совѣшовалъ пробыть нѣкоторое время въ уединеніи и покоѣ: однакожъ опдаленіе шума возобновляло припадки въ жилахъ, производило шоску и оцепененіе; и преждевременные роды случались и въ уединеніи равно какъ среди забавъ разсѣянной жизни. И такъ не оспаешся болѣе какъ только взойши ко изшочнику сихъ приключеній, и спарашься укрѣпить шѣло за долгое время предъ опасною Епохою. По сему шо сей превозходный испышатель употребилъ все свое спараніе въ томъ намѣреніи, дабы предписать почаще умѣренное упражненіе въ ѣздѣ верхомъ. Онъ чистосердечно признавался, что онъ чрезъ шо предупредилъ преждевременные роды, кошорыхъ всѣ прочія обстоятельства казались учинить неизбѣжными.

Дѣшпорожденіе ешть такъ какъ и всѣ прочія должносши въ жизни. Шесшвіе его порядочное зависишь опъ силы мускуловъ, опъ дѣйствія обращенія крови, и опъ нѣкоторой степени мужесшва, кошорое служишь ко опкрышю и укрѣпленію сильнымъ образомъ усилій нашуры. Напрошивъ шого чрезмѣрная нѣжностъ, сильная чувшвишельностъ, съ лишкомъ превозмогающая слабосшь фибровъ, возмуцають тысячекратно главные законы устройшва живошныхъ, дѣлають сильнѣе чувшвованіе болѣзни, и не рѣдко перемѣняютъ должностъ еше-

спвенную въ собраніе болѣзней наивеличайшихъ. Приводи, сколько тебѣ угодно, свидѣтельствъ путешествовавшихъ, объявляющихъ, что женщины у восточныхъ жителей пребывающъ всегда заперты въ своихъ горницахъ и ни въ чемъ не упражнясь, рѣдко имѣютъ тяжелые роды. Сіе дѣйствіе можетъ происходить отъ спеченія многихъ другихъ поспороннихъ причинъ, отъ частаго употребленія бани, отъ воздержанія и качества пищи, взятой большею частію изъ царства распѣній, отъ счастливаго расположенія шѣла, отъ крепости климата и отъ порядочной переменны сна и бодрствованія. Но не спараясь судить здѣсь наши нравы, спрошу, думаютъ ли что бы въ 29 градусѣ широты, сочная и различная пища, употребленіе крепкихъ напитковъ и превращеніе естественнаго порядка ночи и дня, могли бытъ въ состояніи позволить оспаться не наказанными лежа въ постѣлѣ, сидя на стулѣ или повозкѣ?

Несчастливыя приключенія, которыя сопровождаютъ роды, умножающа въ большихъ городахъ чрезвычайнымъ образомъ. Мало шакихъ найдется, которыя бы распространяли чаще печаль въ фамиліяхъ. Примѣчаніе сіе сдѣлано въ Англїи и Франціи. Примѣчено въ послѣдней запискѣ что умерло въ Лондонѣ въ три мѣсяца женщинъ въ родахъ болѣе, нежели съ того времени, какъ созданъ свѣтъ. Извѣстно что Лади Елліота, сеспра госпо-

дина Пишпа и Маркизша Граамская были похищены смертію такимъ образомъ въ цвѣ-
шущихъ своихъ лѣтахъ.

Важное наставленіе, что бы оставяшь дѣшей при ихъ благополучной склонности къ упражненію, не меньше касается и до молодыхъ особъ прекраснаго пола, коимъ налагаютъ съ самыхъ младыхъ лѣтъ жестокое принужденіе. Скромность и воздержаніе, которыя должны составлять ихъ нравъ, не исключаютъ невинныхъ стремленій дѣйствованія и движенія тѣлеснаго, нужнаго въ нѣкоторыя часы дня на свѣжемъ воздухѣ. Привычка сидѣть непрерывно на стулѣ въ неподвижномъ положеніи, не только приводитъ въ слабость мускулы, но можетъ еще споршить расположеніе костей, или по крайней мѣрѣ воспрепятствовать имъ взять степень пропяхенія необходимаго для хорошаго исполненія нѣкогда должностей матери. Одинъ Англинскій Медикъ сообщилъ мнѣ заключеніе наблюденія имъ учиненнаго на нѣкоторыхъ Англинскихъ фабрикахъ: что молодыя дѣвицы осужденныя съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ бытъ заключенными и работашь сидя, имѣли вообще весьма несчастливые роды.

Пребываніе въ Лейпцигѣ почишаемо было прежде сего опаснымъ для беременныхъ женщинъ, и Баронъ Галлеръ принялъ сіе мнѣніе за основанное на дѣйствіи. Новѣйшія же наблюденія показывають тому прошивное. Но-

вый Профессоръ Университета сего великаго города говорилъ при концѣ послѣдняго вѣка Диссертацію Латинскую о сей матеріи которая произвела впечатлѣніе наживѣйшее. Онъ доказываетъ сравненіемъ перечней, записокъ публичныхъ, что умираетъ теперь въ Лейпцигѣ отъ родовъ женщинъ гораздо меньше, нежели въ предшесвующихъ Епохахъ. Воздухъ, вѣтры, качество земли и воды не перемѣнились. Самомалѣйшая смертность не можетъ производиться, по мнѣнію благоразумнаго Медика ни отъ чего другаго, какъ отъ перемѣны, дѣйсвующей въ образѣ жизни. Прежде сего женщины пребывали заперты въ домахъ своихъ, предавались по перемѣнно вымысламъ нарядовъ, или изученію свободныхъ наукъ и пріятныхъ дарованій. Сочиненія нѣкоторыхъ Медиковъ Германскихъ принудили ихъ чувствовать опасность состоянія съ излишкѣмъ сидячаго. Онѣ приняи родъ жизни дѣяшельнѣйшій и за долгъ себѣ пославляли упражняться ежедневно въ чѣмъ либо на вольномъ воздухѣ. Къ сей поспасительной перемѣнѣ должно относиться безъ сомнѣнія важную Епоху счастливѣйшаго плодородія, а не ко успѣху искусства всегда недоспашочнаго, когда образъ жизни противорѣчитъ натурѣ и лишаетъ ее надобныхъ средствъ.

Карлъ V. съ Маркизомъ Васшо.

Когда Императоръ Карлъ V. при взятіи Туниса пріугошовлялся къ сраженію съ Барбароссою, то въ самый шопъ день поручилъ верховную власшь Генералу Маркизу Васшо, который распорядивши войско, и взявъ для себя перьвый спрой, Императора поставилъ въ срединѣ. Не много спустя послѣ шаковаго его расположенія увидѣлъ онъ, что Императоръ будучи поощряемъ воинскимъ желаніемъ побѣдиль, выступилъ въ передъ, и между тѣмъ его спросилъ: „какъ вамъ кажется, Маркизъ, „получимъ ли мы побѣду? Маркизъ отвѣчалъ: „сомнюся Государь, поелиду не вижу повинности между нашими. „ А когда Императоръ сказалъ, что онъ имѣетъ власшь наказывать, кто не повинуется; „такъ надобно бы, про- „молвилъ Маркизъ, начать отъ Вашего Величешва; ибо я по данной мнѣ власпи снялъ „васъ отсюда какъ съ мѣста весьма опаснаго, „а вы опять возвратились къ оному. „ Тогда Цесарь улыбнувшись и ничего не отвѣчавъ шопчасъ возвратился на свое мѣсто.

*По чему слуги не долго служатъ у
гослодѣ.*

Нѣкто честной человекъ служилъ болѣе
зо лѣшъ одному господину, который на к^д-
нецъ умеръ. Онъ пошелъ служить дру^{го} въ

и въ чешыре года перемѣнилъ сѣмь хозяевъ, Будучи единожды вопрошенъ отъ одного изъ тѣхъ, копорымъ служилъ, что бы то значило, что онъ съ начала какъ былъ молодъ, служилъ сполько лѣтъ у одного хозяина, а теперь съ перемѣною возраста сполько уже перемѣнилъ хозяевъ, что было совсемъ непохвально, отвѣчалъ: понеже нынѣ не нахожу я такъ добрыхъ, какъ я находилъ ихъ въ то время.

Замысловатый отвѣтъ одного солдата.

Въ Греческихъ исторіяхъ есть извѣстіе объ одномъ Императорѣ Греческомъ, копорый будучи больше тиранъ нежели Государь, изъ жадности собралъ великія деньги принялъ мѣры распроспранить чрезвычайную дороговизну въ Констаншинополѣ. Въ одинъ день присутствуя онъ при переборѣ новонабранныхъ солдатъ, и увидѣвъ между прочими одного отъ старости всего уже посѣдѣшаго, спросилъ его: для чего бы онъ будучи при такой старости записался въ солдаты? Государь, отвѣчалъ старикъ: я чувствую себя теперь гораздо здоровѣе, нежели какъ я былъ молодъ; ибо тогда я не могъ поднять хлѣба цѣною въ одну сребряницу, а нынѣ могу понести онаго больше нежели въ чешыре.

ЛѢКАРСТВО ОТЪ СКУКИ И ЗАБОТЪ.

№ 41. Середа. Апрѣля 7 дня 1787 года.

Тридцать осьмая загадка значить: *Яйцо.*

39 Загадка.

Прозрачнѣе чистѣйшаго стекла существую я во всемъ мѣрѣ. Человѣку служу первѣйшею пищею, его жизнь зависишь отъ меня, и гдѣ меня нѣтъ, ему бытъ не можно. Скоплясь произвожу иногда дѣйствія ужасающія обитателей земли и подъ другимъ именемъ сокрушаю, что мнѣ встрѣшися.

Честь предпочтенная всему.

Одинъ богатый купецъ въ Лондонѣ, жившій честнымъ образомъ и въ не малой славѣ, былъ низверженъ послѣдствіемъ несчастій и неизбѣжныхъ помѣшательствъ случившихся въ его торгѣ, въ весьма бѣдное состояніе. Супруга его наилучшая изъ женщинъ въ свѣтѣ, скрывала сколько возможно печаль свою и слезы отъ мужа своего, дабы не подасть ему подозрѣнія, будто она чрезъ то укоряетъ его въ

пошерьніи имѢ принесеннаго ею знашнаго имѢ-
 нія. Ежели онѢ приходилѢ когда домой вѢ
 шакое время, вѢ кошорое она его не ожидала,
 и когда онѢ ее заспавалѢ обливающуюся сле-
 зами, то она опирала ихѢ какѢ можно ско-
 рѢе, и встрѣчала его сѢ веселымѢ и удоволь-
 ствіе изѢявляющимѢ видомѢ. — — Дабы умень-
 шить свой расходѢ, опправили они старшую
 свою дочь вѢ деревню кѢ нѢкоторому честному
 опкупщику, кошорой женился на одной изѢ
 ихѢ служанокѢ. — ДѢвица сѢя была вѢ самомѢ
 цвѣтѢ своихѢ лѣтѢ и блиспала красопою.
 ПомѣщикѢ той вопчины видѢвшій ее неодно-
 крашно у опкупщика, спрасшно вѢ нее влю-
 бился и вознамѣрился поколебать ее добро-
 дѣшель. Невинная дѢвица видя спраспѢ его
 возрастающую со дня на день, ласкала себя
 выгоднымѢ супружеспвомѢ. Но вѢ одинѢ день
 получа письмо, увѢдомляющее ее, что все имѢ-
 ніе опца ее взято за долги, иноль сильно шѢмѢ
 была пронуса, что облилась вдругѢ слезами
 и изпускала тяжкіе вздохи. ЛюбовникѢ узрѢвѢ
 вѢ шаковомѢ соспоянніи обожаемую имѢ особу,
 дерзнулѢ сдѣлашь ей предложеніе прошивное
 ее благополучію. Огорченнаа красавица купно
 же и спыдомѢ угнѣтаемая, не имѢя силѢ про-
 изнеспѢ ни одного слова, побѣжала сѢ спре-
 мительностію вѢ свою горницу и, вѢ оной
 заперлась. ЛюбовникѢ по обѢявленіи сего на-
 писалѢ кѢ опцу красавицы письмо, выражая
 крайнее его сожалѣніе о его несчастіи, и что

онъ сострадая въ печали его дочери обѣщаетъ ей ежегоднаго пансіона чешыреста фуншовъ шерлинговъ, съ тѣмъ при томъ, ежели она предастъ себя его воли; и что онъ и за него внесетъ сумму, какова только потребна для извлеченія его изъ несчастія. Онъ совѣщовалъ ему, дабы уговорилъ свою дочь принять имъ предлагаемое ей, и употребить въ пользу случай могущій возстановить вдругъ все его семейство.

Письмо сіе попало въ руки матери, которая по проченіи просила вручить ея слѣдующаго содержанія: „Любезная дочь! Помѣщикъ сей ругается нашимъ несчастіемъ и нашею бѣдностью, дѣлая тебѣ послѣдныя предложенія. Къ кому онъ приспупаетъ! къ отцу своему, къ матерѣ твоей. Развѣ необходимо въ состояніи привестъ насъ до того, что бы мы пишались на счетъ чести? Бывали такіе дни, въ которые я не имѣла почти ни одной копѣйки, но все было хорошо; благодарю высочайшему существу. Я увидѣвъ недостойное письмо твоего любownika, удержала его у себя не показавъ твоему отцу, которой бы отъ него получилъ смертельную ударъ. Заклинаю тебя, любезная дочь, и запрещаю гласомъ сердобольныя матери, и помыслишь о предложенномъ тебѣ. Страшись содѣлать печаль нашу несносною подлымъ снисхожденіемъ, въ тысячу разъ поноснѣйшимъ, нежели все прочее. Да

„сохранишь тебя Богъ, любезное дитя мое,
„отъ искушенія! Мать твоя.„

Слуга не смотря на свое обѣщаніе, вручилъ сіе письмо своему господину, который не меньше былъ пронутъ, видя въ немъ изображеніе непришворное печальныя добродѣтели, какъ и удивился опроверженіемъ его приношеній. Наконецъ вдругъ перемѣнилъ свое намѣреніе, запечаталъ опять письмо и понесъ его самъ къ своей обладательницѣ, которая дошолъ не хотѣла его видѣть, пока онъ не объявилъ, что имѣетъ къ ней письмо отъ ея матери. Она распечатавъ читала; между тѣмъ любовникъ примѣчалъ всѣ ея движенія, и видя волненіе ея духа, и что она при чтеніи сего письма залилась слезами, не могъ удержатъ своихъ: наконецъ будучи чувствительно пронутъ симъ зрѣлищемъ, написалъ къ отцу письмо другаго содержанія: онъ просилъ его дочь себѣ въ супружество. Все заключено ко удовольствію однихъ и другихъ. Помѣщикъ сей по великодушію своему и дѣйствительному пособію учинилъ въ самой скорости то, что отецъ любовницы его нашелъ себя въ состояніи возстановить всѣ свои дѣла, бывшія до того въ великой расстройкѣ.

Добродѣтель всегда удивительна.

Бристольскій купецъ, человекъ честный, праводушный, и пріобрѣвшій довѣренность са-

мыхъ славнѣйшихъ купцовъ въ Европѣ, перепѣвъ весьма значную потерю на морѣ и принужденъ будучи объявить себя банкротомъ, дошелъ до столь великой бѣдности, что не имѣлъ другаго способа, какъ отпра- виться въ Лондонъ, дабы найти въ немъ ка- кую помощь. Онъ явился ко всѣмъ своимъ ста- рымъ корреспондентамъ, представилъ имъ все злощасіе своея жизни и просилъ, что бы они ему пособили, увѣряя ихъ, коимъ онъ былъ долженъ, что онъ не имѣетъ никакого дру- гаго желанія; какъ заплашишь имъ свой долгъ. Все будучи равномерно пронуты его состоя- ніемъ, обѣщались ему вспомошествовать.

Одинъ лишь неумолимый, кошорому онъ не болѣе тысячи рублей былъ долженъ, пре- зрѣвъ его въ сихъ обстоятельствахъ и по- садилъ въ темницу, положивъ пвердое намѣ- реніе держать его въ ней дошолъ, пока онъ не заплашишь ему должнаго.

Сынъ сего купца лѣтъ двадсяти двухъ, освѣдомясь о печальномъ состояніи своего отца приѣхалъ въ Лондонъ, повергнулся къ ногамъ своего немилосердаго и жестокосер- даго займодавца и ушопая въ слезахъ про- силъ его всемъ, что только могло быть чув- ствительно, что бы онъ ему возвратилъ отца; увѣряя его, что ежели онъ не пожелаетъ пре- пятствовать помощи, коея они надѣются для воспановленія своихъ дѣлъ, то ему перь- вому долгъ возвращенъ будетъ; если же по

несчастію судьба имъ возпропивишся, то просилъ онъ его усиленно да сжалился надъ его юностію, содѣлаешся чувствительнымъ къ несчастію матери обремененной осьмочисленнымъ семействомъ, спенящимъ въ крайней нищестѣ; на конецъ ежели ничто не въ состояніи его пронуть, то по крайней мѣрѣ позволилъ бы онъ ему занять мѣсто своего отца, котораго трудомъ своимъ въ состояніи его удовольствоваться. Сии послѣднія слова произнесъ онъ сжавъ споль нѣжно его ноги, что заимодавецъ сколь ни жестокосердъ и непреклоненъ былъ, вдругъ спалъ пораженъ зря поверженную добродѣтель и великодушіе у своихъ ногъ; онъ вырывается у молодого человека, обнимаетъ его и лія слезы говоритъ ему: „Сынъ мой, отецъ твой будешъ свободенъ. Ты меня мертвишь наводя спыдъ. „Пойдемъ, да заглажу навсегда воспоминаніе „шого, что я сдѣлалъ своему отцу. У меня „шолько одна дочь, она тебя достойна; я „шебъ отдаю ее со всемъ моимъ имѣніемъ. „Прими ее; поспѣшимъ дать свободу своему „отцу и испросишь его согласія. „

По окончаніи сего нѣжнаго явленія побѣжали они возобновить его въ глазахъ несчастнаго узника, которой чрезвычайно удивился находя сына своего въ Лондонѣ, слыша то что онъ сдѣлалъ, и видя его достигша до вышней степени щастія. Бракосочетаніе было определено, заимодавцы были удовлетворены отъ

шестя, и одни и другіе ушвердили дружбу, кошорая имѣешъ мало примѣровъ.

Х о р о ш і й с о в ѣ т ъ .

Одна молодая жена оставшиися послѣ своего мужа вдовою, не хотѣла выйши въ замужье не по своей волѣ собственннй, но такъ угодно было ея родителамъ. Отецъ и мать смотрѣли за нею весьма прилѣжно какъ за молодою и красавицею, и не позволяли ей никуда выходишь одной изъ дому. Красавицѣ таковая спрогоспѣ причиняла необыкновенную скуку и досаду, даже до того, что она рѣшилась сѣйши съ ума, и начала брѣдитъ какъ сумашедшая. Въ одну ночь нашла она способъ тайно уйши изъ дому и пошла на то мѣсто, гдѣ находилось много солдатъ. Сіи принявъ ее къ себѣ охотно, препроводили съ нею время до ушра, и она еще не пошла бы было опшуда, если бы родители ее не сыскали и не взяли домой. Спуспя нѣсколько дней, казалась она мало по малу выздоравливать. И какъ отецъ и мать выговаривали ей таковой странный и непристойный ея поступокъ, то она начала приходишь шуть въ крайнее изумленіе, яко бы о приключившемся съ нею ничего не помнила. По довольномъ послѣ того времени, какъ она казалась совершенно здоровою, и было то уже совсемъ позабыто, находясь иногда въ

собраніяхъ женщинъ замужнихъ, вдовъ или дѣвицъ, копорые когда однѣ жаловалися на свою всегдашнюю скуку, что ихъ мужа не въ состояніи были исправлять по надлежащему мужнюю должность, а другія что ихъ не имѣли, она обыкновенно говаривала: „при-
 „творяйтесь вы сумасшедшими. Притво-
 „ряйтесь только сумасшедшими, если вы
 „желаете имѣть отраду въ вашей скукѣ.

Замысловатый отвѣтъ.

Одинъ молодой Греческій дворянинъ, будучи рожденъ отъ отца благороднаго и весьма знашнаго, а матери просполудиной, больше оказывалъ почтенія матери, нежели отцу. А какъ нѣкопорые его спросили: по чему бы онъ меньше почипалъ отца, копорый впрочемъ гораздо доспойнѣе по всему? онъ отвѣчалъ: по долгу, кой меня обязываетъ больше почипать мою мать, ибо она искала того, что бы я родился отъ отца благороднаго; а отецъ мой не спарался о томъ, что бы мнѣ не имѣшь матери неблагородной.

ЛѢКАРСТВО ОТЪ СКУКИ И ЗАБОТЪ.

№. 42. Середа. Апрѣля 14 дня 1787 года.

Тридцать девятая загадка значить: *Воздухъ.*

40 Загадка.

Ищущій скрывать погрѣшности свои, меня не терпитъ. Изъ всѣхъ благъ я наилучшее, но мною рождается щастіе и нещастіе: первое доставляю добродѣтельнымъ, послѣднее всякому пресупнику. Лицу Монаршему я не ласкаю и нигдѣ, бывъ нага, не измѣняюсь. Повсюду меня призывають, но повсюду имѣю я и довольно враговъ. Нѣтъ человека столько безспыднаго, который бы не обожалъ меня, хотя внутренно и пренещетъ о моей извѣстности. Кто явно порицаетъ меня дерзнетъ, теряетъ честь и славу, и имъ гнушающіяся народы. Подозрѣніе я разрѣшаю; проницаю во внутренность шайнствъ, и утверждая съ одной стороны миръ, возжигаю съ другой войну.

К о н р а д ъ

Нѣмецкая повѣсть. (*)

Нѣмецкому языку учисься шрудно, и обыкновенно не многіе бывають въ ономъ совершенны, о чемъ тѣмъ больше сожалѣть должно, что мы теряемъ по въ своемъ удовольствіи, что Нѣмцы въ славу. Кто можетъ читать самыхъ лучшихъ ихъ писателей на первообычномъ языкѣ, будетъ восхищаться простотою выраженій, коими изображается нѣжное чувствованіе. Нѣмцы знаютъ природу, особливо деревенскую, лучше нежели мы. Они разсматривають ее съ величайшимъ удовольствіемъ, и изображаютъ ее самыми естественными и живѣйшими красками. Переводы словесныя Геснеровы превосходятъ гораздо всѣ Французскія Еклоги или пастушьи пѣсни. Терпѣніе, нѣжность и добродѣтель сообщаютъ сердцу свои пріятнѣйшія чувствованія, ибо глазъ привлекаемъ бываетъ неподражаемыми красотою смерти Авеловой, Дафны и Идиллій. Во всѣхъ его сочиненіяхъ единая добродѣтель, чистѣйшая и неискаженная нравственность, въ соединеніи со всѣми не испорченными чувствованіями человеческого сердца, составляетъ все земное блаженство. Если бы я былъ приходскимъ священникомъ

(*) The universal Magazine.

въ какой либо деревни, то бы я произвелъ Геснера въ церковные смотришели, и я знаю что тогда всѣ мои мужички были бы благоправны и добродушны, дѣвицы скромны и добродѣпельны, и всѣ мои слушатели были бы счастливы отъ моихъ проповѣдей.

Между тѣмъ вмѣсто проповѣди я стану рассказывать исторіи, и начну отъ одной, копорую я свѣдалъ отъ молодого швейцара, бывшаго долгое время у славнаго Геснера папшухомъ.

Въ одной деревнѣ Маркграфства Байретскаго въ Франконскомъ округѣ жилъ мужикъ, по имени Конрадъ. Самая лучшая земля въ той споронѣ была его, однакожъ она составляла весьма малую часть его благосостоянія. Три дѣвочки и при мальчика, которыхъ ему родила Терезія его жена, были уже въ замужствѣ и имѣли дѣтей. Терезія была 78, а ея мужъ 89 лѣтъ. Многочисленное ихъ семейство оказывало имъ любовь и почитеніе; величайшее онаго было удовольствіе содѣлать жизнь своихъ дражайшихъ родителейъ веселою и счастливою. Умѣренность и шруды предупредили дряхлость, обыкновенную соупницу позднихъ лѣтъ; и старость ихъ сопровождалась бодростію и исполнена живописи и утѣхъ. Будучи непрерывно счастливы, прославляли они существо Божіе за его благость, и просили его о изліянніи на дѣтей особеннаго своего благословенія. Въ одинъ

день занимаясь жатвою, въ вечеру покоились предъ своими ворошами, сидя на дерновыхъ скамейкакъ. Они терялись мыслями въ созерцаніи шихаго лѣшняго вечера, котораго городской житель никогда не вкушаетъ. „Вотъ видите, сказалъ старикъ, koliko прекрасное небо изпещренно звѣздами! Нѣкоторыя падаютъ съ шверди, и долгой огненной хвостъ кашился за ними въ слѣдъ. Луна, стоящая позади сихъ пальмовыхъ деревесъ, изливаетъ блѣдный зыблющійся свѣтъ, который всѣ вещища краситъ слабымъ и единообразнымъ цвѣтомъ. Нечувствительно ни малѣйшаго дыханія вѣтра; дерева кажутся, чпутъ покой крылатыхъ своихъ обитателей. Коноплянка и дроздъ спятъ положивъ головы между крылушки. Горлица съ другомъ своимъ покоится надъ своими ципленками, которыхъ единственный покровъ были токмо пѣрья ихъ матери. Ничто не мѣшаетъ тишинѣ сего зрѣлища, какъ только воющій крикъ, иногда гораздо прошивный нашимъ ушамъ; это крикъ совы, изображеніе нравовъ худыхъ людей. Они бодрствуютъ, когда другіе спятъ; они не пресманно жалуются и боятся небснаго свѣта. Любезныя дѣти, не совращайтесь никогда съ пути добродѣтели, и вы будете всегда счастливы. Ваша мать и я, мы наслаждались шестидесятъ лѣтъ благоденственнымъ покоемъ. Да не допустишь Богъ, что бы кто изъ васъ купилъ оный столь дорогою цѣною.“

Слезы появились на глазахъ старика. Луизка, одна изъ его внучекъ лѣтъ десяти прибѣжала и обвилась около его шеи. „Любезный дѣдушка, говорила она, вы знаете, какъ мы всѣ довольны, когда вы намъ рассказываете хорошенькую какую сказочку. Коль преимущественнѣе была бы наша радость, если бы вы рассказали намъ ваше собственное похождение; еще не поздно, и вечеръ прекрасный. Прочіе изъ его семейства присо-вокупили о томъ же самомъ свои прошенія, и сѣли въ полукружокъ около своего достойнаго прародишеля. Луизка сѣла у его ногъ, и всѣ машери взяли на руки шѣхъ дѣтей, которыя бы могли кричать, и шѣмъ отвлекать ихъ вниманіе. Всѣ они слушали съ нѣжнымъ любопытствомъ, какъ добродѣтельный старикъ поглаживая одною рукою голову Луизкину, а другую сидешая съ рукою Терезіи, началъ свою повѣсть слѣдующими словами:

„Уже довольно прошло времени, любезныя дѣти, какъ я былъ осьмнадцати, а Терезія шесцнадцать лѣтъ. Она была единая дочь весьма богатаго откупщика сей страны, по имени Аймора. Я былъ самый бѣднѣйшій мужикъ въ деревнѣ, что однакожъ я не прежде примѣтилъ, какъ влюбясь въ Терезію. Я старался всемѣрно побѣдить страсть, которая меня, какъ предусматривалъ, должна была сдѣлать несчастливымъ. Я зналъ, что убожество мое будетъ непреборимымъ для

моихъ желаній прешпешвѣемъ, и я долженъ былъ или опрещись навсегда отъ Терезіи, или вымыслишь что нибудь, чтобъ сдѣлаться богатымъ. Чтобъ быть богатымъ, я долженъ былъ оставишь деревню, въ которой она жила; но не взирая на всѣ мои усилія, не могъ я поступишь на отсушсшвѣе; и шакъ рѣшился бышь наемникомъ у ея отца.

„Я былъ принятъ, и вы можете себѣ предспавишь, коль неуспшно работалъ. Я скоро пріобрѣлъ себѣ дружество Аймора и любовь Терезіи. Вы дѣши сами знаете изъ собственнаго опыта, что значишь совокупишь бракомъ съ дражайшимъ предметомъ своихъ желаній; вы вкушали неизреченное удовольствѣе, которое каждый взглядъ, каждое обхожденіе, каждое дѣяніе ваиваетъ попеременно въ души любящихся. Наша взаимная одного къ другой спрасъ была пламенная и искренняя. Терезія занимала всѣ мои мысли, я для нее работалъ, для нее жилъ; навсегда бышь съ нею счасливымъ, было единственное души моея спремленіе, цѣль.

„Я заблуждалъ, и узналъ послѣ. Одинъ опкупщикъ сваталъ Терезію у ея отца. Айморъ освѣдомясь сколько десятиинъ земли имѣетъ женихъ, поздравилъ его своимъ зятемъ, и уже назначенъ былъ день для несчастной свадьбы. Лучъ надежды не блисталъ уже для насъ. Терезія принуждена была выходишь за мужъ за того, котораго она

предъ своими глазами терпѣть не могла. Мы нашли одно только средство уклониться отъ сего неизбежнаго зла: уйтить изъ дому отца, который для удовольствія бытъ самовластнымъ повелителемъ, забывалъ нѣжность ошеческія любви.,,

„Въ самую полночь оставили мы деревню. Я посадилъ Терезію на лошадку, кошую ей подарилъ ея дядя. Не грѣхъ, сказалъ я ей, взявъ лошадку, она не принадлежитъ отцу. Въ маленькомъ чемоданѣ находилось наше плащье и не много денегъ, кошорыя,

Не стану обременять читателя разска- зываніемъ цѣлыя сея испоріи, но просмотрѣвъ оную перескажу крашко содержаніе. —

Довольно, что Конрадъ увезъ свою лю- безную Терезію изъ Байретской деревни, и въ короткое время, то есть на разсвѣтѣ слѣ- дующаго утра были они уже на Богемскихъ границахъ. Тупъ по обыкновенію любовни- ковъ, сѣвъ на правѣ, вкусили пиши, доѣхали до Эгера, и шамо обвѣнчались. Они взяли съ собою шокмо двадцать червонныхъ, и оными прожили недѣлю, а что получили продавъ взяшую по двусмысленному праву лошадку, до- шало имъ на другую недѣлю. — —

Наконейъ сдѣлался Конрадъ драгуномъ, рейшаромъ, кирасиромъ, или гусаромъ; од- нимъ словомъ, коннымъ солдатомъ; и у Терезіи ручьями потекли слезы, когда онъ ей принесъ взяшій ошъ начальства задашокъ. Бѣдная

Терезія родила дочь, копорой сама не могла воздоишь, и шакъ надобно было ей держашь кормилицу. Но при всемъ томъ просиживала она цѣлый день у дитячей колыбели безупѣшна, когда между шѣмъ Конрадъ старался заслужить къ себѣ уваженіе и благопріятство своихъ офицеровъ.

Фридрихъ, юноша лѣтъ двадцати былъ Капитаномъ въ томъ полку, въ копоромъ служилъ Конрадъ. Онъ былъ сшашенъ, и оказывалъ свою благосклонность Конраду, а шущъ же вмѣстѣ и Терезіи. Но Конрадъ сего не примѣчалъ; онъ рассказывалъ своему господину Капитану приключеніе съ женою, а сей обѣщалъ писать къ его шестю, и его самого уволишь изъ службы, коль скоро онъ получитъ прощеніе. Конрадъ просилъ его сдѣлать сію милость, не помышляя о томъ ни мало, каковаго бы награжденія могъ Фридрихъ шребовашь отъ Терезіи, за свое ходатайство.

(Продолженіе впррьдъ.)

ЛѢКАРСТВО ОТЪ СКУКИ И ЗАБОТЪ.

№. 43. Середа. Апрѣля 21 дня 1787 года.

до загадка значитъ: *Истинна.*

41 Загадка.

Созданный на водахъ подобюсъ я огромному городу: если сочешъ обитателей ежегодно мною вмѣщаемыхъ, прострется сложность до нѣсколькихъ тысячъ. Кто первый получилъ право моего гражданства, тотъ и остается первымъ. Безъ различія вѣры и соспожня, каждый подвергается моему закону, и преступающій оное наказывается строго. Правитель меня ведущій, по правиламъ благоразумія, находится всегда внѣ окружающихъ меня стѣнъ.

Продолженіе повѣсти о Конрадѣ.

Терезія становилася со дня на день печальнѣе и удалялась отъ своего мужа. — — Чишательницы знаютъ уже, что сіе значитъ, а чишатели и Конрадъ не знаютъ еще ничего о томъ. — — Въ одинъ день Конрадъ

приходитъ съ караула и спѣшитъ къ спра-
ждающей своей любезной женѣ; онъ находитъ
шутъ — кого? — своего тещя Аймора. — —
Послушаемъ, каково сей Франконецъ изъ-
ясняется въ подлинникѣ, и что шутъ нашъ
молодецъ долженъ дѣлать?

„Наконецъ сыскалъ я тебя, безстыдный
„похищитель; отдай мнѣ мою дочь!“,

Огорченный Конрадъ повергается къ сто-
памъ его, и его слезы смягчаютъ старика.
Хотя онъ не можетъ оправдаться, одна-
кожъ:

„Дѣло сдѣлано, говоришь онъ, Терезія моя,
она моя жена. Жизнь моя въ вашихъ ру-
кахъ; накажите меня какъ вамъ угодно и
какими угодно наказаніями, но простите ва-
шему дитяшѣ, вашей единой дочери, не умер-
щивше ее, сея жертвы бѣдности!“,

Сїи изъ глубины сердца произнесенныя
слова, копорыя сдѣлали бы честь Француз-
ской трагедіи, пронули деревенскаго ста-
рика, и онъ приказалъ Конраду вести себя
въ тотъ домъ, гдѣ жила кормилица малень-
кія его дочери Гершруды.

„Подите сюда, подите, здѣсь есть еще
одно созданіе, къ копорому должно просне-
реться ваше сожалѣніе; и это ваше дитя!“,
говоришь солдатъ, и вынувъ дитя изъ ко-
лыбели, подаетъ его дѣдушкѣ. Тутъ ста-
рикъ успокоивается совершенно, забываетъ
прошедшее, и желаетъ видѣть свою дочь.

Конрадъ отводитъ его въ жилище Терезіи; которая (неизвѣстно для чего) къ нему не являлась... Еще повѣсти не конецъ горьшее варяшъ насъ... Конрадъ желая предувѣдомишь свою жену о прибытіи ея опца, дабы нечаяннымъ свиданіемъ не привестъ ее въ страхъ, входитъ тихонько въ домъ, и застаешъ путь ее борющуюся съ Фридрихомъ, который хотѣлъ удовольствовашъ съ нею гнусную свою страсть. Конрадъ извлекаешъ шпагу и его поражаетъ. Подымается шумъ и крикъ; въ тожъ самое время берушъ Конрада подъ караулъ и отводяшъ въ тюрьму. Онъ въ семъ ужасномъ состояніи провелъ два дни; на третій день отпираютъ дверь, ведушъ его на парадную площадь; прочишываютъ ему приговоръ, и палачъ былъ уже готовъ нанести ему роковой ударъ, какъ его руку удержалъ нечаянной крикъ. Фридрихъ почти не одѣшъ предсталъ на позорище. „Друзья! закричалъ онъ, я виноватъ; я одинъ заслуживаю смерть, простите невинному, онъ наказалъ меня, и имѣлъ къ тому право. Вы будете безчеловѣчны, подобны дикимъ, если лишите его жизни.“ Полковникъ того полку предствалъ Фридриху, что все его слова и прозбы тщетны, ибо по военнымъ законамъ долженъ шотъ умереть, кто дерзнулъ обнажишь шпагу прошиву своего офицера. „Я тогда уже не былъ его офицеръ, вскричалъ Фридрихъ; на канунъ того дня тайнымъ обра-

зомъ далъ я ему увольненіе отъ службы и онъ уже не состоитъ больше въ вашей власти.,, Конрада повели назадъ, Фридрихъ ходатайствовалъ за него прилѣжно, писалъ къ Министру, обвинялъ себя самаго, просилъ только о жизни Конрадовой, и сія ему дарована. — Айморъ взялъ дочь, зятя и внучку въ свою деревню, вскорѣ послѣ того умеръ и оставилъ имъ великое имѣніе въ наслѣдство.

Когда Конрадъ рассказывалъ сію жалостную повѣсть, всѣ дѣти сползли къ нему и когда говорилъ переспалъ, еще пребывали они въ молчаніи и слезы лились по ланитамъ ихъ. „Богъ да благословитъ васъ, сказалъ добродѣтельный старикъ! Небо наградило меня довольно вешою любовію.,, Послѣ того обнималъ онъ всѣхъ и цѣловалъ.

Луизка цѣловала его два раза и щасливое семейство легло спать не разбредясь.

О Нѣмецкомъ языкѣ.

Былъ ли когда таковой народъ, копорый бы при всѣхъ своихъ трудахъ, при всѣхъ стараніяхъ, произвешъ чтолибо въ дѣло, при превозходныхъ вымыслахъ и щасливомъ произведеніи оныхъ въ дѣйство, при чрезвычайно скорыхъ успѣхахъ, копорые его изъ состоянія грубости возвели къ просвѣщенію, при

чрезвычайно великомъ и дѣйствительномъ познаніи иностранныхъ художествъ, полицики и наукъ, при столь многихъ природныхъ и пріобрѣщенныхъ преимуществахъ столь долго въ неизвѣстности и пренебреженіи оставался, какъ Нѣмецкій? Мы предпринимаемъ путешествія къ другимъ народамъ, выписываемъ для себя произведенія ихъ рукъ и разума, удивляемся имъ, споримъ между собою о томъ, копорому бы изъ оныхъ дать преимущество; учимся на перерывъ ихъ языкамъ, переводимъ ихъ сочиненія въ то время, копорое мы ко исправленію и распространенію собственныхъ употребить могли. Отечество наше есть самое среднее въ Европѣ Государство; мы имѣемъ въ нашей державѣ Императора, а подчиненные Нѣмецкой Имперіи, суть Короли другихъ Государствъ. Ирои и Князья, ученые и художники рождаются у насъ въ великомъ множествѣ, растутъ и созрѣваютъ. Порохъ, печатаніе книгъ, воздушный насосъ суть наши изобрѣшенія, военная наука достигла въ Германіи своего совершенства; изгнаніе заблужденій и преобразование обрядовъ въры во первыхъ въ Германіи имѣло свои побѣдительныя трофеи, наши книгохранилища и сочинители сохранили и доставили потомству самыя древнѣйшія сокровища человеческого знанія. Нѣтъ ни одного Государя въ Европѣ, копорый бы съ нашими Княжескими либо Графскими домами не былъ въ сродствѣ,

либо не производилъ изъ оныхъ; нѣтъ никаковаго ученаго человека, которому бы не нужно было чинить нашу испорцію для лучшаго познанія своей; нѣтъ никаковаго народа, который бы не видѣлъ чрезвычайнаго искусства Нѣмецкихъ художниковъ, и не цѣнилъ онаго высоко. — Откуда же то происходитъ, что мы не довольно знамениты у чужихъ народовъ? Откуда происходитъ сіе смѣшное незнакомство, которое они къ намъ оказываютъ? Откуда происходитъ то, что они нашей учености или смѣются или рѣдко объ ней заботятся? — — За двадцать предъ симъ лѣтъ остроуму разума въ Нѣмцѣ считали Французы невозможнымъ дѣломъ, а Англичане на насъ и не смотрѣли. Всѣ предупреждены были противу насъ Нѣмцовъ; и единственно отдавали намъ ту справедливосшь, что мы честные и крѣпкіе люди, о которыхъ природной веселости подлиннымъ изображеніемъ были придворные дураки Саксонскихъ Курфирстовъ; что мы о малоспяхъ никогда между собою не спорили, всегда соглашались, и важный вопросъ: Скарамуцъ ли или Скапинъ лучше шанцуешь? дружелюбно съ рюмкою ренскаго вина разрѣшали. Французскій стихотворецъ Доратъ, который, говоря, любилъ насъ за сіи мирные наши нравы, предлагалъ своимъ ученымъ соотечественникамъ что бы и они жили согласно по примѣру ихъ Нѣмецкихъ собратій, Виланда и Клопштока,

Уца и Душа, Лессинга и Клопца, и необходимо бы друга предъ одноземцами, ибо такимъ образомъ можно достигнуть высокой цѣли свободныхъ наукъ поелику не довольно токмо учить въ своихъ сочиненіяхъ, но и поступками своими утверждать предложенія. Неупомяная о прочихъ, довольно ясно, что и сей честный человекъ въ начертаніи нашея ученая жизни и мирного обращенія, не малую сдѣлалъ намъ обиду и говорилъ о Утовійцахъ, думая хвалить Нѣмцовъ, и возбудилъ ихъ къ подражанію онымъ.

Англинскій сочинитель писавшій исторію Конрада, предъ симъ сообщенную, имѣетъ видно не меньше смѣшныя понятія о особливомъ природы народѣ, между копорымъ его Конрадъ возвращенъ; и кажется не несправедливо, что бы и мы ему возблагодарили равнымъ такъ какъ онъ поступилъ съ нашимъ единокземцемъ Геснеромъ. Да сей и самъ поблагодарилъ бы ему за оказанную честь, бытъ церковнымъ смотрителемъ въ его деревнѣ, поелику онъ совсемъ не мыслилъ, что бы его Палемона и Клариса могли исправить сердце и нравы деревенскихъ мужиковъ и дѣвицъ. Между тѣмъ изъ той же исторіи познаемъ мы отъ чего происходитъ, что предразсудительное попомство Англосаксонцевъ представляетъ себѣ оставленное свое опечесство, обихалищемъ Номадовъ а жителей его Арапами и Скиѣами. Нѣмецкій языкъ

шруденъ, вошъ причина для чего они не старающа свестъ ближшаго съ нами знакомства, и лучше соглашающа по разказамъ бѣглаго Швейцарскаго паспуха, сплести сказки и почитая ихъ до чрезвычайности продавашь за истинну своимъ единосемцамъ.

Сей же самый языкъ, который столько имъ отвращенъ есть, чего никакой знающій человекъ оспаривать не можетъ, второй первобытный языкъ въ Европѣ по Греческомъ. Частію изъ отброшенныхъ имъ самимъ, частію изъ находящихся въ Архивахъ Этимологическихъ онаго сокровищъ, частію также отъ постороннихъ нѣкоторымъ образомъ въ ономъ употребительныхъ словъ произошли множайшіе языки, а особливо Англинскій.

Что же говоришь намъ о Россійскомъ: *мы Россіане* не хотимъ ни читать, ни писать на Россійскомъ языкѣ: Скажите

ЛѢКАРСТВО ОТЪ СКУКИ И ЗАБОТЪ.

№ 44. Середа. Апрѣля 28 дня 1787 года.

41 загадка значить: *Корабль.*

42 Загадка.

Жгу, шерзаю: и сильнѣйшаго пламени жесточаѣ. Чувствующій меня, лишается свободы; не бывъ связанъ, онъ въ оковахъ; не бывъ влекомъ, слѣдуетъ за шѣнью. Когда одерживаетъ кто побѣду, воздвигаетъ мнѣ храмы, славословитъ дни блаженства: но неудачные клянутъ жизнь свою и умираютъ. Отъ меня рождается щастіе и нещастіе. Я мать роду человѣческому, живущая дондеже существуетъ свѣтъ.

Пѣсенка

моей любезнѣйшей.

Лети къ моей любезной
Ты пѣсенка моя,
Представь ей рокъ мой слезной,
Скажи, какъ спрасшенъ я,

Часть II.

Р

Поди въ прелестны руки,
Предстань ея очамъ,
Скажи сердечны муки
Небеснымъ красотамъ.

Скажи, что лучшей доли
Не стану я желать,
Какъ сладкой лишь неволи:
Ея законъ внимашь.

Когдабъ всѣ свѣта троны
Въ мою давали власть,
Не презрѣлъ бы Короны
Чтобъ въ ней предъ нею пасшь.

Сказалъ бы: вотъ вселенна,
Коль хочешь обладать,
И вотъ душа плѣненна,
Твой долгъ повелѣвать.

Напоминай всечасно,
Что жизнь безъ ней мнѣ адъ,
И все, что есть прекрасно,
Ея одинъ лишь взглядъ.

Тверди мое спенанье,
На жалость призывай,
И вырвавъ состраданье,
Ко мнѣ ее склоняй.

Скажи, что облегченье
Я въ томъ единомъ зрю,

Когда въ слезахъ, мученьѣ
Тебя сто разъ пою.

Завидую судьбинѣ
Я, пѣсенка, швосей,
Какъ счастлива ты нынѣ
Въ рукахъ драгой моей!

Небесны осязашь
Ты прелести ея,
Не стонешь, не вздыхашь,
Не рвешься такъ какъ я. —

Ахъ, еслибъ хошь минушу
Я въ равной долѣ былъ!
Иль грусть прервалъ бы люшу,
Иль грудь мою пронзилъ.

Скажи, что ожидаю
Отвѣта отъ нее,
Надѣюсь, унываю,
Смершь, счастье въ ней мое.

Къ Лизенькѣ.

Ты, о Лизенька причиной,
Что шеперь несчастенъ я;
Сжался надъ моей судьбиной,
Жизнь въ рукахъ твоихъ моя.

Съ жизнью я своей распанусь,
 Коль не любишь ты меня;
 Еслижъ любишь, жить останусь
 Для единой лишь тебя.

Еслибъ тронъ мнѣ предлагался,
 Чшобъ тебя мнѣ не любишь,
 Ябъ отъ трона отказался,
 Чшобъ тобой любиму бышь.

Я богатства не желаю,
 Если нѣшь, тебя со мной,
 Все блаженство полагаю
 Только лишь въ тебѣ одной.

Ал . . . Кн

В ъ р н ы й д р у г ъ .

Утингъ между прочими хорошими дарованіями имѣлъ и рѣдкое свойство истиннаго друга, въ чемъ онъ во время своей жизни показалъ довольно опытовъ, изъ которыхъ объявлю объ одномъ. Нѣкто *Локій*, съ которымъ онъ свелъ тѣсную дружбу, путешествуя заболѣлъ, и принужденъ былъ остановиться въ гораздо отдаленномъ отъ его дому мѣстѣ. *Утингъ* узнавъ о семъ тотчасъ отправился къ нему. По прибытіи туда нашелъ онъ, что всѣ люди *Локіевы* лишились жизни отъ заразительнаго кроваваго поноса, и самъ *Локій* былъ одержимъ тою же болѣзнію.

Утингъ презрѣвъ опасности служилъ своему другу такъ какъ бы былъ его слуга, варилъ для него похлебки, переспиалъ постелю, носилъ его на своихъ рукахъ, однимъ словомъ, исполнялъ всѣ должности, вставая иногда разъ десять и двенадцать въ ночи, но при всемъ томъ не показалъ ни малѣйшаго знака нещѣрпѣливости или усшалоности. *Локій* по выздоровленіи своемъ обыкновенно говаривалъ: „до сорока лѣтъ я долженъ былъ жизнію моимъ родителямъ, а осташкомъ дней обязанъ я моему другу *Утингу*.„

Важная наука.

Когда нѣкто спросилъ у Аншисѣена Философа Греческаго, какую пользу онъ получилъ изъ своей филозофіи? „ту пользу, опвѣчалъ онъ, что я могу разговаривать самъ съ собою, и дѣлать охотно то, что другіе дѣлаютъ съ принужденія.

Елиграмма.

Ты часто говоришь, но то не вѣроятно,
 Что счастье глупцамъ не есть благопріятно.
 Противное тому въ тебѣ я нахожу,
 И правду я сію тобою докажу.

А н е к д а т ы .

I.

Нѣкто изъ находившихся въ партерѣ при случаѣ оперы имѣя другаго человека передъ собою, коего долгіе волосы и неутомонность весьма его безпокоили, просилъ его многократно, что бы онъ поменѣе шевелился; но не могши ничего получитьъ, схватилъ волосы, кои не иное что были какъ парикъ, и бросилъ ихъ на средину партера. Шутникъ оный оборотясь скоропоспѣшно сказалъ ему грознымъ видомъ: *за шесть мѣсяцовъ конечно бы ты сего не сдѣлалъ.* — А для чего ешо? *для того, опвѣчалъ онъ пишайшимъ уже голосомъ, что тогда я не носилъ еще парика.*

II.

Одна знашная дѣвица гордящаяся своимъ происхожденіемъ, упоминая о своемъ оцѣ говаривала обыкновенно: *бапюшка мой Маркизъ де П***.* Нѣкто сказалъ ей весьма замысловапо: *а другаго какъ вы называете?*

III.

Когда Лавреншій Цельсъ избранъ былъ Дожемъ Венеціанскимъ: (16 Юля 1361 года) то отецъ его почитая себя выше его, не взиравъ на его чинъ, и не хотѣлъ передъ нимъ скидывать шляпы; а съ другой стороны не могучи сего сдѣлать безъ нарушенія шого,

чемъ онъ обязанъ былъ Начальнику Респу-
блики, положилъ намѣреніе ходить всегда съ
открытою головою. Сія коловрашность спа-
рика въ прочемъ достопочшеннаго, а при томъ
и отца, заставила сына вздумать утвердить
крестъ на переди княжеской короны. Тогда
старикъ неусомнился опять надѣвать шляпу,
и скидывать ее тогда, когда видѣлъ своего
сына, говоря, что онъ кресту, а не сыну
своему кланялся.

Е л и г р а м м а.

Знаніе одного Барона.

Я въ заблужденіи своемъ давно считалъ,
Что будто бы Баронъ сей ничего не зналъ.
Но наконецъ его открылося искусство:
Нашелъ я, что Баронъ свисшилъ весьма не
гнусно.

Волтерова подпись къ портрету Г. Лейбница.

Извѣстенъ по дѣламъ былъ свѣту онъ всему,
Германіи привлекъ почтеніе къ нему.
Полезные Царямъ совѣты подавая,
Философовъ своимъ ученьемъ просвѣщая,
Хотя премудроспью онъ всѣхъ ихъ превзошелъ;
Сомнишься о вещахъ однакожъ онъ умѣлъ.

Рѣдкія произшествія.

Одинъ молодой Прокуроръ, кошорой щился показывать себя остроумнымъ, спросилъ однажды у докшора Свифша въ бесѣдѣ съ симъ видомъ самоудовольствія, кошорой всегда почти изъясляетъ скудоуміе: государь мой, еслибъ духовенство и діаволь завели между собою тяжбу, то, какъ вы думаете, кто бы изъ нихъ выигралъ тяжебное дѣло? — Безъ сомнѣнія выигралъ бы діаволь, опвѣчалъ холоднымъ образомъ докшоръ: зашѣмъ что онъ привлекъ на свою сторону всѣхъ людей приказныхъ.

Нѣкошорой разбойникъ, по имени Іоанъ Жогсонъ, осужденъ былъ на смерть на засѣданіяхъ Кингстонскихъ. Съискались нѣкія особы, кои испрашивали ему прощеніе у Короля, кошорой и пожаловалъ оное, только съ шѣмъ, что бы Жогсонъ служилъ въ войскахъ. Ему пришли объявить, что ему даруется жизнь, если онъ похочетъ служить солдатомъ. *Я ее не хочу*, сказалъ онъ; *я не могу согласиться на потеряніе свободы, какъ только развѣ чрезъ смерть.* Послѣ чего онъ повѣшенъ.

ЛѢКАРСТВО ОТЪ СКУКИ И ЗАБОТЪ.

№ 45. Середа. Маія 5 дня 1787 года.

42 загадка значить: *Любовь.*

43 Загадка.

Устѣ не имѣя говорю: гласѣ мой слушающѣ въ опдаленности и многіе оному повинуются. Иногда размѣряю и теченіе времени: иногда созываю людей на работу. Гласѣ мой повинуется движенію воздуха, и куда оно спремится, онѣ слѣдуютъ.

О истиннѣ.

Истиннѣ надлежало бы для всѣхъ людей быти неподвижною звѣздою, могущею освѣщать ихъ; но она, вмѣсто того, не иное что естѣ, какъ комета, которая по скрывается, по опять являеши: и какъ кометы наводили нѣкогда страхъ, такъ и истинна устрашаетъ насъ и приводитъ въ смященіе. Всѣ мы рождены для истинны, но не можемъ ее сносить. Прообразованія, прищичи и гаданія бывающѣ всегда необходимо нужными

украшеніями для отккрышїя ея; мы принимаема ея, хощимъ, чшобъ она была прикрыша, или отъ того, что боимся, чшобъ она не обнаружила вдругъ нашихъ недосшатковъ, копорые желательнo было бы соккрышь, или чшобъ не стала обличать насъ, ни мало не обинуясь. Сколь странно бѣдственное состояніе того чловѣка, копорый не дерзаетъ взирать прямо на то, чего онъ не можетъ не любить.

Въ самомъ дѣлѣ мы не можемъ удалиться отъ истинны, отъ копорой, кажешся, убѣгаемъ. Испорїя тогда только нравїшся намъ, когда она справедлива. И какъ впечатлѣніе истинны не можетъ исчезнуть въ нашемъ хошя и совсемъ испорченномъ сердцѣ; то рано или поздно мы стараемся обратиться къ сей истиннѣ. Философъ учится только для нея; въ какой бы то ни было философской чашпи, въ естественной ли, или нравоучительной, всѣ изобрѣшаемыя системы имѣютъ предметомъ отккрышїе истинны. Но кто можетъ хвалїться познанїемъ ея? Да и что такое есть оная истинна? Откуда изходитъ гласъ ея? Гдѣ можемъ мы его слышать? Бышїе ея есть бышїе самаго Бога: гласъ ея внутрь насъ самихъ, и коль скоро мы войдемъ въ насъ самихъ, то услышимъ оный. Чловѣкъ всегда отъ самаго себя удаленный не старается внимать истиннѣ. Онъ ищетъ ея въ своихъ только спрастяхъ и въ

заблужденіи своихъ чувствъ. Мы всѣ спремимся ко лжи какимъ нибудь путемъ; и какъ въ нашихъ дѣянїяхъ, такъ и словахъ всегда почти искаживаемъ истинну. Ораторы выдумали наименованіе Иперболы, а философы наименованіе Системы съ тѣмъ, чшобъ можно было безъ укоризны выдавать спранныя и ложныя свои мнѣнїя; но сіе не извиняетъ ихъ предъ очами мудраго; и какъ тѣ, такъ и другїе должны по послѣдней мѣрѣ почитаемы бытъ холодными любителями истинны. Не можно вообразить до какой степени остроумны люди въ прикрытіи своихъ слабостей: они производятъ ихъ подъ видомъ добродѣтели и нѣкоторыми переименованїями и мягкими реченїями споль хитро умѣютъ прикрытъ ложь и пороки, что истинна нечувствительна получаетъ у нихъ совсемъ другой видъ.

И такъ сія истинна не естъ ли нѣчто химерическое? да и власны ли мы исказитъ ее такъ, какъ намъ за благо разсудится? одни называющъ ее предразсужденїемъ, а другїе упорствомъ. Человѣкъ осмѣливающійся защищать ее, часто почитаемъ бываетъ пусто-святомъ и врагомъ рода человѣческаго. Я знаю таковыхъ писателекъ, кои порицали Энпузіасмомъ ревностныхъ защитителей истинны, не разумѣя, что усшавы ея священны, и что не позволено намъ отъ нее удаляться. Если всякой человѣкъ долженъ сражаться за

испину, если мы обязаны принимать ее, сохраняешь такъ какъ драгоценный залогъ, и даешь вѣрный за нее отчетъ самому Богу, то не станемъ удивляться тому, что довольно есть неуспрашиваемыхъ Ироевъ, писавшихъ прошивъ заблужденій. Выгода производящая отъ испинны не есть выгода частная, копорой, для сохраненія спокойствія своего, можно иногда охотно лишиться; но мы должны имѣть къ ней столь твердую привязанность, чтобъ въ случаѣ защищенія ея, ни угрозы, ни гоненія отвратишь насъ отъ нее не могли. Часто въ сей жизни нѣкоторые почиаемы бывають изшупленными, но по смерти Ироями.

Не изъ ревности ли къ истиннѣ славный Жердиль опровергъ Локка? не имѣлъ ли онъ права доказать Локку, что онъ силясь доказать Всемогущество Божіе, опровергалъ его премудрость, и что столько же не возможно веществу мыслишь, сколько Богу сдѣлаться способнымъ ко лжи? Не справедливо ли было бы и въ нынѣшнія времена опровергнуть нѣкоторыхъ писателей, выпускающихъ въ свѣтъ недѣпыя свои мнѣнія? Скажутъ, можетъ мнѣ что къ сему требуется особенное дарованіе; да, особенная любовь къ истиннѣ, копорая требуетъ, что бы сумозбродствѣ не допускашь до причиненія вреда обществу. Мы не только однакожь несодрогаемся, видя бѣдствія причиняемая писателемъ, копорый на-

глымъ образомъ сообщаетъ свѣту софисмы и спранныя мнѣнія, вредныя какъ разуму такъ и сердцу; но еще вооружаемся противъ того великодушнаго обличителя, который всю опасность отъ нихъ производящую обнаруживаетъ.

И такъ надобно признаться, что истинна между нами есть одно только мечшаніе. Мы такъ ее обезобразили, что не можно уже узнать ее. Дѣйствующія безпрещанно вмѣсто души чувства, а вмѣсто законовъ предразсужденія уничтожили неизмѣняемый законъ нашего разума. Никогда не можно было приспойнѣе сказать, какъ нынѣ: *умалишася истинны отъ сыновъ чловѣческихъ*; онѣ искажены ихъ поведеніемъ, которое наполнено однимъ только пронырствомъ и лукавствомъ; ихъ языкомъ проповѣдующимъ обманъ, сочиненіями научающими пустымъ мечшамъ и самою ихъ религіею, которая не иное что представляетъ какъ безобразный нѣкій испуканъ.

Какъ же въ такомъ случаѣ поступаетъ чловѣкъ ищущій въ самомъ себѣ блаженства? Онъ низходитъ во глубину своего сердца для снисканія истиннѣ, которыя уже намъ спали неизвѣстны: вопрошаетъ ихъ, и удаленъ будучи отъ шума и отъ блеска мірскаго, слышитъ онъ отвѣтъ: содрогаются, представляя себѣ заблужденія распроспранившіяся отъ одного конца свѣта до другаго и почи-

шаемыя такъ какъ слово Божіе: познаешъ что модныя испинны нынѣшняго вѣка не иное что суть, какъ ложныя и дѣтскія бредни, и что нѣтъ искренняго человека, кромѣ того, который живешъ непорочно; а посему и сожалѣешъ онъ о проспотѣ нашихъ предковъ, кои не зная ни полишки, ни припворства дѣлали безъ боязни и говорили откровенно. Сіи времена кажутся намъ баснословными по тому только, что испорченное наше сердце не позволяешъ намъ почишашъ ихъ справедливыми: однакожъ онъ были да и впредь будущъ, естли только постараемся укротить наши спраси и заняться сами собою; сіе одно только есть средство обратиться къ испиннѣ, а наипаче если мы истребимъ всѣ словопрѣнїя. Не лъзя вообразить сколько они препятствуюшъ испиннѣ, хопя и кажется намъ что предметъ ихъ есть снисканіе и познаніе ея. Каждый въ словопрѣнїи прошивуполагаетъ самолюбїе доводамъ ему предспавляемымъ; и въ самое то время когда бы надлежало ему выслушашъ своего прошивника, ничемъ не занимается, какъ снисканїемъ въ самомъ себѣ такихъ отвѣтовъ, которыми бы можно было выиграть побѣду.

Епиграммы.

1.

Человѣку, который много обѣщаетъ, но ничего
не даетъ.

Ты много мнѣ сулишь и много обѣщаешь,
И только суешной надеждой лишь питаешь.
Если же помедлишь еще благошворить,
Уволишь шѣмъ меня тебѣ благодарить.

2.

Олень, какъ скажутъ о немъ натуралисты,
Перемѣняетъ въ годъ рога одинъ лишь разъ;
Но мужъ любезныя и дорогой Калисты
Перемѣняетъ ихъ почти чрезъ всякой часъ.

Мадригалъ.

Безлокыйный любовникъ.

Любовью чистую старая повсечасно
Я Силвіи драгой ищу вездѣ напрасно.
Въ жестокомъ безъ нея мученьи дни веду
И тщетно лишь конца благополучна жду.
Она соперникомъ конечно похищенна,
И спала можетъ быть совсемъ нынѣ имъ
плѣненна.
Ахъ! ты предметъ драгой, предметъ любви
всей.
Почто ты бѣгаешь отъ вѣрности моей.

Вздыхаю по тебѣ, но ты презираешъ.
 И ядовитыми стрѣлами грудь пронзаешъ.
 О боги! давши красу чрезмѣрну ей,
 Почто вы не дали и нѣжна сердца съ ней.

Е л и г р а м м а.

Скупому.

Въ поварню я твою вчерашній день зашелъ,
 И все по истиннѣ я чисто въ ней нашелъ;
 Но чистота сія одна лишь скупость есть.
 И чисто для того, кто скупость ставитъ
 въ честь.

ЛѢКАРСТВО ОТЪ СКУКИ И ЗАБОТЪ.

№ 46. Середа. Маія 12 дня 1787 года.

43 загадка значить: *Колоколь.*

44 Загадка.

Рукѣ не имѣя, что мнѣ ввѣрено, держу крѣпко. Храню тайны, ежели онѣя мнѣ ввѣренны. Никому кромѣ хозяина не повинуюсь. Кто отважится употребить насильство, долженъ разрушить мое устройство и почитается тяжкимъ преступникомъ.

*Судь Россійскихъ писменъ передъ разумомъ и обычаемъ отъ грамматики представленныхъ.**

Обычай. Что за шумъ? Спорожъ, не пускай никого лишнихъ: вишь здѣсь не мостовая. Кто тамъ?

* Сей опривокъ найденъ между бумагами покойнаго *Михайла Васильевича Ломоносова*; такъ какъ онъ еще неоконченный.

Сторожъ. Та, сударь, боярыня пришла, кошорая завсегда вѣ аломѣ плашьѣ съ черными волосами ходишь, и одно слово говоришь десяшью.

Разумъ. Никакъ госпожа грамматика?

Обычай. Куда какая досада! она право весь день проговоришь; да и того на одно правописаніе недостанетъ.

Разумъ. На одно правописаніе? нѣтъ, сударь, она имѣетъ такое особливое искусство, что обѣ одной запяшой можетъ написать великую книгу.

Обычай. Чшо жѣ сударь? Коли такъ, то намъ съ нею и вѣ пять лѣтъ не справишься будешь. Когда же мнѣ другія важныя дѣла исправлять и о томъ спараться, что бы все то, что отъ меня зависить, удержишь и утвердишь вѣ прежнемъ своемъ добромъ состояніи? Непостоянная госпожа мода и ночи не спишь, спараясь все то развратишь или вовсе отмѣнишь, что я уже давно за благо принялъ.

Разумъ. Напрасно для того излишно себя безпокоишь: что худо, то долго устоять не можетъ; и старое скоро назадъ возвращишь, ежели оно новаго лучше.

Сторожъ. Посшой сударыня: судьямъ не время.

Грамматика. Дѣло естъ нужное.

Разумъ. Пусси ее.

Грамматика. - Почтенные, почтеннѣйшіе и препочтеннѣйшіе господа! я вамъ доносила, доношу и буду доносить, что письмена письменами гнушающся, письменамъ отъ письменъ нѣшъ покою, письмена о письменахъ съ письменами вражду имѣютъ, и спорятъ прошивъ письменъ.

Разумъ. Мы знаемъ, сударыня, давно твои спряженія и склоненія.

Обычай. Пожалуй говори какъ водится.

Грамматика. Я должна вамъ представить Россійскія письмена, копорыя давно имѣютъ между собою великія распри о полученіи разныхъ важныхъ мѣстъ и достоинствъ. Каждая представляетъ свое преимущество: иныя хвалятся своимъ пригожимъ видомъ, нѣкоторыя пріятнымъ голосомъ, иныя своими папронами; а почти всѣ спаринною своею фамилією. Сего междуособнаго ихъ несогласія безъ вашего разсмотрѣнія прекрашитъ не возможно.

Разумъ. Изволь ихъ предъ насъ поставишь.

Грамматика. Въ какомъ образѣ видѣшь ихъ изволише?

Обычай. Какъ, въ какомъ образѣ?

Грамматика. Ежели вамъ угодно перекликашь ихъ на улицѣ, то спанутъ онѣ для нынѣшней стужи въ широкихъ шубахъ, какія они носятъ въ церьковныхъ книгахъ; а ежели въ горницѣ пересмапривать изволише,

предстанутъ въ лѣшнемъ плашѣ, какое онѣ надеваютъ въ гражданской печати. Буди же за благо разсудите, что бы онѣ пришли къ окнамъ на ходуляхъ, являясь какъ ихъ въ старинныхъ книгахъ подъ заставками писали, или какъ и нынѣ въ Вязьмѣ на пряникахъ печатаютъ. А когда по ихъ чешолобію въ нарядѣ прити позволите, тогда надѣнетъ на себя мужескій полъ Испанскіе парики съ узлами, какъ онѣ стоятъ у псалмовъ въ началѣ, а женскій полъ сурикомъ нарумянится. Буди же хошите, чтобъ онѣ явились, какъ челобитчики въ плачевномъ видѣ, то упадутъ передъ вами расстрепавъ волосы, какъ пьяные ихъ подъячія въ челобитныхъ пишутъ; наконецъ если видѣтъ желаете какъ они недавно между собою подрались, то вступятъ къ вамъ сцепившись, какъ судьи однимъ почеркомъ крѣпятъ приказы.

Обычай. Покниъ пожалуй всѣ излишнія зашѣи.

Разумъ. Прочитай сперва роспись.

Н. В. Последующее выписано изъ шепради заключающей въ себѣ пригошовленіе къ продолженію сей піесы.

Первой А, хвалился перьвенствомъ въ алфавитѣ; Аполлонъ покровитель наукъ начинается съ А. жалуется на О, что онѣ былъ у Евреевъ только почкою и ставился при другихъ литервахъ въ низу; когда же Греки по разсужденію слоихъ республикъ малыхъ

съ великими сверстками: то и его съ нами сравнили. О, говоритъ, я значу вѣчность, солнцу подобенъ, меня пишушъ Астрономы и Химики, мною означаются воскресные дни, мною великолъпенъ языкъ Славенскій и Великая и Малая Россія меня употребляетъ.

Онъ говоритъ къ *Азу*: ты такъ презрѣнъ, что почти никакихъ Россійскихъ словъ не начинаешь.

Говоритъ *Азъ*: не щипая моей древней фамилии, кошорая изъ богатаго Тира производитъ, должно бы мнѣ дѣлать отъ другихъ опмѣну и для того, что я спую во первыхъ у Аполлона, главнаго правителя на Парнасѣ, и начинаю первое лице; однако не взирая на то, чиняшъ мнѣ великія изневаги, а особливо О, кошорый рангомъ, лицомъ и голосомъ со мною сравняшся не можешъ.

Произношеніе и правописаніе также между собою споряшъ.

Грамматика. Позволь произвестъ ихъ родъ: всякая буква сказываетъ о своей породѣ.

Грамматика говоритъ обычаю: новизну любишь же и ты, такъ что шупоносые башмаки принимаешь потчасъ вмѣсто остроносыхъ, и большіе общлага вмѣсто малыхъ; и ты иногда дѣлаешь на перекося, какъ посадскія жены босы идучи, въ рукахъ башмаки

носятъ, а щеголи и въ дождикъ шляпу подъ пазухой держашъ.

Б. говоришъ, что вшорая персона въ сшашъ.

Грамматика. Штрафъ будетъ, по первенство надлежитъ гласнымъ.

Ъ. Нѣмой мѣсто занялъ. Подобіе какъ пяшое колесо.

Ъ. говоришъ, что Е. выгоняетъ меня изъ мѣста, владѣнія и наслѣдія, однако я не уступлю. Е. недоволенъ своимъ селеніемъ и веселіемъ, меня гонитъ изъ ушѣшенія. Е. пускай будетъ довольствовашься женою, а до дѣвиць дѣла нѣшъ.

Шумъ между литерерами. Согласно не смѣютъ говоритъ безъ позволенія гласныхъ.

Ф. жалуется, что Ф. оплучаетъ его опъ философовъ и опъ Фились; пускай она остається съ своимъ Фокой, Фадѣемъ и Фирсомъ.

Ф. говоришъ, что я имѣю первенство передъ Ф. у Теофана и у Теофилакша, и для того въ азбукъ бытъ послѣ его не вмѣстно.

Г. я сшою въ началъ граммашики, служу вмѣсто н.

К. меня нѣшъ нещасливѣе, выгнанъ и шолько оставленъ въ Греческихъ календахъ; вмѣсто меня уже прибавляется Г. гѣ дому, гѣ Богу.

Н. жалуется на И, что оно наряжается часто въ его плашье.

С и З. споряшъ между собою въ предлогахъ.

Обманщикъ обманутый.

Одинъ паспухъ въ Англіи, коему была повѣрена сума наполненная деньгами для перенесенія съ одного мѣста на другое, остановленъ на дорогѣ воромъ, намѣревавшимъ его отъ оной облегчить. Паспухъ вору представлялъ, что деньги сіи не ему принадлежатъ, и что не повѣрятъ ему по однимъ его словамъ, ежели онъ только скажетъ: что деньги уворованы у его; и что онъ вздумалъ средство, по которому ему повѣрятъ удобнѣе. Въ слѣдствіе чего паспухъ просилъ вора, что бы онъ выпалилъ изъ пистолета на его плашье, дабы чрезъ то лучше обмануть. По выстрѣлѣ вторичномъ, паспухъ просилъ вора, чтобъ онъ большій на плашьѣ сдѣлалъ знакъ выстрѣливъ еще разъ. Но какъ скоро воръ отвѣчалъ, что у него нѣтъ болѣе пороху, *такъ не достанутся же тебѣ и мои деньги*, сказалъ ему паспухъ; и потомъ вооружась своимъ посохомъ отвѣсилъ ему столь сильные удары, что воръ повергся на землю, а паспухъ употребя въ пользу его замѣшательство убѣжалъ и спасъ свои деньги.

Добрая слава лучше золотаго кушака.

Во время царствованія Св. Лудовика богатыя женщины носили золошые кушаки, а другія

шолько позолоченные, женщинамъ же худаго поведенія было запрещено указомъ оныя носить. Но по смерти сего Государя всѣ начали носить безъ избѣжѣнія и честныя и безчестныя, ни мало не взирая на повелѣніе запрещенія, поелику онаго никто не поддерживалъ. Сіе то было причиною, что честныя женщины не спали носить кушаковъ, сказывая: *что добрая слава лучше золотого кушака.*

Честь достойная зависти.

Аѳиняне имѣли столь высокое мнѣніе о честности Ксенократовой, что въ одинъ день, когда онъ пришелъ предъ судьей для засвидѣтельствванія о чемъ то и приближался ко олшарю для учиненія клятвы по обыкновенію той земли „что все то, что онъ ни сказалъ, есть истинно“, судьи вспали и не хотѣли допустить его, что бы онъ клялся, сказывая: что клятва его бесполезна, и что они ему вѣрятъ по однимъ его словамъ.

ЛѢКАРСТВО ОТЪ СКУКИ И ЗАБОТЪ.

№ 47. Середа. Маія 19 дня 1787 года.

44 загадка, значить: *Замѣкъ.*

45 Загадка.

У всѣхъ я въ рукахъ, преисполненъ пророчесствъ, которыя никогда или весьма рѣдко сбываются; но всѣ мои гаданія почти каждый день пересматривають. Не заключая въ себѣ предсказаній былъ бы я тотъ же, что и нынѣ есмь, но безъ сей прикрасы потерялъ бы я свою цѣну. Суевѣріе требуетъ того.

Е к л о г а.

Полевое постоянство.

Драгой мой Тирсія возьми свою свирѣль,
И станемъ ударять съ шобой на травкѣ шрѣль.

Ахъ сколь довольна я на сихъ холмахъ
внесенныхъ,

Изъ коихъ вижу всѣ цвѣтущи берега.

Погонимъ Тирсія спада на шѣ луга,

Часть II.

У

И будемъ ихъ пасши до самыхъ дней
осенныхъ.

Драгой мой Тирсія возьми свою свирѣль
И станемъ ударять съ тобой на правкѣ прѣль.

Любиши пасшуха какое удовольствіе!

Когда онъ искрененъ и вѣренъ человекъ.
Возможно ли чшобъ мой не былъ ща-
спливой вѣкъ,

И что бы не нашла я въ немъ свое спо-
койствіе.

Драгой мой Тирсія возьми свою свирѣль
И станемъ ударять съ тобой на правкѣ прѣль.

Бышь вѣрною на вѣкъ тебѣ я обещаюсь,

И если бы кто мнѣ корону посулилъ,

И всѣ сокровища земныя бы дарилъ.

Я все то для тебя презрѣть не возгну-
шаюсь.

Драгой мой Тирсія возьми свою свирѣль

И станемъ ударять съ тобой на правкѣ прѣль.

Гласяшь, что при дворахъ и въ городахъ
огромныхъ,

Себѣ за славу чшущъ непостояннымъ
бышь.

Но здѣсь шѣмъ славяшся, чшобъ непоро-
чно жить,

И посшоянство въ вѣкъ хранишь въ дѣ-
лахъ любовныхъ.

Драгой мой Тирсія возьми свою свирѣль

И станемъ ударять съ тобой на правкѣ прѣль.

Почто намъ клятвами другъ другу объ-
щались?

Любовь насъ сѣдиня, составишь благъ
конецъ.

Для нѣжныхъ, искреннихъ и вѣрныхъ двухъ
сердецъ,

Дни начинаютъ намъ минутами казаться.

Драгой мой Тирсія возьми свою свирѣль
И спанемъ воспѣвать съ тобой на правкѣ прѣль.

Четыре видѣла протекшими я жашвы,
Съ тѣхъ поръ какъ съ пасухомъ дра-
жайшимъ я люблюсь,

Четыре ужъ раза и Флорой веселюсь,

Содѣлавшей луга пріятными для пасшвы.

Драгой мой Тирсія возьми свою свирѣль
И спанемъ воспѣвашъ съ тобой на правкѣ прѣль.

Чессть нашей отдаешь и время ужъ любви.

И силы новыя намъ кажется даришь:

Едина можешь насъ смершь только раз-
лучишь

На вѣки разрѣшивъ тѣлесныя оковы,

Драгой мой Тирсія возьми свою свирѣль

И спанемъ ударять съ тобой на правкѣ прѣль.

Н. Яновскій.

З а г а д к а.

Извѣстный здѣсь молодой человекъ влю-
бился недавно въ прекрасную и при томъ
честную дѣвушку, и получивши способное
время и мѣсто бышь съ нею на единѣ; шущъ
просилъ ее сдѣлать ему удовольствіе. За

чѣмъ не шакъ, отвѣчала вѣжливая дѣвушка, если вы съ вашей стороны позволите мнѣ одну вещь. А какъ онъ спросилъ, что бы то была за вещь? Та, сказала сія, которыя вы не имѣете и имѣть не въ состояніи, но мнѣ дасть оную можете. Сей любовникъ желая неперпѣливо бышь отъ нее удовольствованъ, но не зная, что бы значила таковая загадка; прилѣжно проситъ упражняющихся въ любовныхъ дѣлахъ, что бы они объяснили ему оную.

Достойное ласкателя награжденіе.

Нѣкто самоумникъ, или какъ то обыкновенно называютъ, педантъ, узнавши нравъ Діонисія тиранна, чѣмъ бы снискалъ его къ себѣ благосклонность, принялся за масперство ласкательства. Онъ зная шуть довольно, что пирантъ поступалъ съ нѣкоторыми разумными и ученѣйшими людьми сурово для того, что сіи всегда говорили ему правду, и то что не было уже никого, который бы говорилъ чтолибо объ немъ доброе, вздумалъ занять сіе мѣсто. И такъ началъ превозносить похвалами до небесъ всѣ его поступки, и наконецъ сдѣла~~лъ~~ въ томъ споль безспыднымъ, что не рѣдко наводилъ шѣмъ омерзѣніе, даже и самому пиранну; а какъ ему не было еще и сего довольно, то сочи-

нилъ онъ нѣсколько строкъ стиховъ, въ коихъ изобразивъ пиранна полубогомъ, поднесъ ему оныя. Діонисій давъ ему въ награжденіе извѣстное число денегъ, велѣлъ при томъ опрѣзать ему языкъ. Когда другіе спросили пиранна шому причины, онъ отвѣчалъ: „послику Боги явили мнѣ милость, что послали по крайней мѣрѣ одного такового, который говоритъ обо мнѣ хорошо, то я, въ знакъ моей признательности, хочу, что бы языкъ оный былъ балсамированъ и положенъ въ храмъ, какъ нѣкая священная вещь.„

По чему бѣваютъ худые сочинители.

Нѣкто стихотворецъ въ Римѣ горя склонностію къ стихотворенію, не могъ имѣть въ ономъ много примѣчанія, по причинѣ великой своей скудости, и обязанъ будучи содержать жену и шестерыхъ дѣтей; однако же доснавая шѣмъ себѣ и имѣ препитаніе, непрестанно сочинялъ, или аріи, либо другія какія пѣсенки, и показывалъ оныя своимъ друзьямъ. Одинъ изъ сихъ его пріятелей, будучи въ таковыхъ вещахъ разборчивый судья, сказалъ ему, что онъ не наблюдалъ правилъ слога, и что въ такомъ то и такомъ мѣстѣ Петрарха не написалъ бы такъ. Государь мой, онъ отвѣчалъ. „если бы Петрарха и всѣ

„бывшіе каковаго бы то ни было искусства
 „профессоры, имѣли злую жену, какова есть
 „моя, при шомъ шестерыхъ дѣшей для во-
 „спитанія, какъ я имѣю, и обветшалый домъ,
 „угрожающій паденіемъ, вѣ каковомъ я живу;
 „то можетъ бытъ и они немного бы лучше
 „меня спихотворствовали. „

Опытъ супружнія любви.

Жена извѣснаго рыбака часто увѣряла своего мужа о своей къ нему любви, и многократно передъ нимъ изъяснялася, говоря: „ахъ! любезнѣйшій муженекъ мой, душа моя! если бы къ несчастію моему случилось, отъ чего храни Богъ, что бы ты умеръ прежде меня; я обещаюсь, чему будь свидѣтель та моя любовь, копорую всегда къ тебѣ я имѣла и имѣю, дѣлашь тебѣ шуже самую честь и по смерти твоей равно, какъ и вѣ жизни. „ Рыбакъ желая о семъ удостовериться, казался больнымъ и по нѣсколькихъ дняхъ притворился умершимъ. Добросердечная жена считая мужа умершимъ, и не зная отъ любви, чѣмъ прикрышь грѣшнее его тѣло, одѣла его вѣ старую раздранную рыболовничью сѣшь и обула вѣ лапши: и между тѣмъ какъ другіе совѣщовали о его погребеніи, она стоя погружена вѣ горестнѣйшей печали пла-

кала и часто со вздохами повшоряла сїи слова: „ахъ любезный мой мужъ, дражайшее сокровище мое! куда ты теперь идешь? „ На что рыбакъ, поднявши голову, громко опвѣчалъ: *рыбы ловить.*

Къ любезнѣйшей моей К

Горю тобой и плѣю
 Любезная моя!
 Утѣхи не имѣю.
 Всегда печаленъ я.

Повсюду грусть встрѣчаетъ
 Меня, вездѣ спону.
 Мнѣ все поску вѣщаетъ
 На что я ни взгляну.

Себя я ненавижу.
 Прошивенъ мнѣ весь свѣтъ,
 Коль я тебя не вижу
 Драгой любви предмѣтъ.

Ты сердце заразила
 Своею красотою,
 И грудь мою пронзила
 Любовною стрѣлой.

Душа моя швоею
 На вѣки плѣнена.

Ты жизнь мою
Владѣешь лишь одна.

Владѣти будешь вѣчно
Душа души моей!
А я люблю сердечно
Тя буду всей душой.

Ник Ян

Къ другу моему.

Упрашиваешь ты меня тебѣ сказать
О женщинахъ, мой другъ, мое какое мнѣнье.
Прошеніе швое есть дружбы повелѣнье;
Но трудно мнѣ тебѣ въ томъ удовлетворять.
Объ полѣ какъ я самъ прекрасномъ разумѣю,
То искренно открышь, но истиннѣ не смѣю.
Пусть нѣкопорымъ бы достойная хвала,
Признаніемъ моимъ, приписана была:
Но я боюсь себѣ ту пріобрѣсть судьбину,
Что разсержу изъ нихъ большую половину.

А. Бухарской.

ЛѢКАРСТВО ОТЪ СКУКИ И ЗАБОТЪ.

№*) 48. Середа. Маія 26 дня 1787 года.

45 загадка значитъ: *Календарь.*

46 Загадка.

Покой мнѣ отецъ, роскошь мать. Я подобна домику; когда движусь, человеку надобна, но стоя на одномъ мѣстѣ пользы не произвожу. Образъ свой перемѣняю по обычаямъ страны и по вкусамъ людей. Въ хорошую погоду лучше бы человеку меня не употреблять. Мошество даетъ мнѣ разныя и цѣли, для которой я изобрѣшена, несоотвѣтствующія украшенія.

*) Сіе изданіе кончилось съ печеніемъ Іюня мѣсяца, то есть съ 52 №; о чемъ весьма малое число подписавшихся чрезъ сіе извѣщается. Причина пресѣченія та, что издатель доселѣ и пятой части издержаннаго иждивенія не возвратилъ, и вторую часть хопя съ великимъ своимъ убыткомъ продолжалъ, дабы сохранить слово. По сему никто въ вину ему не поставитъ, что онъ противу желанія своего кончить долженъ.

О да

моей Катенькѣ на простуду.

Внемли сменящій голосъ мой,
 Власпишель въшровъ дерзновенныхъ!
 Запри ихъ сильною рукой
 Во мрачныхъ пропастяхъ подземныхъ:
 Проспри къ нимъ свой прегрозный взоръ
 И бременемъ тяжчайшихъ горъ
 Сшѣсни ихъ мрачныя пещеры,
 Чтобъ ихъ спременение обуздашь! — —
 Когда имъ должно буншовать,
 Сей дерзкій родъ не знаетъ мѣры.
 Буншуя въ шемницахъ, заклёпы ихъ рвушь,
 Недвижныя горы хребтами прясушь;
 Отъ быстраго ихъ по пространству
 полеша
 Претвердыя сданья и дубы прещашъ;
 Ужасные звѣри въ вершинахъ дрожашъ;
 Колеблюшся часпи ооширнаго свѣша;
 Дыханіемъ бурнымъ весь воздухъ вскрупя,
 Дождь съ пылью и волны съ пескомъ воз-
 мушя,
 Крылами огромный корабль разрываюшь,
 И тяжкихъ киповъ на берега изпоргаюшь.
 Усмири, Эолъ правдивый,
 Сей шолико родъ кичливый!
 Успремляясь въ свой пушь,
 Дунулъ онъ въ прелесшну грудь,
 Катеньки моея любезной.
 Видъ плачевный! случай слезной!

Охладила грудь ея,
 И болѣзнь ея перзаешъ.
 Кашенька моя спрадаешъ! —
 Смерть приближилась моя. —
 Грудь, въ кошорой пламень спрасши
 Возжигалъ нѣжнѣйшу кровь,
 Гдѣ воздвигла шронъ любовь
 Для моей блаженной части!
 Что я вижу? вянешъ цвѣшъ,
 И уже надежды нѣшъ!
 Смерть очамъ ея предспала!
 Ахъ! не дайте небеса,
 Чшобъ Божеспвенна краса
 Прежде времени увяла!
 Мое все щасье въ семъ предметѣ.
 Коль будете ея хранишь,
 Ничемъ не можете на свѣшъ
 Меня вы больше наградишь.
 Я въ ней лишь вашу благосшь вижу,
 Безъ ней я все возненавижу.
 Хранише розу вы сію,
 Щадите съ нею жизнь мою.
 А ежели она увянешъ,
 Кто мѣръ сей украшани спанешъ?
 Ъ

Скорая полправка въ погрѣшности:

Нѣкто изъ молодыхъ людей идучи въ
 гости съ пріятелемъ къ знакомой женщинѣ,

говори́лъ ему на доро́гѣ: *я иду къ ней на одну мину́ту.* Нескромный пріѣшель прише́дъ туда, сказа́лъ хозяйкѣ: что его товарищъ прише́лъ къ ней на одну мину́ту. Ей было е́то не-пріѣшно. Она разсердилась. Госѣь прину́женъ былъ оправдаться такъ: „Вы, суда-рыня шѣ слова приня́ли въ дурную спорону; а я ихъ выговори́лъ съ такими мыслями: *кто кого не любитъ, тотъ у него въ гостяхъ одну мину́ту счита́етъ пятью часами, и идетъ къ нему на пять часовъ; а кто кого любитъ, тотъ у него въ гостяхъ пять часовъ счита́етъ одною мину́тою: я васъ люблю и почитаю, и прише́лъ къ вамъ на одну мину́ту.* „

Историческое описаніе ужасна́я дерзости *Франциска Рулерта Даміана* прошиву священна́я особы *Людовика Пятагонадесять* Короля Французскаго. *Переведено съ Италіанскаго.*

Въ повѣствованіяхъ дѣйствія сего сполько находи́тся разностѣй, сколько самыхъ повѣствователей. Одни говорятъ о томъ больше, нежели какъ то въ самомъ дѣлѣ было, другіе меньше, такъ что о произхожденіи онаго не можно имѣть совершеннаго понятія. Я

надѣюсь, что не непріятно будетъ читателямъ, когда сообщу имъ справедливую о томъ вѣдомость, основанную на вѣрнѣйшихъ извѣстіяхъ полученныхъ изъ Версаліи. Повѣришь шрудно, что бы человекъ самаго низкаго состоянія, слѣпленный изъ грязи самой послѣднѣйшей черни, могъ не только въ мысляхъ вообразить ужасное предпріятіе, лишить жизни Монарха, но и покуситься дерзоспнѣйшимъ образомъ произвестъ оное въ дѣйство. Однако же нѣкто *Францискъ Рупертъ Даміанъ* родившійся отъ подлыхъ родителей въ Аршезіи въ одномъ изъ предмѣстій Арры, былъ въ состояніи не только въ умѣ своемъ родитъ столь мерзкую мысль, но и опважиться неистовымъ образомъ произвестъ оную въ дѣйство прошиву священной особы Людовика Пятагонадесять Монарха Французскаго и законнаго его Государя.

И дѣйствительно въ пятый день Января 1757 года при захожденіи солнца, когда Король посѣщая больную Принцессу Луизу, окруженъ шѣлохранителями съ обнаженными въ рукахъ мечами, и препровождаемъ многими вельможами и придворными Принцессы Офицерами, возвращался не къ каретѣ еще, какъ то прежде о томъ слухъ разсѣянъ, но уже въ собственныя чертоги, постарался оный злодѣй замѣшаться въ толпу обспоящихъ. Онъ спалъ близъ дверей, въ которыя непременно самъ Король проходить долженъ

былъ; при перьвомъ Его приближеніи къ онымъ, замѣшавшись дерзновенно между придворныхъ, опшалкивалъ съ поропливостію то одного, то другаго, что бы проходилъ Дофинъ, который былъ ему въ виду, и опдаля находившагося при немъ Герцога Анжускаго, безъ малѣйшей робости или ужаса, далъ мерзскій сей злодѣй страшный ударъ Его Величеству кинжаломъ, который былъ у него сокрытъ подъ руками. По сильному замаху съ каковымъ Даміанъ сдѣлалъ сей ударъ, Король сперва думалъ, что онъ Его ударилъ не иначе, какъ только однимъ кулакомъ, и для того не ища другаго защищенія, только опшолкнувъ въ сердцахъ опъ себя злодѣя, приказалъ взять его потчасъ подъ караулъ, и смотрѣть за Дофиномъ; поелику не безъ причины должно было заключить изъ сего происшествія о какомъ нибудь важномъ дѣлѣ.

Король скоро примѣшилъ коварное умышленіе сего неисповаго убійцы: ибо когда онъ идучи принялъ руку съ удареннаго своего бока, и увидѣлъ ее въ крови, потчасъ узналъ и всѣмъ объявилъ, что Онъ раненъ. Тѣлохранители при такомъ зрѣлищѣ пришли въ чрезвычайное движеніе, и конечно бы тогда же удовлетворили всей своей праведной ярости къ сему беззаконнику, если бы самъ Король, повинувся гласу здраваго разсудка, не возпрешилъ имъ, повелѣвая взять его подъ караулъ,

и не причиняя ему никакова вреда ошдашь подѣ слѣдствіе; что они исполнили.

Его Величество неудовольствовался показать однимъ нѣмногимъ подданнымъ столь знашній примѣръ великодушія. Легши въ постѣль, тотчасъ исполнилъ долгъ въ разсужденіи вѣры, сколько таковыя обстоятельства могли того требовать. Врачи осматрѣли рану, кошорая взглядомъ орудія и по своему положенію была бы смертельна, если бы Бдящій о спасеніи Монарховъ не успроилъ сего такъ, что на сей случай былъ Король въ бархатномъ серпукѣ, кафшанѣ и камзолѣ, и рубашка сложена о шрехъ одинъ на другомъ стобахъ на самомъ томъ мѣстѣ, на кошорое спремился злодѣй; сіе то и возпрепятствовало сильнѣйшему пораженію. Король изображалъ на лицѣ своемъ въ присутствіи всей Королевской Фамиліи пришедшей въ крайнѣйшее смущеніе, и въ присутствіи всѣхъ обстоящихъ его вельможъ, кошорые поражены наичувствительнѣйшею печалью обливались слезами, не столь великую неуспрашимость духа, сколь совершенную преданность себя въ волю Божію, и извѣвляя своимъ спокойствіемъ, что онъ вседушно прощаетъ безчеловѣчному своему злодѣю, запрещалъ не чинить ему ни малѣйшія обиды, оспавляя одному правосудію дѣлать то, что оно почищаетъ себѣ свойственнымъ и должнымъ.

Изобразишь не возможно, съ каковою дерзостію сей убійца тогда же тѣлохранищелями подѣ караулѣ взяшый при отобраніи у него пятидесяти луидоровѣ и духовной книжечки, сопровивлялся, не дая себя имѣ въ руки, и кричалъ: что таковая ихѣ въ разсужденіи его осторожность есть бесполезная и излишняя, ибо ему и на мысль не приходило уходишь, хотя онѣ и могѣ сіе сдѣлать, если бы ему то угодно было. Не упустили однакожѣ они исполнишь поспѣшно свой долгѣ, и не могши умѣришь своего гнѣва, ставили его ногомѣ пять или шесть разѣ на раскаленные уголья, попомѣ обжегши раскаленными клещами ножныя икры, повлекли въ шемницу Версальскую.

(Продолженіе впрѣдѣ.)

ЛѢКАРСТВО ОТЪ СКУКИ И ЗАБОТЪ.

№ 49. Середа. Юнія 2 дня 1787 года.

46 загадка значить: *Карета.*

47 Загадка.

Бывъ въ рукахъ умнаго приношу я великую пользу, а особливо пекущемуся домо-спроишелю и прилѣжному селянину; но обладаемъ развратными, служу иногда пагубою. Для меня Альжирцы предаются опасностямъ свирѣпаго моря и уповаютъ иногда въ быспрошъ волнъ. Храню вѣренное мнѣ безъ ключа и замка. Мною побѣждаютъ непріятелей, мною выигрываютъ тяжбы, мною перескакиваютъ высокія ограды и лобызаютъ заключенныхъ тамо красавицъ. Сколько погубилъ я безприсрастныхъ судей; колько пошрясь я цѣломудренныхъ Люкрецій; колько навлекъ я бѣдъ неимущимъ меня! Но и польза отъ меня велика. Согбенному спаросшю услаждаю жизнь его; сиротъ питаю; учась вдовъ чрезъ меня облегчается; отвращаю гладъ и нерѣдко войнѣ преграду дѣлаю.

Стихи къ двѣицѣ К

Живя съ тобою нынѣ драгой предметѣ въ
 разлукѣ,
 Я провождаю дни свои въ несносной мукѣ.
 Расставшия съ тобой, распался я съ душой,
 Лишился всѣхъ забавъ, терзаюся тоской.
 Жестокая печаль мой слабой духъ спѣсняетъ,
 И горести мои втечасно умножаетъ.
 Куда я ни пойду тоска за мной идетъ,
 Томитъ меня, разитъ, покоя не даетъ.
 На что взоръ ни простру, тебя воображаю
 И тѣ счастливые часы воспоминаю,
 Въ которые твои уста я лобызалъ,
 И чувства всѣ мои тобою услаждалъ.
 Я шѣшился тобой, ты мною упѣшалась,
 Душа моя твоей, твоя моей питалась.
 И сердцемъ и душой съ тобою говорилъ,
 Любя тебя одну, любимъ тобою былъ.
 Счастливъ я былъ тогда, ничемъ не сокру-
 шался,
 Мой духъ былъ чуждъ тоски, покоемъ на-
 слаждался.
 Теперь же все прошло, прошло драгой мой
 свѣтъ,
 Лишившия тебя: забавъ, веселья нѣтъ.
 Текутъ въ мученьи дни, текутъ въ мученьи
 ночи,
 И обливаются всякъ часъ слезами очи;
 Нѣтъ въ дни часа, чшобъ я тебя не вобра-
 жалъ,

Минушы нѣтъ вѣ часѣ, чѣобѣ сердцемѣ не
страдалѣ.

Ты живо вѣ памяти моей изображенна.

Вся грудь моя и кровь огнемѣ любви заж-
женна.

Вздыхаю по тебѣ, тревожусь, мучусь, рвусь.
Вѣ слезахѣ дни провожу, душою всей кру-
шусь. —

Доколѣ мнѣ еще любишь, раскаеваться,

Желать, надѣясь, спрадать, опчаеватьея?

Когда возчувствую опянь вѣ душѣ покой?

Когда престану я пылать мой свѣтъ тебой. —

Увы! себя на вѣкъ любишь мнѣ дарагая,

И мучишься тебой вѣ печали утопая.

О люшая судьба! почѣ ты такѣ разишь?

Почѣ съ любезною соединишь медлишь? —

Снѣшите о спихи кѣ дражайшей К.

Скажете о моей ей горестной судьбинѣ;

Скажете сколько я терплю вѣ разлукѣ съ ней;

Изпоргнише теокѣ слезѣ вы изѣ ея очей.

Увѣрьте вы ее, чѣо я пока живѣ буду,

Владычицы моей души не позабуду.

Ник Яновс . . .

Продолженіе о покушеніи Даміана. См. IV 48.

Стр. 176.

Даміанѣ находился заключенѣ вѣ темницѣ
съ вечера 5 до вечера 17, подѣ великимѣ все-
гда дешашаменшомѣ караульныхѣ изѣ шѣло-

хранишельнаго войска; былъ по томъ отвезенъ со всякою оспорожноспію, окруженъ многими полками, въ Парижъ, гдѣ остановленъ у воротъ темницы Касшеллано, и одѣтъ въ шерстяное толстое плашье; онъ долженъ былъ шуть взойши на башню Монте-Гомеры, въ коей берегли его найспрожайше, подъ карауломъ многихъ солдатъ, сержантовъ и Офицеровъ, которые перемѣнялися каждые 24 часа. Здѣсь содержался онъ до 3 числа Марта, а въ тотъ день переведенъ въ темницу Турнелле, гдѣ спража, его призирающая, спояла ежедневно 600 ливровъ: для 70 гранадеровъ находившихся на дворѣ крѣпости, десяти человекъ шлохранищелей, которые были подъ его шюрьюмою, и еще семи другихъ находившихся на верьху оныя, и четырехъ сержантовъ, которые были внутри самой шюрьмы.

Пресшупники, когда они предспавленны бывають предъ лице судей, обыкновенно превожался, дрожатъ и блѣднѣють. Францискъ Рунертъ Даміанъ не только въ Версаліи въ тотъ самой вечеръ, когда онъ захваченъ и приведенъ предъ начальника палаты, для начашія производсва и суда его процесса, былъ такъ дерзоспенъ, что осмѣлился даже ушверждать, что онъ и въ то самое время былъ бы еще готовъ на шоликое варварсшво, если бы только былъ въ состояніи произвестъ его въ дѣйсшво; но и въ Парижъ за каждымъ

разомъ, когда онъ принуждаемъ былъ отвѣтствовать на вопросы Принцовъ Крови и другихъ Вельможъ Французскихъ, которые производили надъ нимъ судъ, оказывалъ себя преугрюмымъ, ожесточеннымъ и нераскаяннымъ, давая всегда знать, что никто другой, выключая его ужаснѣйшаго урода, какого только природа произвела, не былъ бы въ состояннн зародить въ умѣ своемъ такую мысль, и покушиться на столь богомерзское преступленіе. Истинну сказавъ, надобно испытать невозможное, что бы опредѣлить, какой дѣйствительно былъ истинный его характеръ; ибо сколько ни было судейскихъ засѣданій, что бы открыть истинну, столько онъ принималъ на себя видовъ. Въ нѣкоторыхъ изъ оныхъ умѣлъ онъ притвориться дуракомъ и сумасшедшимъ; въ другихъ находилъ способъ казаться остроумнымъ и гораздо распоропнымъ, прошиворѣчь самому себѣ въ одномъ и томъ же самсмъ дѣлѣ; то показывалъ себя въ рѣчахъ очень скромнымъ, то не было ни шибъ человеческой важности такой, коя бы могла его обуздать. Иногда изъявлялъ онъ раскаяніе о содѣянномъ имъ злѣ; иногда не давалъ ни же знака угрызенія совѣсти; иногда старался казаться весьма подобоспращнымъ къ Бѣрѣ; иногда развращеннымъ, который ни закона каковаголибо и никакикъ нравовъ не зналъ. То увѣрялъ, что онъ имѣетъ многихъ со-

участниковъ, то утверждалъ противное, однако же всегда пребывалъ безстыденъ, дерзокъ, всегда многорѣчивъ, но запутанъ, обольщенъ и непонятенъ, такъ что другаго ничего изъ его словъ заключить не можно было, какъ только, что онъ былъ мошенникъ, безбожная, зловредная и пагубная тварь.

Было не мало дѣйствительнымъ доказательствомъ неистоваго его безчестія, во первыхъ то самое, что онъ спитъ было въ тюрьмѣ по семи или по осьми часамъ каждый день, съ гораздо большимъ спокойствіемъ и пріятностію, нежели всякой неповинный. Онъ проводилъ тушь свое время съ веселостію, часомъ предшавая что либо шуточное и смѣшное; какъ то выключая другія времена, особливо въ послѣдній мясоѣда день, въ который потребовавъ сперва нѣкоторыхъ необыкновенныхъ вещей, хотѣлъ бриться и убирать волосы; иногда показывалъ знаки внутренняго своего бѣшенства о томъ, что не удалось ему въ ономъ богомерзскомъ его предпріятіи. Необузданность безпримѣрная, съ кою признавалъ себя виновнымъ, то въ воровствѣ 240 луидоровъ, учиненномъ имъ у одного купца въ Россіи, у котораго находился во услуженіи, то въ смерти причиненной послѣ покражи 100 луидоровъ нѣкоторому другому своему хозяину, примѣшавъ меркурію въ клистеръ употребленный во время его болѣзни; то въ другихъ повѣствованіемъ не менѣе бого-

противныхъ преступленіяхъ, изъясляла казалось всѣмъ, что онъ хвастался. То, ошкуду наипаче видѣшь можно безобразныя его качества, есть способъ, который нашелъ онъ въ одинъ день, будучи позванъ къ допросу, навеселъ подозрѣніе соучаствованія съ нимъ на двухъ предсѣдателей и пяти совѣтниковъ Парламента, особъ всѣхъ почтенныхъ, въ всякаго подозрѣнія, и противъ которыхъ самая язвительнѣйшая клевета не сыскала бы ничего произнесъ. Впрочемъ правда, что кромѣ собственной непорочности ихъ защищавшей, не замедлялъ онъ и самъ себя по-противорѣчиль и изъясниться предъ ними такимъ образомъ: „что добродѣтель ихъ ниже „отъ тѣни помрачиться не могла. „ Однимъ словомъ, разположенія сего бездѣльника были всегда такова свойства, что не можно будещъ ниже вѣроятнымъ образомъ вывести ничего положительнаго изъ его процесса, хотя оный произведенъ и розыскиванъ былъ со всевозможною прилѣжностію и опытностію, сперва отъ начальника Версальской палаты, по томъ отъ Парламента Парижскаго, и наконецъ отъ славнаго Принца Конпи, который будучи не меньше въ воинскихъ какъ и политическихъ дѣлахъ опмѣнно искусенъ, всѣ къ тому употребилъ способы, такъ что ни что не могло бы укрыться отъ его проничательности. Но какъ гласно и важно ни было сіе слѣдствіе, однако же оно кончено

въ 26 день Марта рѣшеніемъ верховнаго суда приговорившимъ къ смерти сего злодѣя. Приговоръ исполненъ по самой точности въ 28 день того же мѣсяца на большой площади Гресе, гдѣ спекалося безчисленное множество народа.

Не задолго предъ произведеніемъ въ дѣйство судебного приговора, и прежде нежели злодѣй приведенъ былъ на мѣсто достойнаго его наказанія, были представлены предъ него отецъ, шешка, жена, дочь, два брата, братья жены и одна сестра вдова, копорые всѣ были уже захвачены въ то же почти самое время, какъ и онъ самъ, и копорые немного спустя послѣ, изгнанны навсегда изъ Государства, со обязательствомъ перемѣнить прованіе, и должны были сносить большую часть наказаніе за учиненное не ими преступленіе. Увидѣвъ отца, шешку, братьевъ и ихъ женъ, показывалъ онъ чувствованіе внутренняго унышенія, напрошивъ того предъ женою и дочерью очень явственныя знаки смущенія и внутренняго безпокойства.

(Продолженіе впередъ.)

ЛѢКАРСТВО ОТЪ СКУКИ И ЗАБОТЪ.

№ 50. Сѣреда. Юнїя 9 дня 1787 года.

47 загадка значить: *Кошелекъ наполнен-
ный золотомъ.*

48 Загадка.

Гласа и движенїя не имѣю, но есмь жи-
вущее, и жизнь мою продолжаю на одномъ
мѣстѣ стоя. Великая попребна предосторо-
жность и радѣнїе если переселишь меня съ
мѣста на мѣсто: ибо въ такомъ случаѣ ча-
сто умираю. Рукъ имѣю множество и шѣми
сокрываю солнечные лучи. Многочисленные
есть между нами пишающїе родъ человѣче-
скїй: но было одно изъ насъ ему пагубу и
смерть навлекшее.

Отъ дяди стихотворца Колинева.

Хвалишь и все и всѣхъ, то дѣло безопасно,
И будешь все съ тобой и дружно и согласно.
Всѣ шанушь говоришь: вошь добрый чело-
вѣкъ!

Умно и смирно онъ проводитъ честный вѣкъ;

Водой не замушишь. Душа его почтенна,
 Что ей ни дай, ничемъ не будетъ огорченна.
 Онъ ангелъ во плоти; прямой онъ фило-
 софъ!

Хоть скучный Колиневъ возы навьюча
 строфъ,
 Его терпѣнію сто тысячъ одъ привозишь;
 Онъ плодородіе его хвалой навозитъ:
 И сердцемъ дань плашя препакошнымъ спи-
 хамъ,
 Хотя изъ подшишка въ кулакъ зѣваетъ самъ;
 Но возхищается онъ явно каждой спрочкой,
 И всемъ любитъ и запяшой и шочкой.
 „Куды, онъ говоритъ: какъ ешо все умно!
 „Инымъ покажется запушано, темно;
 „Но шо и хорошо: одни лишь низки слог
 „Поняшны всякому; а кто равно какъ боги
 „Высоко говоря, на крыліяхъ паритъ,
 „Готъ долженъ не понять и самъ, что го-
 воритъ.
 „То честь ли, коль творца такъ мало по-
 чишаютъ,
 „Что безъ разбора всѣ его стихи чишаютъ?
 „Что присшупъ всякому свободный, легкой
 къ нимъ?
 „Что чернь безчешитъ ихъ понятіемъ сво-
 имъ?
 „Вспомни о царяхъ владѣющихъ Возпокомъ:
 „Не досягаемы ничьимъ изъ смертныхъ окомъ,
 „На неприступнѣйшей престола вышѣ
 „Богамъ кажутся подвласныхъ простомъ.

„Хоть къ счастью ничего для насъ не сози-
 дають,
 „Велики шѣмъ они, что ихъ не понимаютъ.
 „Почтенный Колиневъ! равно швои спихи
 „Чрезъ мѣру гордые, надуты какъ мѣхи,
 „Презрѣвъ и умъ просшой, и чистый смыслъ
 и полки,
 „Пребудуть навсегда въ почтеніи на полки.
 „Съ подобострастіемъ храня ихъ свящъ по-
 кой,
 „Щецы не осквернятъ ихъ дерзкою рукой.
 Вотъ такъ то ободренъ, въ свои влюблен-
 ный враки,
 Бышь думаетъ орломъ, а ползаетъ какъ раки.
 Какой же люта лешъ даетъ Пйшамъ плодъ.
 Ахъ! даже и на весь съ презрѣньемъ смотрятъ
 родъ
 Того, который всѣхъ какъ смертными грѣ-
 хаши.
 Терзаетъ и помитъ несносными спихами.
 Однако свѣщъ не правъ; и чемъ же ви-
 ненъ я,
 Что ешо Колиневъ риемачъ родня моя?...
 Помилуй, свѣщъ, меня невинна предъ шобою!
 Я связанъ съ нимъ родствомъ, не связанъ
 головою.
 „Но должнобъ, говорятъ, ему подашь совѣщъ,
 „Чтобъ не сшрамилъ себя на цѣлые сто лѣщъ.
 „Не лучше ли, скажи, честному человѣку,
 „Поденщикомъ копашъ каналъ, иль чистишь
 рѣку?

„Не лучше ли улицу камнями мостить,
 „Не лучше ли огурцы, или морковь садить,
 „Чемъ глупой спихъ шоча какъ деревянну
 пѣшку,

„Разсудку здравому его сказать въ насмѣшку?

Повѣрьте, говорилъ я, тоже, много разъ,
 И мешилъ я ему не въ бровь, а въ самый
 глазъ,

Примѣтя склонности его думъ природны,

Полезныя, хотя не очень благородны,

А имянно: конямъ онъ мастеръ гривы стричь;

Умѣетъ гордо онъ держать на козлахъ бичь:

Я видя, что онъ то все дѣйствуетъ прі-
 ятно,

Будь кучеръ, я ему твердилъ не однократно.

Карешой произвешь ты легче можешь громъ,

Съ вожжами будешь ты почтеннѣй, чемъ съ
 пѣромъ.

Умѣя обуздать на свѣшѣ всяку клячу,

Загладь швою, загладь съ Пегасомъ неудачу.

Послушайся меня племянникъ дорогой:

Парнасскій часто конь въ тебя легаль ногой,

И уморить тебя онъ можетъ напоследокъ.

Плачевный сей примѣръ на свѣшѣ вѣдь не рѣ-
 докъ.

Ты знаешь самъ, безъ крыль не лезя никакъ
 лешать:

Равно безъ дара намъ никакъ не лезя пи-
 сать.

Есть всякому своя отъ неба дана доля;

Безчестнѣе лишь одна несмысленная воля.

Смѣшонъ, кто не свое примаешъ ремесло.
 Чишалъ ли ты когда Дебрео - Боало?
 Ты помнишь ли врача доспойна слезъ и смѣха?
 Лашинской людоѣдъ, другъ смерти и ушѣха,
 Наперстникъ дорогой царя подземныхъ
 царствъ,
 Онъ силою своихъ мершвишельныхъ лѣ-
 карствъ,
 Не уважая вдовъ, сиротъ оставшихъ спона;
 Толико же какъ моръ былъ вѣрный рабъ
 Плупона.
 Однако былъ учонъ, что вѣдалъ Иппократъ,
 Что вѣдалъ и Галенъ онъ шо твердилъ спо-
 кратъ.
 Наука у него какъ гидра въ мысли сѣла
 И до конца ево природный разумъ сѣла;
 И думашъ запрешя лишь шо велѣла знашъ,
 Другіе шолько что умѣли понимаашъ.
 Святое къ старинѣ всегда храня почтенье,
 Иное мыслишъ онъ считалъ за пресшупленье,
 И лучше онъ хотѣлъ по книгѣ уморитъ,
 Какъ жизнь по естеству больному подаритъ.
 Онъ въ прочемъ былъ рѣчистъ, способенъ
 къ красну слову.
 Какъ шанешъ говоритъ не лъзя не бышъ
 здорову:
 Какъ шанешъ онъ лѣчитъ, не лъзя не уме-
 реть.
 Изъ всѣхъ ево друзей преставшихъ солнце
 зрѣшъ
 Остался другъ одинъ, кошорый небылъ боленъ,

Богатый опкупщикъ, избыточенъ, доволенъ,
 Охотникъ спрощься, хоть вкуса не имѣлъ.
 Онъ друга лѣкаря въ свой новый домъ привелъ.
 Неспрощь сданія нашъ врачъ тотчасъ при-
 мѣшилъ,

И дарованіемъ природнымъ вдругъ осѣшилъ
 Онъ всю тяжелую не лѣпость богача.

Искусству спрощься хозяина уча,
 Въ иномъ онъ мѣстѣ бытъ крыльцу повелѣ-
 ваетъ;

Изъ глупыхъ шамъ сѣней онъ залу созидаетъ;
 Тамъ кудри, какъ парикъ, велишъ съ стѣны
 онъ сбивъ,

И съ кровли здѣсь фронтонъ уродливый спа-
 щипъ.

Прекраснымъ дѣлаетъ строеніе поспыло;

И спало самому хозяину то мило.

Въ архитектурѣ врачъ зря быстрый свой
 успѣхъ,

За модули ея принялся не насмѣхъ.

Проспась съ пиллюлями, съ микспурами, съ
 ланцетомъ,

Миръ тотчасъ заключилъ съ опустошеннымъ
 свѣтомъ.

И болѣе земли гробами не тягча,

Спрощель добрый спалъ изъ сквернова врача.

Депрео-Боало полезна ещя сказка

Племянникъ на тебѣ прямая вѣшь указка.

Какой же мнѣ отвѣтъ? . . . „не слушаю
 я вракъ,

„Депрео твой глупецъ и Боало дуракъ;

„А съ сими Греками и дядя повредился.

„Узнай же что на то я только и родился

„Дабы вселенную въ стихи переложить.

„Кто можетъ такъ легко, какъ я произво-
дишь?

„Вчера задѣлалъ я лишь только епу драму,

„А вотъ она и вся Пѣишовъ нашихъ къ
спраму.

„Хочу ее шебѣ я дядя прочиташь.

Тотчасъ изъ пазухи онѣ вытащилъ шепрашъ.

О ужасъ! . . . Толщиной онѣ съ *Гролтера* (*)
казался,

Но спичкой спалъ, когда отъ драмы опро-
спался.

Страхъ, свѣшлый день тогда преобразилъ
мнѣ въ ночь.

Я обмеръ и не могъ уйши отполъ прочь.

Тиранъ сей пользуясь моимъ остолбененьемъ,

Чтобъ умертвить меня шепраши толстой
чшенемъ

Въ кафтану пеплю мнѣ свой перстъ загнулъ
какъ крюкъ

И средства шѣмъ лишилъ избѣгнуть люшыхъ
мукъ.

Любуясь своей спищишою громадой,

Котору называлъ поэзи Палладой,

Безсиленъ удержашь ее одной рукой

Онѣ дядю бѣднава преобразилъ въ налой,

(*) Извѣстный своею чрезвычайною толщиною
Англинскій купецъ.

И на мое плечо взвалилъ тяжело бремя.
 „Безчеловѣчное и демонское сѣмя!“,
 Ему я закричалъ ошѣ тягости крехтя.
 Тогда на толстый пенъ сложивъ свое дитя,
 Который близко насъ мнѣ къ щаспію случился,
 Чипаніемъ стиховъ душишь меня пустился.
 Уже ударивъ часъ меня къ обѣду звалъ,
 А варваръ чпеніе лишь только начиналъ.
 Ротъ въ пѣнѣ былъ ево и очи помушились,
 Всѣ чувствія ево лишь въ драмму углубились.
 Примѣшя то, что бы себя освободить,
 Я лучше захотѣлъ кафшанъ мой погубить,
 Которымъ онъ ко мнѣ держался прицѣпяся.
 Отъ грусти полумертвъ досадуя, сердясь,
 Тишкомъ съ себя кафшанъ несчастный я стащилъ;
 Отъ радости тогда и спыдъ и все забылъ.
 Благодаря меня освободившей долѣ
 Я бѣгомъ ошѣ врага избавился въ камзолѣ,
 И издали смотря доволенъ, хохоталъ,
 Что драму моему кафшану онъ чипалъ.
 Теперь на ешо все разсудка окомъ глядя,
 Скажите, виненъ ли въ его безпущствѣ дядя?

ЛѢКАРСТВО ОТЪ СКУКИ И ЗАБОТЪ.

№ 51. Середа. Юнія 16 дня 1787 года.

48 загадка значить: *Дерево.*

На возвращеніе Лизеты.

Опрада дней моихъ безцѣнна,
Владычица души моей,

Приди увидѣшь возхищенна

Присущствіемъ красы твоей.

Уже дары здѣсь пышной Флоры

Давно прельщаютъ наши взоры,

Давно здѣсь царствуетъ весна:

Но ахъ! ушѣхъ я видѣлъ мало,

Чего по мнѣ не доставало;

Тобой была вся мысль полна.

Не такъ сладка во время зноя

Цвѣшамъ прохладная роса,

Не столько лѣшомъ для покоя

Тѣнисты милы дерева;

Какъ та за шоки слезъ награда,

Та сердцу плѣнному опрада,

Чтобъ зрѣшь любезну въ пѣхъ мѣстахъ,

Гдѣ прежде съ нею разставался:

Я жизни безъ тебя лишался

Я живъ теперь въ твоихъ очахъ.

Отъ мѣстѣ, которы обтекала
 Съ супругомъ нѣжнымъ и драгимъ,
 Блеснувъ, ненастье ты прогнала
 Возвращомъ солнечнымъ своими. —
 О сколь тѣ узы драгоценны,
 Сколь шверды, нѣжны и священны,
 Которыми мой связанъ духъ!
 Я добродѣшель обожаю;
 Ее въ тебѣ я обрѣшаю,
 Довольно; я твой вѣчный другъ.

Златое время пролетаетъ,
 Приди сдержать его полетъ;
 Гдѣ только образъ твой сіяетъ,
 Тамъ вѣчная весна живетъ:
 Тамъ я твой другъ нелицемѣрный,
 Тамъ нѣжный твой супругъ и вѣрный
 Вкушаемъ счастье и покой:
 Веселье тамъ печетъ рѣками;
 Гдѣ ты подъ шѣми небесами
 Для насъ блистаетъ вѣкъ златой.

Б е с ѣ д а

*последователя Еликуровой секты съ
 друзьями своими.*

Веселые друзья мои и собесѣдники;

Какъ пріятно и спокойно протекаетъ
 жизнь наша! безвинная и непрерывная утѣхи

услаждають наши чувства. Счастливы тот, кто имеет способы находить оныя! мы их имеем довольно; и в избыток радостей своих приглашаем к себе бедных друзей наших и знакомых. — Нет ни мало причины роптать на Создателя, на краткость жизни, и жаловаться на несчастія, которыя не избѣжны. Кто болѣе насъ ощущаетъ сладость его благотвореній? Краткость вѣка награждается тьмою разнообразныхъ удовольствій: одинъ часъ, который имъ посвящаемъ, принуждаетъ забыть минувшія продолжительныя горести. Сладко въ несчастіи воспоминаши прежнія радости; легко забываши въ радостяхъ прежнія несчастія. Повеселимся, друзья мои, пока живы: по смерти намъ ужь такъ не веселишься. Станемъ сладко пить и ѣсть, станемъ любить, сохраняя мѣру. Умѣренность есть такъ же удовольствіе. — Еще тотъ не жилъ на свѣшѣ, кто не вкушалъ его пріятностей.

Перемѣни угрюмый видъ, ослѣпленный строгаю системою, скудный и надменный философъ. Перестань поносить образъ жизни нашей, или справедливѣе скажешь, не завидуй нашему блаженству. Бѣдность принуждаетъ тебя ненавидѣть и убѣгать забавъ. Приди къ намъ, побесѣдуй съ нами; ты будешь веселъ, и съ нами подружишься. Мы тебя сделаемъ участникомъ всего нашего изо-

билія. Вкусныя яствы, пріятныя вины, музыка, веселыя зрѣлища, любовница, друзья, заставляящѣ тебя сказать: ахъ, какъ здѣсь весело! смотри, какъ всѣ мы довольны, хотя и всѣ философы. Когда ты поживешь нѣсколько дней съ нами, повѣрь, совсемъ перемѣнишь свои мысли.

Человѣкъ на то и созданъ, чтобъ веселиться. Все въ созданіи Божіемъ призываетъ насъ къ радостямъ. Какая бы то была жизнь, гдѣ непрестанная скука? Пріятно ли Опцу вселенныя видѣшь любезныхъ чадъ своихъ въ горести? Однако не думай, господинъ Стоикъ, чтобъ мы не любили добродѣтели. Повѣрь, безъ добродѣтели не могли бы мы блаженствовать.

Всѣ наши забавы основаны на законахъ естества: они непорочны. Мы не ограничиваемъ ихъ никакими предубѣжденіями; но чрезъ то и не развращаемся. Мы себя просимъ выпить по рюмкѣ любова вина; но просимъ себя не упиваться. Пьяный не можетъ ощущать нѣжности забавъ. Онъ лишается чувствъ. Словомъ сказать: неумѣренныя удовольствія теряютъ сладость.

Вкушая пріятность жизни, мы не забываемъ нашего долга; исполнивъ его, покоимся въ обѣщаніяхъ умѣренной роскоши. По-

мощь ближнему и всякое добро приноситъ удовольствіе: мы его не упускаемъ. Есть много удовольствій прошивныхъ добродѣтели: мы ихъ убѣгаемъ: и сіе составляетъ намъ удовольствіе другаго рода. Все пріятное сердцу, разуму, есть наша забава.

Не благодаренъ тотъ, кто жизнь именуетъ сборищемъ злочлюченій. Проповѣдники и другіе писатели изчисляють всѣ ея горести; для чего бы не изчислишь всѣхъ ея забавъ? все называютъ суешою, все, говорятъ, исчезаетъ какъ сонъ, все временно и скоропреходяще. Да я бы желалъ знать; для чего упускашь и временное? Въ нашей жизни конечно нѣтъ ничего вѣчнаго. Это смѣшно, желать во временномъ вѣчнаго. Чшо жъ и жизнь наша? Конечно не иное что какъ сонъ; но сонъ пріятный. Горести въ ономъ случающіяся по окончаніи ихъ даютъ намъ чувствовашь всю сладость пріятной жизни точно такъ, какъ бы кто пилъ горькое, и послѣ будетъ пить сладкое: каково ему покажется сладкое? тысячу разъ пріятнѣе, нежели когда бы онъ не выпилъ горькаго; и вкусъ послѣдняго изпробляетъ совершенно вкусъ прошивной перваго. И такъ несчастія нужны, и служатъ къ большому ощущенію пріятности забавъ.

Пускай насъ, любезныя друзья мои, называютъ порочными, пусть они заблуждаются: презримъ ихъ.

Довольсшвейтѣмъ намъ жизнь даетъ;
 Бѣшь, пей, какъ хочешь веселися:
 По смерти тѣхъ забавъ ужъ нѣтъ,
 Чшо есть, теперъ тѣмъ насладися.

*Окончаніе извѣстія о покушеніи Даміана. См.
 IV. 49. Стр. 184.*

На конецъ Даміанъ изъ шюрмы, злобнѣйшее сіе чудовище заключавшей, выведенъ въ одной рубашкѣ, и влекомъ на капоржной шельгѣ съ зажженною въ рукѣ восковою свѣчею вѣсомъ въ два фунта, опвезенъ предъ большую дверь Парижскія церквы. Тамо въ силу судебного приговора павъ на колѣна, долженъ онъ былъ исповѣдаться велегласно, что онъ незаконно и предательски учинилъ неистовое злодѣяніе, и просить прощенія у Бога, Государя и правосудія. Сіе сдѣлавъ, посаженъ былъ на шельгу и опвезенъ на вышеобъявленную площадь Грече, гдѣ велѣно ему взойти на гражданскую палашу; тамъ постоялъ онъ одинъ часъ, и паки увѣрялъ, что въ преступленіи имъ учиненномъ противъ священной особы Государя не имѣлъ никого участникомъ. Послѣ таковаго клятвеннаго

признанія сошелъ съ палаты, и вдругъ возшелъ на большой эшафотъ, нарочно для того среди площади пріуготовленный; возшелъ въроломный даже и шуда съ бодростію и безъ шрепеша, показывая весьма малые знаки внутренняго сожалнія, да еще и того, который при немъ находился, ругалъ изрыгая на него возможные кляшвы. Пославивъ его среди эшафота, начали шопчасъ рвать ему разкаленными щипцами грудь, плеча, бедра и ножныя икры; по томъ сожжена была ему сѣрнымъ огнемъ правая рука, кошорою держалъ вверхъ томъ убійственнoй кинжалъ, сдѣланный съ обоуднымъ воспріемъ, ширины два, а длины въ три дюйма. На часши, шѣмъ шерзаньемъ разорванныя, лили свинецъ расплавленный, кипящее деревянное масло, горячую сѣру, воскъ и сѣру вмѣстѣ расплавленныя; плечо принадлежащее къ сожженной сѣрнымъ огнемъ рукъ, было колошо острыми иглами, по томъ четвершованъ весь. Ошашокъ шѣла разорванъ и шерперзанъ въ куски чешырьмя лошадыми; и дабы ниже шѣнь его не оставалась, шо шерперзанныя члены брошены были на косшеръ и обращены въ пепель, который по томъ развѣянъ въшромъ. Такимъ образомъ окончилъ жизнь свою Францискъ Рупертъ Даміянъ, и такимъ образомъ осталась земля свободно отъ чудовища, шоликое наносившаго ей безчешіе.

Е л и т а ф і я.

Подъ камнемъ ешимъ мужъ споль чудный
положенъ,
Что въ жизни отъ проихъ рога носилъ онъ
женъ;
Онъ видно подъ такимъ созвѣздіемъ родился,
Что былобъ шожъ, хошябъ въ чешверщый
разъ женился.

А. Брхарской.

ЛѢКАРСТВО ОТЪ СКУКИ И ЗАБОТЪ.

№ 52. Середа. Юнія 23 дня 1787 года.

Былъ.

Осьмидесятилѣтняя Жидовка, сожженная на послѣднемъ Ауподафѣ въ Лиссабонѣ, подала случай къ сему малому сочиненію.

Творецъ онаго говоритъ: что хощя онъ и жидъ, однакоже имѣлъ всегда почтеніе къ Христіанской вѣрѣ, и весьма желаетъ у Государей, копорые не будутъ Христіане, изпребитъ неисповое ихъ разположеніе къ гоненіямъ.

Вы жалуешся, говорилъ онъ къ переслѣдовашелямъ; или инквизиторамъ, что Императоръ Японскій приказывалъ жечь огнемъ всѣхъ Христіанъ, находившихся въ его владѣніяхъ; но онъ вамъ отвѣчаетъ: мы поступаемъ съ вами невѣрующими по обыкновенію нашему, такъ какъ вы сами поступаете съ тѣми, копорые не вѣруютъ по обыкновенію вашему: вы можете жаловаться на одну шокмо невозможность, препятствующую вамъ изпреблять насъ, и напрошивъ, заспавляющую насъ изпреблять васъ.

Должно признаться, что вы гораздо жесточе онаго Императора; вы умерщвляете насъ, насъ невѣрующихъ шому, чему вѣрите вы, или лучше сказать, за то только, что мы не вѣруемъ всему шому, чему вѣруете вы. Мы послѣдуемъ вѣрѣ, копорая, какъ вамъ самимъ извѣстно, была нѣкогда предъ Богомъ угодна: мы думаемъ, что она еще и нынѣ ему пріятна, а вы думаете, что она уже ему не угодна больше; и по сему одному сужденію вашему заставляете проходитьъ сквозь оружіе и огонь шѣхъ, копорые находятся въ семъ столь простительномъ заблужденіи, вѣруя шому, что Богъ принимаетъ еще за благо то, что угодно ему было прежде.

Если вы жестоки противу насъ, то вы оказываете себя гораздо больше таковыми противъ нашихъ дѣшей; вы приказываете ихъ жечь за то, что они слѣдуютъ вдохновеніямъ прешедшимъ къ нимъ отъ шѣхъ, къ копорымъ законъ естественный и законы всѣхъ народовъ вперили имъ богоподобное почтеніе.

Вы сами лишаете себя предъ Мугамеданами преимущесва вамъ даннаго шѣмъ же образомъ, копорымъ вѣра ихъ утверждена.

Когда они хвалятся о количествѣ своихъ вѣрныхъ, то вы имъ сказываете, что оныхъ

пріобрѣло имѣ ихѣ насильство, и что они вѣру свою разпроспранили оружіемъ: для чего же вы вашу упверждаете огнемъ?

Когда вы приказываете намъ обратишься къ вамъ, то мы пропивополагаемъ вамъ источникъ и начало, отъ коего вы взаимсшвуете себѣ славу произшедшую отъ него. Вы намъ отвѣчаете, что вѣра ваша есть нова, но что она есть Божеспвенна; и вы сіе доказываете шѣмъ, что она возросла чрезъ гоненія язычниками и кровію вашихъ мучениковъ: но нынѣ занимаете вы мѣсто Діоклипіановъ, а насъ заставляете заступать ваше.

Мы васъ заклиняемъ не чрезъ Бога Всемогущаго, которому вы и мы служимъ, но чрезъ Христа, о которомъ вы намъ сказываете, что онъ принялъ состояніе человѣческое для того, что бы вамъ предложитъ примѣры, которыми бы вы послѣдовашъ могли; мы заклиняемъ васъ поступашъ съ нами такъ, какъ бы онъ самъ посшупалъ, если бы былъ еще на земли. Вы хотите, что бы мы были Христіане, а вы сами оными бытъ не хотите.

Если вы уже не хотите бытъ Христіанами, то будьте по крайней мѣрѣ человѣками: поступайте вы съ нами такъ, какъ бы вы то дѣлали, когда бы вы не имѣя какъ покмощѣ слабая свѣшила правосудія, кои намъ даетъ

одна лишь природа, были безъ всякія для управленія себя вѣры, и не имѣя никакого для просвѣщенія себя ошкровенія.

Если небо возлюбило васъ для того, что бы показать вамъ истинну, то оно учинило вамъ шѣмъ великую милоспѣ: но должны ли дѣши имѣющіе наслѣдіе своего опца, ненави- дѣшь шѣхъ, которые онаго не имѣютъ?

Если вы ее имѣете, то не принуждайте насъ таковымъ образомъ, каковъ вы намъ предлагаеши. Свойспво истинны еспѣ ея торжесшво надъ сердцами и разумомъ, а сіе уже будешъ великимъ доказательспвомъ ея безсилія, если вы думаете доказать ее намъ наказаніями и мучительспвомъ.

Если вы благоразсудительны, то не должны вы насъ умерщвлять за то, что мы не хожемъ васъ обманывать. Христосъ еспѣ Сынъ Божій, то мы надѣемся, что онъ насъ наградитъ за то, что мы не хотѣли бѣжать его шайнствѣ: и мы вѣруемъ, что Богъ, которому вы и мы служимъ, не накажетъ насъ за то, что мы прешерпѣвали смерть за вѣру, которую онъ намъ нѣкогда далъ, поелику мы вѣруемъ, что ее далъ намъ Онъ.

Вы живете въ такомъ вѣкѣ, въ кошоромъ свѣшъ просвѣщеннѣе нежели онъ былъ когда либо въ другое время; когда философія про-

свѣпила умы, когда нравственность вашего Евангелія познана гораздо больше, когда права относящіяся къ челоуѣкамъ преимуществуютъ одни предъ другими, когда владычество, кое одна совѣсть имѣетъ надъ другою, гораздо лучше начертано. Если убо вы не обратитесь отъ замаперѣлыхъ вашихъ предразсужденій, кои, буде вы не примете въ томъ предосторожности, вкоренятъ страсти въ сердца ваши: то надобно признаться, что вы уже на всегда останетесь безъ исправленія, не способны ни къ какому просвѣщенію, и ни къ какому наставленію; и весьма несчастливъ есть тотъ народъ, который даетъ важность и власть таковымъ людямъ какъ вы.

Хотите ли вы, что бы мы объявили вамъ искренно наши мысли? вы взираете на насъ по большой части какъ на своихъ враговъ, нежели какъ на враговъ вашей вѣры: ибо если бы вы любили вашу вѣру, то не допускали бы ее поршиться угрюмымъ невѣжествомъ.

Надобно сказать вамъ еще объ одной вещи; если кто въ попомствѣ дерзнетъ когда либо сказать, что въ вѣкъ, въ которомъ мы живемъ, народы Европейскіе были просвѣщенны, то въ доказательство что они были варвары, можно будетъ согласиться на

васъ, и поняшіе объ васъ будетъ таково, которое вѣкъ вашъ обезславитъ, и будетъ питать внутреннее омерзѣніе и ненависть ко всѣмъ вашимъ современникамъ.

Достопримѣчательный слоръ.

Аристъ человекъ пожилой, а при томъ и холоспой, жилъ въ Парижѣ, посѣщая хорошія бесѣды, обращаясь съ людьми умными, которые имѣли довольно опытовъ и не худые нравы, и съ людьми знашными, кои были очень свѣдуши. Лишась всѣхъ своихъ ближайшихъ сродниковъ, вознамѣрился онъ продать прекрасную, хотя и не большую землю, копорою онъ владѣлъ за 15 миль отъ Парижа. У него былъ искренній другъ, именемъ Клеантъ, копорою имѣлъ жену и дѣшей. „Любезный мой другъ, сказалъ ему однажды Аристъ, мнѣ хочется продать свою землю; я требовалъ ей оцѣнки, мнѣ сказали, что она стоитъ по крайней мѣрѣ сорокъ тысячъ ефимковъ; я удивился поликой цѣнѣ; ибо не получаю съ нее и одной тысячи ефимковъ въ годъ Я ее точно знаю, опвѣчалъ Клеантъ, она близъ моей. Я опъ васъ прошу себѣ предпочтенія въ семъ случаѣ, однакожь, мой другъ, съ нѣкоторымъ условіемъ. Вашу землю худо оцѣнили; она стоитъ пятидесяти тысячъ ефимковъ вмѣсто сорока; ежели вамъ угодно, такъ продажа

„будетъ заключена съ сегодняшняго дня. —
 „За сорокъ, въ доброй часъ, подхватилъ
 „Арисъ. — Не ниже пятидесяти, отвѣчалъ
 „Клеантъ, да и ето еще дешево. — Государь
 „мой, вы хопите всегда быть съ лишкомъ
 „справедливы; но я вамъ говорю, что вы не-
 „иначе будете имѣть мою землю, какъ за-
 „столько, чего она стоить. — Такъ выслу-
 „шайтежъ, государь мой, я лучше хочу оп-
 „казаться отъ вашей земли, нежели видѣть,
 „чтобъ вы продавали ее съ лишкомъ за де-
 „шевую цѣну. — Вы бываеете иногда человекъ
 „несноснаго упрямства; я вамъ сказываю, что
 „моя земля не приноситъ мнѣ въ годъ и ты-
 „сячи ефимковъ. — Послушайте, мой другъ,
 „не надлежитъ сему быть, чтобъ старинная
 „наша дружба отъ пустыхъ тяжестей повреди-
 „лась; назначимъ знапоковъ съ обѣихъ сто-
 „ронъ могущихъ оцѣнить вашу землю безъ вся-
 „кой корысти и пристрастїя, — На ето я
 „весьма согласенъ, отвѣчалъ Арисъ.,, Ка-
 „ждой назначаетъ знапока; по надлежащемъ
 „изслѣдованїи они заключають, что земля сто-
 „итъ пятидесяти тысячъ ефимковъ. Кле-
 „антъ тотчасъ приказалъ оныя опнести къ
 „ношарїусу Ариса; сей послѣдній подписывая
 „контрактъ о продажѣ, сказалъ своему другу
 „сердичнымъ нѣсколькимъ видомъ: „я уже довольно
 „почувствовалъ, что господа знапоки не были
 „ко мнѣ склонны; но я далъ вѣрное слово, такъ
 „не станемъ говорить о томъ болѣе.,,

Оканчивая нынѣ сіе изданіе благодарю васъ любезнѣйшія читательницы удостоившія вниманіемъ своимъ труды мои: сколько жалалъ я бытъ на мѣстѣ сихъ листочковъ. — Благодарю васъ, благосклонные читатели, судившіе мои труды по мѣрѣ возможности. — Благодарю особливѣ васъ, неупомимые сотрудники: за принятое вами участіе въ моихъ намѣреніяхъ. — Кончилось сіе изданіе, но не исчезло съ онымъ рвеніемъ къ полезному.

К О Н Е Ц Ъ

ВПОРЫЯ И ПОСЛѢДНІЯ ЧАСТИ.
